

ISSN 2541-9250

НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ©

международный научный журнал

16+

111
ИЮНЬ
2026
Часть 1

НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№111 (ИЮНЬ)

2026

Часть I

ISSN 2541-9250

НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Международный научный журнал

Ежемесячное научное издание

№6 (111) 2026

Журнал входит в систему НЭБ (Научная электронная библиотека) на платформе eLIBRARY.RU

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

За достоверность и полноту сведений, изложенных в публикациях, а также за точность информации по цитируемой литературе, ответственность несут авторы статей

Публикуемые статьи рецензируются

Работы публикуются в авторской редакции

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

E-mail: nau-pri@naupri.ru

Адрес страницы в сети Интернет: www.naupri.ru

ISSN 2541-9250

9 772541 925005 >

© Авторы статей, 2026

© Редакция научного журнала «Наука через призму времени», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЩЕНИЯ С РТУТЬСОДЕРЖАЩИМИ ОТХОДАМИ. НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УТИЛИЗАЦИИ РТУТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Андреева Анна Алексеевна</i>	6
МОЖЕТ ЛИ АНАЛИЗ ДОФАМИНА ИЛИ ОКСИТОЦИНА ЗАМЕНИТЬ ПОЛИГРАФ?	
<i>Завьялова Ксения Александровна</i>	8
ХИМИЯ ЭМОЦИЙ: КАК ВЕЩЕСТВА В НАШЕМ ОРГАНИЗМЕ ВЛИЯЮТ НА НАСТРОЕНИЕ	
<i>Захарова Надежда Александровна</i>	11
ПИЩЕВЫЕ ДОБАВКИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	
<i>Кохова Лия Руслановна</i>	14
ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕЧЕНИЯ ТУБЕРКУЛЕЗА	
<i>Лосева Александра Владимировна</i>	17
ВЛИЯНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ НАПИТКОВ НА ДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗМА: ВРЕД И ПОЛЬЗА	
<i>Панаите Таисия Николаевна</i>	22

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЧИН АВИАЦИОННЫХ ИНЦИДЕНТОВ, ПРОИСШЕСТВИЙ И КАТАСТРОФ В 2025 ГОДУ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ	
<i>Бодрецов Владимир Васильевич</i>	25

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ	
<i>Авсюк Артем Денисович</i>	28
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ	
<i>Азаренков Степан Вячеславович</i>	32
ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Азаренков Степан Вячеславович</i>	34
ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ	
<i>Бичурина Элла Руслановна</i>	37
ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ЭВТАНАЗИЯ	
<i>Валитов Тимургали Альфредович</i>	42
НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК С ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ	
<i>Голубцов Роман Дмитриевич</i>	44
ПРИВАТИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ	
<i>Голубцов Роман</i>	48
РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАКОПЛЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА ПРИ ЛИКВИДАЦИИ И КОНСЕРВАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ	
<i>Денисов Степан Романович</i>	53
ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ	
<i>Ерополова Виктория Игоревна</i>	57

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ КЕМПИНГОВ

<i>Зотова Ксения Антоновна</i>	60
ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНЫХ (НАДЗОРНЫХ) МЕРОПРИЯТИЙ	
<i>Ильиных Евгений Сергеевич</i>	66
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ BIG DATA В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Казиев Аманжол Гайнулович</i>	68
ХИМИЯ В СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: МЕТОДЫ ДЕТЕКЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ	
<i>Карабаева Ширин Данияровна</i>	72
ЭВОЛЮЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ НОРМ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
<i>Карагулова Диана</i>	76
ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ И ВЫКУП ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ КАК СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОБСТВЕННИКОВ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ЗОУИТ	
<i>Климова Екатерина Сергеевна</i>	79
СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ЗАВЕЩАНИЯ И ИНСТИТУТА ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДОЛИ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ РОССИИ	
<i>Козина Анастасия Алексеевна</i>	82
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЗАПРЕТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
<i>Куйшина Самира Кайратовна</i>	86
К ВОПРОСУ О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ	
<i>Куктеубаева Элина Максатовна</i>	90
СООТНОШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ	
<i>Куктеубаева Элина Максатовна</i>	93
ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ: ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	
<i>Кулумбаева Даяна Азаматовна</i>	95
ПРАВО ПУБЛИЧНЫХ МИРНЫХ СОБРАНИЙ КАК ФОРМА НАРОДОВЛАСТИЯ	
<i>Курмангалиева Асель Ералыевна</i>	99
ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	
<i>Лукашова София Леонидовна</i>	102
НАСЛЕДОВАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
<i>Матвеев Игорь Константинович</i>	104
ЦИФРОВЫЕ ДВОЙНИКИ И НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ВИРТУАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА ПОСЛЕ СМЕРТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ	
<i>Махиня Александра Сергеевна</i>	107
ПЕРЕХОД НА НОВУЮ СИСТЕМУ НАЛОГООБЛАЖЕНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В 2025-2026 ГГ.: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	
<i>Минибаев Даниил Анварович</i>	112
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБЪЕДИНЕНИЕ В ПРОФСОЮЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА И ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ	
<i>Митин Кирилл Евгеньевич</i>	116
ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	
<i>Митин Кирилл Евгеньевич</i>	120

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА БЕЗРАБОТНЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Мусина Руфина Рустамовна</i>	125
РОЛЬ ГЕНОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА <i>Неробеева Вера Николаевна</i>	127
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АГРОТУРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬХОЗНАЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ГОСТЕПРИИМСТВА <i>Пашина Злата Денисовна</i>	130
ПРАВО НА РАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ ПРОТИВ ГАРАНТИИ ДЕПУТАТСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Портнов Дмитрий Владимирович</i>	133
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСТВА, ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОМИЛОВАНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА <i>Редникова Анастасия Владиславовна</i>	137
СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО <i>Сафонова Валерия Владимировна</i>	141
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ <i>Смирнова Полина Владимировна</i>	144
ПРАВО НА СВОБОДУ СЛОВА В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВЛИЯНИЕ НА СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И СЕТЬ ИНТЕРНЕТ <i>Федосова Ксения Алексеевна</i>	147
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВИДА РАЗРЕШЁННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА <i>Эпингер Евгений Денисович</i>	151

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СИЛОВЫЕ ТРЕНИРОВКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА <i>Жидков Сергей Дмитриевич</i>	155
---	-----

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЩЕНИЯ С РТУТЬСОДЕРЖАЩИМИ ОТХОДАМИ. НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УТИЛИЗАЦИИ РТУТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Андреева Анна Алексеевна

студент

Шакурова Айнагуль Алтынбековна

преподаватель

Колледжа права имени Н.С. Киселевой, Россия, г. Москва

Аннотация. Ртуть – это вещество, представляющие наибольшую угрозу для здоровья человека. Это высокотоксичный металл, пары которого начинают испаряться уже при температуре 18 градусов Цельсия. Пары ртути не разлагаются со временем и легко проникают через легочную ткань. При неправильном обращении вызывает серьезные отравления, поражения нервной системы, почек и печени. Этот токсикант негативно воздействует не только на здоровье человека, но и на окружающую среду. В результате воздействия ртути на окружающую среду экосистемы необратимо нарушаются. Поэтому очень важно утилизировать ртутьсодержащие отходы правильно.

Ключевые слова: ртуть, отходы.

LEGAL FRAMEWORK FOR MANAGING MERCURY-CONTAINING WASTE. REGULATORY FRAMEWORK FOR MERCURY DISPOSAL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Andreeva Anna Alekseevna

student

Shakurova Ainagul Altynbekovna

lecturer

N.S. Kiseleva College of Law, Moscow, Russia

Abstract. Mercury is a substance that poses the greatest threat to human health. It is a highly toxic metal, the vapor of which begins to evaporate at temperatures as low as 18 degrees Celsius. Mercury vapor does not decompose over time and easily penetrates lung tissue. If handled improperly, it causes severe poisoning, damage to the nervous system, kidneys, and liver. This toxicant negatively impacts not only human health but also the environment. Mercury's impact on the environment irreversibly disrupts ecosystems. Therefore, it is crucial to dispose of mercury-containing waste properly.

Keywords: mercury, waste.

К ртутьсодержащим отходам относятся ртутьсодержащие товары и изделия, утратившие свои свойства или пришедшие в негодное состояние, а также материалы и предметы, загрязненные ртутью и ее соединениями. Это могут быть: люминесцентные лампы, ртутные термометры, манометры, загрязнённый грунт и другие материалы с содержанием ртути выше пороговых значений.

Согласно статье 4.1 Федерального закону от 24.06.1998 N 89-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «Об отходах производства и потребления»:¹ отходы в зависимости от степени негативного воздействия на окружающую среду подразделяются на пять классов опасности. Класс опасности вида отходов в зависимости от его влияния на окружающую среду можно также установить, опираясь на Приказ Минприроды России от 31.03.2025 №158 «Об утверждении критериев отнесения отходов к I - V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду».² Ртутьсодержащие отходы относятся к I классу - чрезвычайно опасным отходам. В соответствии с ГОСТ Р 52105-2023 «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Классификация и методы переработки ртутьсодержащих отходов».³

¹ Федеральный закон от 24.06.1998 N 89-ФЗ (ред. от 23.03.2026) "Об отходах производства и потребления"

² Приказ Минприроды России от 31.03.2025 N 158 "Об утверждении критериев отнесения отходов к I - V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду".

³ ГОСТ Р 52105-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Классификация и методы переработки ртутьсодержащих отходов.

Способы переработки ртутьсодержащих отходов классифицируют по нескольким признакам:

1. по характеру выделения ртути;
2. по виду перерабатываемых отходов;
3. по типу получаемых в результате переработки материалов.

Технологии обезвреживания оборудования, содержащего ртуть могут быть основаны на: термических, химических и физико-химических методах.

Технологии утилизации и обезвреживания ртутьсодержащего оборудования, основанные на термических методах:

1. высокотемпературный обжиг;
2. термообработка в шнековой трубчатой печи;
3. термовакuumные технологии.

При этих методах ртуть испаряется при нагреве, затем пары конденсируются и собираются.

Технологии обезвреживания оборудования, содержащего ртуть, основанные на химических методах:

1. гидрометаллургический метод;
2. термохимическая технология.

При этих методах ртуть связывается в неоксичные соединения с помощью химических реагентов.

Технологии обезвреживания ртутьсодержащего оборудования, основанные на физико-химических методах:

1. Технология обезвреживания и утилизации ртутьсодержащих отходов с разделением их на компоненты.

Данный подход позволяет извлечь из отходов вторичное сырье: стекло, металлы, люминофор и металлическую ртуть.

Таким образом, в России сформирована базовая правовая основа для обращения с ртутьсодержащими отходами: определены классы опасности, установлены требования к сбору и хранению, запрещено захоронение ламп.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 24.06.1998 N 89-ФЗ (ред. от 23.03.2026) "Об отходах производства и потребления".
2. Приказ Минприроды России от 31.03.2025 N 158 "Об утверждении критериев отнесения отходов к I - V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду".
3. ГОСТ Р 52105-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Классификация и методы переработки ртутьсодержащих отходов.
4. Ракитский В. Н., Сеницкая Т. А., Скупневский С. В. Современные проблемы загрязнения ртутью окружающей среды (обзор литературы) // Гигиена и санитария. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-zagryazneniya-rtutyu-okruzhayuschey-sredy-obzor-literatury> (дата обращения: 03.05.2026).
5. Безруков В. А., Гранберг М. В. Мобильные комплексы обезвреживания отходов 1—4 классов опасности // Союз машиностроителей России. Национальная научно-техническая конференция. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilnye-kompleksy-obezvrezhivaniya-othodov-1-4-klassov-opasnosti> (дата обращения: 03.05.2026).
6. Абдуллаев Б. И. Термические методы демеркуризации ртути и оценка их эффективности // IACJ. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termicheskie-metody-demerkurizatsii-rtuti-i-otsenka-ih-effektivnosti> (дата обращения: 10.05.2026).
7. Милушев, Э. Х. Проблемы обращения с отходами I и II классов опасности в РФ и обеспечение экологической безопасности / Э. Х. Милушев, М. Л. Замковой, В. С. Митрофанов // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 11-1. – С. 333-337.
8. Шерстюченко, О. А. Проблемы утилизации ртутьсодержащих отходов / О. А. Шерстюченко // Инновационные научные исследования. – 2023. – № 11-1(34). – С. 48-55.

МОЖЕТ ЛИ АНАЛИЗ ДОФАМИНА ИЛИ ОКСИТОЦИНА ЗАМЕНИТЬ ПОЛИГРАФ?**Завьялова Ксения Александровна**

студент

Шакурова Айнагуль Алтынбековна

преподаватель

Колледжа права имени Н.С. Киселевой, г. Москва

Аннотация. Полиграф, известный как детектор лжи, на протяжении долгого времени остаётся самой распространённой частью детекции обмана, несмотря на его спорное применение и зависимость от вегетативных реакций, таких как частота сердечных сокращений, кожно-гальванического рефлекса и дыхания. В последние годы нейробиология всё больше и больше развивается и появляются новые способы и подходы, такие как методы визуализации мозга, а также анализ нейрохимических веществ – дофамина и окситоцина.

Ключевые слова: дофамин, окситоцин.

CAN DOPAMINE OR OXYTOCIN TESTING REPLACE THE POLYGRAPH?**Zavyalova Ksenia Aleksandrovna**

student

Shakurova Ainagul Altynbekovna

lecturer

N.S. Kiseleva College of Law, Moscow

Abstract. The polygraph, known as a lie detector, has long remained the most common method of detecting deception, despite its controversial use and reliance on autonomic responses such as heart rate, galvanic skin reflex, and respiration. In recent years, neuroscience has increasingly evolved, introducing new methods and approaches, such as brain imaging and the analysis of neurochemicals – dopamine and oxytocin.

Keywords: dopamine, oxytocin.

Возникает вопрос: могут ли прямые измерения концентрации этих веществ в крови, слюне или спинномозговой жидкости стать объективной заменой классическому полиграфу?

Для начала необходимо подробно разобрать, почему вообще возникает идея использования дофамина и окситоцина в детекции лжи. Оба этих вещества играют ключевую роль в регуляции поведения, эмоций и социальных взаимодействий.

Дофамин обычно связывают с системой вознаграждения, ожиданием награды и ожиданием позитивного подкрепления. Применительно ко лжи было показано, что успешный обман активирует определённые зоны мозга, богатые дофаминовыми рецепторами. Это интерпретируется как выгода от обмана: человек получает дофаминовое подкрепление за то, что ему удалось ввести другого в заблуждение. Эксперименты на животных подтверждают, что ложное поведение может поощряться дофамином⁸. Более того, некоторые исследования показывают, что чем более успешным был обман с точки зрения достижения цели, тем сильнее выражен дофаминовый ответ.

Окситоцин известен как гормон любви, доверия и привязанности⁷. Казалось бы, его уровень должен снижаться при нечестности. Однако противоречивые данные показывают, что введение окситоцина усиливает склонность ко лжи в интересах своей группы⁹.

Никакого универсального признака лжи для окситоцина не выявлено. Также период полураспада окситоцина в крови очень короткий. Для точного анализа требуется забор крови в строго контролируемый момент – это технически сложно при стандартном допросе. Анализ слюны менее точен и подвержен загрязнению.

⁸ Сысоев О.В., Никитина А.А., Кузнецов Д.В. Дофаминовое подкрепление при успешной лжи: данные визуализации мозга. // Российский нейропсихологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 23–34.

⁷ Медведев В.И., Захарова Н.Н. Окситоцин и социальное поведение человека: от доверия к обману. // Физиология человека. – 2017. – Т. 43. – № 5. – С. 88–96.

⁹ Шамрай И.С., Белова Е.П., Тихонова И.А. Окситоцин и внутригрупповая ложь: экспериментальное исследование. // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 56–70.

Традиционный полиграф опирается на несколько основных показателей, включая пульс, давление, дыхание и кожно-гальваническую реакцию⁴. Несмотря на критику, он позволяет регистрировать динамику в реальном времени с высоким разрешением⁵. Для нейрохимических методов временное разрешение хуже, невозможна регистрация быстрых изменений при конкретном вопросе. По параметру инвазивности полиграф является неинвазивным, тогда как анализ дофамина и окситоцина требует забора крови или даёт сниженную точность при анализе слюны. Специфичность к лжи у полиграфа оценивается как умеренная, тогда как для дофамина и окситоцина она низкая, поскольку оба нейромедиатора участвуют во множестве когнитивных и эмоциональных процессов⁶. Возможность фальсификации для полиграфа остаётся высокой, так как существуют физические или психологические приёмы искажения результатов, для нейрохимических методов она также существует, например, с помощью лекарственных препаратов. Научная обоснованность полиграфа в лабораторных условиях достаточно высока, в то время как для дофамина и окситоцина имеются лишь единичные исследования с небольшими выборками. Всё это свидетельствует, что ни дофамин, ни окситоцин не обладают достаточной специфичностью и практической применимостью для замены полиграфа.

Использование анализа крови для выявления лжи связано с рядом этических и процедурных проблем. Во-первых, это требует согласия подозреваемого: в большинстве случаев принудительный забор биологических жидкостей регулируется жёстче, чем применение полиграфа, и требует решения суда. Здесь необходимо обратиться к Конституции Российской Федерации. Статья 21 Конституции гласит, что никто не должен подвергаться медицинским, научным или иным опытам без добровольного согласия¹. Прямое конституционное положение запрещает любое медицинское вмешательство, включая забор крови для анализа на дофамин или окситоцин, без добровольного информированного согласия человека. Статья 22 Конституции дополнительно закрепляет право на личную неприкосновенность, которое включает в себя и телесную неприкосновенность¹.

Во-вторых, результаты нейрохимического анализа зависят от множества внешних факторов, которые практически невозможно полностью контролировать: время суток (суточные ритмы влияют на уровень многих гормонов и нейромедиаторов), приём пищи (особенно богатой аминокислотами-предшественниками), физическая активность перед процедурой, приём лекарств и даже пищевых добавок, стресс, вызванный самой процедурой забора крови⁷. В-третьих, нейрохимический анализ не позволяет разграничивать различные типы лжи – ложь ради выгоды, ложь во спасение, защитную ложь и так далее⁸. Полиграф хотя бы фиксирует вегетативную реакцию на значимый вопрос. Анализ же нейромедиаторов даёт лишь одномерный срез биохимического состояния, не привязанный к конкретному ответу во времени.

Некоторые исследователи предлагают использовать нейрохимические маркеры как дополнительный канал в многомерной системе детекции лжи¹⁰. Такая модель может включать полиграфические данные, запись электрической активности мозга, анализ слюны на гормоны стресса и окситоцин¹⁰. Преимущество такого подхода в том, что слабые места одного метода компенсируются сильными сторонами другого.

На современном этапе научного знания анализ дофамина или окситоцина не может заменить полиграф. Главные причины: отсутствие специфичности, низкое временное разрешение, необходимость забора биологических жидкостей и высокая индивидуальная изменчивость показателей. Кроме того, как было показано, конституционные нормы, в частности статьи 21 и 22 Конституции Российской

⁴ Варламов В.В., Седов А.В. Современные методы инструментальной детекции лжи: критический анализ. // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 4. – С. 45–58.

⁵ Гусев А.Н., Козлов М.К. Надёжность полиграфа в лабораторных и полевых условиях: метаанализ отечественных исследований. // Экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 112–127.

⁶ Лурия Е.А. Нейробиология обмана: роль дофаминергической системы. // Журнал высшей нервной деятельности. – 2020. – Т. 70. – № 3. – С. 301–315.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Ст. 21, 22.

⁷ Медведев В.И., Захарова Н.Н. Окситоцин и социальное поведение человека: от доверия к обману. // Физиология человека. – 2017. – Т. 43. – № 5. – С. 88–96.

⁸ Сысоев О.В., Никитина А.А., Кузнецов Д.В. Дофаминовое подкрепление при успешной лжи: данные визуализации мозга. // Российский нейропсихологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 23–34.

¹⁰ Белов А.С. Адаптация зарубежных подходов к многомерной детекции лжи // Методология и история психологии. – 2018. – № 4. – С. 74–82.

Федерации¹, прямо ограничивают возможность принудительного применения медицинских вмешательств, к которым относится забор крови для нейрохимического анализа. Полиграф, несмотря на свои недостатки, остаётся более оперативным, стандартизированным и конституционно допустимым инструментом⁴⁵.

Тем не менее нейрохимические исследования обогащают понимание механизмов лжи. Они показывают, какие мозговые системы активируются при разных типах обмана, как связаны дофамин и социальное поведение, почему окситоцин может как усиливать доверие, так и способствовать нечестности. Однако даже с развитием технологий анализ дофамина и окситоцина в принципе не может заменить полиграф, поскольку фундаментальные ограничения – отсутствие специфичности, низкое временное разрешение, инвазивность и конституционные запреты на принудительное медицинское вмешательство – носят неустранимый характер.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Ст. 21, 22.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. От 24 марта 2026 года, с изменениями) Ст. 202, 203.
3. Федеральный закон от 24 марта 2026 года №87-ФЗ “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” (принят Государственной Думой 24 марта 2026 года и одобрен Советом Федерации 1 апреля 2026 года).
4. Варламов В.В., Седов А.В. Современные методы инструментальной детекции лжи: критический анализ. // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 4. – С. 45–58.
5. Гусев А.Н., Козлов М.К. Надёжность полиграфа в лабораторных и полевых условиях: метаанализ отечественных исследований. // Экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 112–127.
6. Лурия Е.А. Нейробиология обмана: роль дофаминергической системы. // Журнал высшей нервной деятельности. – 2020. – Т. 70. – № 3. – С. 301–315.
7. Медведев В.И., Захарова Н.Н. Окситоцин и социальное поведение человека: от доверия к обману. // Физиология человека. – 2017. – Т. 43. – № 5. – С. 88–96.
8. Сысоев О.В., Никитина А.А., Кузнецов Д.В. Дофаминовое подкрепление при успешной лжи: данные визуализации мозга. // Российский нейропсихологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 23–34.
9. Шамрай И.С., Белова Е.П., Тихонова И.А. Окситоцин и внутригрупповая ложь: экспериментальное исследование. // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 56–70.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Ст. 21, 22.

⁴ Варламов В.В., Седов А.В. Современные методы инструментальной детекции лжи: критический анализ. // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 4. – С. 45–58.

⁵ Гусев А.Н., Козлов М.К. Надёжность полиграфа в лабораторных и полевых условиях: метаанализ отечественных исследований. // Экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 112–127.

ХИМИЯ ЭМОЦИЙ: КАК ВЕЩЕСТВА В НАШЕМ ОРГАНИЗМЕ ВЛИЯЮТ НА НАСТРОЕНИЕ**Захарова Надежда Александровна**

студент

Шакурова Айнагуль Алтынбековна

преподаватель

Колледжа права имени Н. С. Киселевой, г. Москва

Аннотация. Актуальность темы исследования заключается в растущем интересе к взаимосвязи между биохимическими процессами и эмоциональным состоянием человека. В условиях современного мира, где уровень стресса, тревожности и депрессии значительно возрос, понимание того, как химические вещества в нашем организме влияют на настроение, становится особенно важным. Современные исследования в области нейробиологии и психофармакологии открывают новые горизонты в понимании механизмов, управляющих нашими эмоциями. Знание о том, как нейротрансмиттеры, гормоны и другие биохимические вещества влияют на психическое здоровье, может помочь людям осознанно управлять своим эмоциональным состоянием и улучшать качество жизни.

Ключевые слова: уровень стресса, тревожность, депрессия.

THE CHEMISTRY OF EMOTIONS: HOW SUBSTANCES IN OUR BODY AFFECT MOOD**Nadezhda Aleksandrovna Zakharova**

student

Ainagul Altynbekovna Shakurova

lecturer

N.S. Kiseleva College of Law, Moscow

Abstract. The relevance of this research topic lies in the growing interest in the relationship between biochemical processes and human emotional state. In today's world, where stress, anxiety, and depression levels have increased significantly, understanding how chemicals in our bodies influence mood is becoming especially important. Modern research in neurobiology and psychopharmacology is opening new horizons in understanding the mechanisms that control our emotions. Understanding how neurotransmitters, hormones, and other biochemicals influence mental health can help people consciously manage their emotional state and improve their quality of life. Key words: stress level, anxiety, depression.

Keywords: stress level, anxiety, depression.

Эмоции — это не просто субъективные переживания, а сложный биохимический процесс. В нём участвуют два типа веществ: нейромедиаторы и гормоны.

1) Нейромедиаторы (нейротрансмиттеры) — это биологически активные химические вещества, обеспечивающие передачу сигналов между нервными клетками в мозге и по всему телу. Они играют ключевую роль в регуляции эмоций, когнитивных функций, двигательной активности, сна, аппетита и других физиологических и психических процессов.²

Механизм их работы таков: нейромедиаторы хранятся в синаптических пузырьках внутри нейрона. Когда нейрон возбуждается, пузырьки перемещаются к синаптической щели — пространству между нейронами — и высвобождают нейромедиаторы. Те пересекают щель и связываются с рецепторами на поверхности следующего нейрона, вызывая ответную реакцию. После передачи сигнала вещества инактивируются.

По структуре нейромедиаторы делят на аминокислоты (глутамат, ГАМК, глицин), моноамины (дофамин, норадреналин, серотонин), пептиды (эндорфины, окситоцин) и другие соединения (ацетилхолин, оксид азота и т.д.).⁶

Каждый нейромедиатор выполняет свои задачи.

Глутамат — главный возбуждающий нейромедиатор, важный для обучения и запоминания; его избыток может быть токсичен для нервных клеток. ГАМК, напротив, тормозит активность нервной системы, снижает тревогу и способствует расслаблению.

² Апчел, В.Я. Физиология человека и животных: Учебник для студ. учреждений высш. пед. проф. образования / В.Я. Апчел, Ю.А. Даринский, В.Н. Голубев. - М.: ИЦ Академия, 2017. - 448 с.

⁶ Лекции Дубынина В.А.: Физиология сенсорных и двигательных систем. Физиология человека: В 3-х томах. Т. 2. Пер. с англ./Под ред. Р. Шмидта и Г.Тевса. — 3-е изд. — М.: Мир, 2005. — 314 с., ил..

Серотонин регулирует настроение, сон и аппетит — его недостаток связывают с депрессией.

Дофамин отвечает за мотивацию и удовольствие, участвует в формировании привычек.

Норадреналин помогает реагировать на стресс и повышает концентрацию внимания.

Ацетилхолин задействован в нервно-мышечной передаче и регуляции памяти, а эндорфины подавляют боль и вызывают чувство эйфории.

Дисбаланс нейромедиаторов лежит в основе многих заболеваний: депрессии, эпилепсии, болезни Паркинсона, Альцгеймера, шизофрении и обсессивно-компульсивного расстройства.⁴

2) Гормоны — это биологически активные органические соединения, которые вырабатываются определёнными клетками, преимущественно эндокринными железами, и отвечают за управление, регуляцию и координацию важнейших функций организма. Само слово «гормон» переводится с греческого как «возбуждать» или «приводить в движение».

Эти вещества выделяются непосредственно в кровоток и с его помощью доставляются к органам и тканям, удалённым от места выработки, — так называемым клеткам-мишеням.

Гормоны обладают несколькими ключевыми свойствами: они проявляют высокую физиологическую активность даже в малых количествах, действуют на отдалённые органы, быстро разрушаются в тканях и непрерывно секретируются для стабильного регулирования функций.

Роль отдельных гормонов в организме сложно переоценить. Так, инсулин и глюкагон, вырабатываемые поджелудочной железой, контролируют уровень глюкозы в крови и регулируют использование энергии. Тироксин и трийодтиронин, производимые щитовидной железой³, задают скорость метаболизма: их недостаток приводит к замедлению обмена веществ и набору веса. Надпочечники выделяют адреналин и норадреналин, которые мобилизуют организм в стрессовых ситуациях — ускоряют сердцебиение, расширяют сосуды и повышают давление.⁸

Нормальная работа организма напрямую зависит от правильного соотношения и достаточного уровня гормонов. Любые нарушения в их выработке, транспортировке или усвоении могут привести к серьёзным заболеваниям: сахарному диабету из-за дефицита инсулина, гипо- или гипертиреоза при проблемах с щитовидной железой, ожирению, бесплодию из-за дисбаланса половых гормонов, а также к депрессии и тревожным расстройствам.

Один из ключевых провокаторов дисбаланса — хронический стресс. Он заставляет надпочечники усиленно вырабатывать кортизол и адреналин. Кратковременный выброс этих гормонов — нормальная реакция на опасность, но при длительном стрессе ресурсы организма истощаются: страдает иммунитет, сбивается цикл сна, нарушается обмен веществ.

Немаловажную роль играет питание. Дефицит белков, витаминов (особенно группы B, D, A, E) и микроэлементов (йода, цинка, магния) мешает синтезу гормонов и нейромедиаторов.

Малоподвижный образ жизни уменьшает выработку серотонина, известного как «гормон радости». В то же время регулярные умеренные нагрузки помогают поддерживать его оптимальный уровень.⁷

Заболевания эндокринных органов — гипотиреоз, щитовидной железы, надпочечников, яичников или яичек — напрямую нарушают выработку гормонов. Например, при гипотиреозе снижается уровень тиреоидных гормонов и замедляется метаболизм, а при синдроме поликистозных яичников повышается уровень андрогенов.

Вредные привычки усугубляют ситуацию. Алкоголь нарушает метаболизм гормонов и баланс нейромедиаторов (ГАМК, глицина, норадреналина, дофамина, серотонина), курение угнетает выработку эстрогена.

Генетические особенности могут предрасполагать к дисбалансу: например, сниженный синтез серотонина или отклонения в генах, связанных с транспортом дофамина, влияют на развитие некоторых расстройств. С возрастом синтез нейромедиаторов и гормонов естественным образом замедляется — это повышает риск перепадов настроения и депрессии.

⁴ Жуков В.Н., Пантелеев С.С. Нейромедиаторы и нейропептиды: роль в патогенезе нервных и психических заболеваний. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. — 284 с.

³ Болезни щитовидной железы / под ред. Л.И. Брамермана. — М.: Медицина, 2000. — 432 с.

⁸ Циркин, В. И. Оценка адренореактивности эритроцитов, основанная на способности адреналина повышать скорость агглютинации эритроцитов [Текст] / В. И. Циркин, М. А. Громова, Д. А. Колчина, В. И. Михайлова, Я. К. Плясунова // Фундаментальные исследования. — 2008. — № 7. — С. 59–60.

⁷ Ситникова А.Е. Влияние физической культуры на здоровье человека / А.Е.Ситникова, И.Ю. Головинова // Наука-2020. - 2022. - № 7 (61). - С. 207-211.

Экологические факторы — токсины, пестициды, тяжёлые металлы, а также некоторые компоненты косметики (парабены, фталаты) — способны нарушать работу эндокринной системы.

Таким образом, нарушение равновесия нейромедиаторов и гормонов редко вызвано чем-то одним: чаще всего это результат сочетания нескольких факторов.

Поддержание здорового баланса нейромедиаторов и гормонов — это комплексная задача, которая зависит от многих аспектов образа жизни. Всё взаимосвязано: то, что мы едим, как двигаемся, спим и реагируем на стресс, напрямую влияет на работу эндокринной и нервной систем.

Важнейшую роль играет питание⁴. Организму нужны разнообразные питательные вещества, чтобы синтезировать гормоны и нейромедиаторы в нужном количестве. Белки из нежирного мяса, рыбы, яиц и бобовых служат строительным материалом для многих биологически активных веществ.

Не менее важна физическая активность. Умеренные нагрузки — будь то ходьба, плавание, езда на велосипеде или йога — стимулируют выработку эндорфинов, снижают уровень стресса и улучшают чувствительность к инсулину. Они также помогают поддерживать нормальный уровень гормона роста и укрепляют общее самочувствие.

Качественный сон — ещё один краеугольный камень гормонального здоровья. Взрослому человеку обычно требуется 7–8 часов сна в сутки.

Управление стрессом имеет огромное значение, поскольку хронический стресс повышает уровень кортизола. Избыток этого гормона негативно сказывается на работе щитовидной железы, половых гормонов и общем метаболизме.

Отказ от вредных привычек — курения и злоупотребления алкоголем — тоже вносит вклад в поддержание баланса. Эти факторы нарушают работу эндокринной системы и метаболизм нейромедиаторов, что может приводить к долгосрочным проблемам со здоровьем.⁵

Наконец, регулярные медицинские обследования позволяют вовремя заметить возможные нарушения. Анализы крови на гормоны, УЗИ щитовидной железы и другие диагностические процедуры помогают выявить отклонения на ранней стадии. Если у вас есть хронические заболевания или эндокринные нарушения, особенно важно консультироваться с врачом — эндокринологом или диетологом — перед тем, как вносить серьёзные изменения в образ жизни или рацион.

Своевременное обращение к специалисту поможет подобрать индивидуальный план коррекции и вернуть организму гармонию. В конечном счёте забота о балансе нейромедиаторов и гормонов — это забота о качестве жизни в целом: о бодрости, хорошем настроении, энергии и долголетию.

Список литературы:

1. Агаджанян, Н. А. Воздействие внешних факторов на формирование адаптационных реакций организма человека. Новые технологии / Н. А. Агаджанян, Г. М. Коновалова // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. 2010. № 2. С. 142–144
2. Апчел, В.Я. Физиология человека и животных: Учебник для студ. учреждений высш. пед. проф. образования / В.Я. Апчел, Ю.А. Даринский, В.Н. Голубев.. - М.: ИЦ Академия, 2017. - 448 с.
3. Болезни щитовидной железы / под ред. Л.И. Брамермана. – М.: Медицина, 2000. – 432 с.
4. Жуков В.Н., Пантелеев С.С. Нейромедиаторы и нейропептиды: роль в патогенезе нервных и психических заболеваний. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. — 284 с.
5. Зубаирова Л.Д., Зубаиров Д.М. Курение как фактор риска сердечно-сосудистых заболеваний // Казанский медицинский журнал. – 2009. – № 5
6. Лекции Дубынина В.А.: Физиология сенсорных и двигательных систем. Физиология человека: В 3-х томах. Т. 2. Пер. с англ./Под ред. Р. Шмидта и Г.Тевса. — 3-е изд. — М.: Мир, 2005. — 314 с.
7. Ситникова А.Е. Влияние физической культуры на здоровье человека / А.Е.Ситникова, И.Ю. Головинова // Наука-2020. - 2022. - № 7 (61). - С. 207-211.
8. Циркин, В. И. Оценка адренореактивности эритроцитов, основанная на способности адреналина повышать скорость агглютинации эритроцитов [Текст] / В. И. Циркин, М. А. Громова, Д. А. Колчина, В. И. Михайлова, Я. К. Плясунова // Фундаменталь-ные исследования. – 2008. – № 7. – С. 59–60.

⁴ Агаджанян, Н. А. Воздействие внешних факторов на формирование адаптационных реакций организма человека. Новые технологии / Н. А. Агаджанян, Г. М. Коновалова // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. 2010. № 2. С. 142–144

⁵ Зубаирова Л.Д., Зубаиров Д.М. Курение как фактор риска сердечно-сосудистых заболеваний // Казанский медицинский журнал. – 2009. – № 5

ПИЩЕВЫЕ ДОБАВКИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**Кохова Лия Руслановна**

студент

Шакурова Айнагуль Алтынбековна,

преподаватель

Колледж права имени Н.С. Киселевой, г. Москва

Аннотация. Актуальность темы исследования заключается в том, что в современном мире питание и безопасность пищевых продуктов играют важную роль. Почти каждый продукт содержит пищевые добавки, которые обозначаются буквой «Е», что вызывает у потребителей опасения и много споров.

Ключевые слова: пищевые добавки, еда.

FOOD ADDITIVES: MYTHS AND REALITY**Kokhova Liya Ruslanovna**

student

Shakurova Ainagul Altynbekovna

lecturer

N. S. Kiseleva Law College, Moscow

Abstract. The relevance of this research topic lies in the fact that nutrition and food safety play a crucial role in the modern world. Almost every product contains food additives, designated by the letter "E," which raises consumer concerns and much debate.

Keywords: food additives, food.

В социальных сетях распространены огромное количество мифов и слухов про пищевые добавки. В то же время производители не могут обойтись без них: они нужны, чтобы еда дольше хранилась, выглядела аппетитно и имела приятный вкус. В этих условиях у людей возникает необходимость в получении достоверной, научно обоснованной информации, позволяющей отделить угрозы и риски от страхов. Эта статья поможет отделить научные факты от мифов и показать, как государство контролирует безопасность продуктов.

*Пищевые добавки*¹ — это синтетические химические или натуральные вещества, которые производители добавляют в продукты питания, чтобы придать им определённые качества: оттенки вкуса, цвет, аромат, консистенцию.

С самого начала пищевые добавки были исключительно натуральными. Однако с развитием химической промышленности их вытеснили искусственные вещества.

Основные функции пищевых добавок: увеличивают срок хранения продуктов; предотвращают развитие бактерий и плесени; улучшают внешний вид; сохраняют вкус и аромат; стабилизируют структуру продукта; облегчают промышленное производство и транспортировку.

По своему назначению пищевые добавки делятся на консерванты, красители, антиоксиданты, стабилизаторы, эмульгаторы, усилители вкуса, подсластители и разрыхлители.³

Консерванты препятствуют размножению микроорганизмов и помогают сохранять продукты свежими.

Красители придают продуктам более привлекательный внешний вид, а *антиоксиданты* предотвращают окисление и порчу жиров.

Эмульгаторы и стабилизаторы позволяют сохранять однородную консистенцию продукта, например, в соусах, мороженом и йогуртах.

Усилители вкуса делают вкус более насыщенным, а *подсластители* используются как заменители сахара.

E100-199 – красители - предназначены для придания, усиления или восстановления окраски пищевой продукции;

¹ Донченко, Л. В. Безопасность пищевой продукции : учебник для среднего профессионального образования / Л. В. Донченко, В. Д. Надякта. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 452 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-16706-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/589290> (дата обращения: 20.05.2026).

³ Пищевая химия. Добавки : учебник для вузов / Л. В. Донченко, Н. В. Сокол, Е. В. Щербакова, Е. А. Красносельова ; ответственный редактор Л. В. Донченко. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 223 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-05898-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/584688> (дата обращения: 16.05.2026).

E200-299 – консерванты – предназначены для увеличения сроков годности пищевой продукции путем защиты от роста микроорганизмов.

E300-399 – антиокислители – предназначены для замедления процесса окисления и увеличения сроков годности.

E400-499 – стабилизаторы – предназначены для обеспечения агрегативной устойчивости и поддержания однородной дисперсии несмешивающихся ингредиентов.

E500-599 – эмульгаторы – предназначены для создания и сохранения однородной смеси несмешивающихся фаз в пищевом продукте.

E600-699 – усилители вкуса (аромата) – предназначены для усиления вкуса или модификации природного вкуса и аромата продуктов.

E700-899 – зарезервированные.

E900–E999 – пеногасители (антифламинги), пропелленты (газы, выталкивающие продукт из баллончика), подсластители, влагоудерживающие агенты (предотвращают высыхание продукта), упаковочные газы.⁴

Кроме того, пищевые добавки подразделяются на натуральные и синтетические.

Натуральные добавки получают из природного сырья — растений, минералов или продуктов животного происхождения. К ним относятся, например, пектин, агар-агар, каротин и куркумин. Такие вещества часто воспринимаются как более безопасные, однако натуральное происхождение не всегда гарантирует отсутствие вреда для здоровья, так как некоторые природные вещества способны вызывать аллергические реакции.

Синтетические добавки создаются в лабораторных условиях. К ним относятся некоторые красители, консерванты и подсластители. Несмотря на мнение о том, что они опасны, перед использованием такие вещества проходят многочисленные исследования и допускаются к применению только при соблюдении установленных норм.

Мифы и правда о пищевых добавках Е

1. Натуральное всегда безопасно, а синтетическое вредно.

На самом деле это не так. Степень безопасности зависит не от происхождения вещества, а от его свойств, концентрации и количества употребления. Некоторые натуральные компоненты могут вызывать аллергию или другие негативные реакции, а искусственные, прежде чем попасть в продукты, тщательно проверяют.

2. Все пищевые добавки вредны.

Многие пищевые добавки применяются чтобы сохранить качество продуктов и предотвратить их быструю порчу. Например, консерванты помогают защищать продукт от плесени, а антиоксиданты замедляют процесс окисления и сохраняют свежесть пищи.

Законодательное регулирование пищевых добавок.

В Российской Федерации использование пищевых добавок находится под строгим государственным контролем. Основная цель — обеспечение безопасности продуктов питания и защита здоровья потребителей. Все пищевые добавки перед разрешением к применению проходят специальные исследования, где изучается их влияние на организм человека, возможные риски и допустимые нормы употребления.

Одним из основных документов, регулирующих применение пищевых добавок в России, является СанПиН 2.3.2.1293-03 «Гигиенические требования по применению пищевых добавок».⁵ В нём содержатся перечни разрешённых веществ, условия их использования и максимально допустимые концентрации в пищевых продуктах.

Также важную роль играет Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 029/2012 «Требования безопасности пищевых добавок, ароматизаторов и технологических вспомогательных средств». Этот документ устанавливает единые требования к безопасности пищевых добавок, правила их применения, хранения, производства и маркировки продукции.

⁴ Роспотребнадзор. О маркировке «Е» на этикетках продуктов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Роспотребнадзора. — URL: <https://www.gospotrebnadzor.ru/> (дата обращения: 19.05.2026).

⁵ СанПиН 2.3.2.1293-03. Гигиенические требования по применению пищевых добавок : постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 апр. 2003 г. № 59 : введ. в действие 15 июня 2003 г. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://sh6-stavropol-r07.gosweb.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).

Согласно Закону РФ «О защите прав потребителей»² и ГОСТ Р 51074-2003, производитель обязан указывать на упаковке полную информацию о продукте. На этикетке должны быть указаны: наименование пищевой добавки; её Е-код; состав продукта; дата изготовления; срок годности; условия хранения; противопоказания для отдельных групп населения (при необходимости).

Такая маркировка помогает потребителям получать достоверную информацию о составе продуктов.

Контроль за соблюдением законодательства осуществляют органы санитарного и технического надзора. Они проверяют качество продукции, соответствие установленным нормам и безопасность используемых веществ.

На международном уровне безопасность пищевых добавок контролирует Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). Эти организации разработали международную систему стандартов Codex Alimentarius («Пищевой кодекс»), содержащую рекомендации по применению пищевых добавок, допустимым дозировкам и требованиям к безопасности продуктов питания.

Список литературы:

1. Донченко, Л. В. Безопасность пищевой продукции : учебник для среднего профессионального образования / Л. В. Донченко, В. Д. Надыкта. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 452 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-16706-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/589290> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» : (ред. от 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026). — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 20.05.2026).
3. Пищевая химия. Добавки : учебник для вузов / Л. В. Донченко, Н. В. Сокол, Е. В. Щербакова, Е. А. Красноселова ; ответственный редактор Л. В. Донченко. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 223 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-05898-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт. — URL: <https://urait.ru/bcode/584688> (дата обращения: 16.05.2026).
4. Роспотребнадзор. О маркировке «Е» на этикетках продуктов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Роспотребнадзора. — URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=17561 (дата обращения: 19.05.2026).
5. СанПиН 2.3.2.1293-03. Гигиенические требования по применению пищевых добавок : постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 апр. 2003 г. № 59 : введ. в действие 15 июня 2003 г. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://sh6-stavropol-r07.gosweb.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).
6. Технический регламент Таможенного союза. ТР ТС 029/2012. Требования безопасности пищевых добавок, ароматизаторов и технологических вспомогательных средств : принят 20.07.2012 (с изм. на 29.08.2023). — [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902359401> (дата обращения: 24.05.2026).
7. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (последняя редакция). — [Электронный ресурс]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.05.2026).
8. Черевко А. И., Михайлов В. М. и др. Энциклопедия питания. Том 4. Пищевые добавки: справочное издание. М.: КноРус, 2024. 631 с. ISBN 978-5-406-12131-3.

² Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» : (ред. от 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026). — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 20.05.2026).

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕЧЕНИЯ ТУБЕРКУЛЕЗА

Лосева Александра Владимировна

студент

Шакурова Айнагуль Алтынбековна,

преподаватель

Колледж права имени Н. С. Киселевой, г. Москва

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью поиска баланса между соблюдением прав и свобод человека, с одной стороны, и обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия населения — с другой, поскольку туберкулез остается социально опасным инфекционным заболеванием, а анализ правовых механизмов (от принудительной госпитализации и предписаний Роспотребнадзора до ограничений, связанных с отказом от вакцинации) показывает, что государство вынуждено применять меры принуждения к заразным больным и контактными лицам, тогда как прямое уголовное наказание за заражение туберкулезом носит формальный характер из-за проблем доказывания и отсутствия четких медицинских критериев тяжести вреда, что создает правовые пробелы и требует от законодателя тонкой настройки инструментов защиты здоровых граждан от тех, кто умышленно уклоняется от лечения.

Ключевые слова: туберкулёз, диагностика, лечение.

LEGAL ASPECTS OF TUBERCULOSIS TREATMENT

Loseva Alexandra Vladimirovna

student

Shakurova Ainagul Altynbekovna

teacher

College of Law named after N. S. Kiseleva, Moscow

Abstract. The relevance of this work stems from the need to find a balance between respecting human rights and freedoms, on the one hand, and ensuring the sanitary and epidemiological well-being of the population, on the other. Tuberculosis remains a socially dangerous infectious disease. An analysis of legal mechanisms (from involuntary hospitalization and Rospotrebnadzor orders to restrictions related to vaccination refusal) shows that the state is forced to apply coercive measures to infectious patients and their contacts. Direct criminal punishment for tuberculosis infection is formalistic due to evidentiary difficulties and the lack of clear medical criteria for the severity of harm. This creates legal gaps and requires legislators to fine-tune their instruments to protect healthy citizens from those who deliberately evade treatment.

Keywords: tuberculosis, diagnosis, treatment.

Туберкулёз — инфекционное (заразное) заболевание, вызываемое микобактерией туберкулёза (палочкой Коха). Чаще всего поражает лёгкие, но может вызывать заболевание костей, суставов, почек, кожи и других органов.

Источником инфекции является больной человек, который выделяет микобактерии в окружающую среду.

Специфика данного заболевания заключается не столько в тяжести диагностики и лечения, сколько в его скрытности и заразности. Человек, больной туберкулезом, сам может не подозревать о своем недуге и при этом, он уже является заразным для окружающих. Именно по этим соображениям государство устанавливает особый правовой режим в отношении данного заболевания. Инфекция туберкулеза является одной из социально-значимых инфекций.

Социально значимые заболевания — это заболевания, возникновение и распространение которых в значительной степени зависит от социально-экономических условий. Они приносят значительный ущерб обществу, связаны с высокой заболеваемостью, временной нетрудоспособностью, инвалидностью и смертностью. В России перечень социально значимых заболеваний утверждён постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 №715⁵.

⁵ Приложение. Перечни социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих

В местах лишения свободы эта болезнь также получила широкое распространение и приводила к высокой смертности среди арестантов. Проблема заболеваемости туберкулезом в пенитенциарной системе актуальна и в настоящее время.

В СССР после Великой Отечественной войны проблема с распространением туберкулёза стояла особенно остро. Государство продолжило активную борьбу за здоровье населения: увеличивалось количество медицинских противотуберкулезных центров, началось развитие сети противотуберкулезных диспансеров.

В 1948 году было принято постановление Совета министров СССР «О мероприятиях по снижению заболеваемости туберкулёзом», после которого в стране стал широко распространяться флюорографический метод обследования населения, а также противотуберкулёзная вакцинация. В 1950-е годы обследование на туберкулёз проходило до 50 миллионов человек ежегодно. С 1960 года была введена обязательная вакцинация всех детей, студентов и работников медицинских учреждений в возрасте до 30 лет. В результате в СССР значительно выросло количество случаев выявления туберкулёза на ранних стадиях, а общая заболеваемость населения стала снижаться.

В России в отношении этой инфекции принят особый правовой статус. Разработан отдельный Федеральный Закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»⁶, а также множество подзаконных нормативных актов Правительства России, Министерства здравоохранения России, Роспотребнадзора и других ведомств.

Основой формирования государственной политики в области противотуберкулезной помощи населению РФ является Конституция РФ, в 41-й статье которой закреплено право гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счёт средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

Федеральный Закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» устанавливает правовые основы осуществления государственной политики в области предупреждения распространения туберкулеза в Российской Федерации в целях охраны здоровья граждан и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Данным федеральным законом в правовое поле вводятся термины:

активная форма туберкулеза - туберкулез, признаки активности процесса которого установлены в результате проведения клинических, лабораторных, рентгенологических исследований;

заразная форма туберкулеза - активная форма туберкулеза, при которой происходит выделение микобактерий туберкулеза;

больной туберкулезом - больной активной формой туберкулеза;

лицо с подозрением на туберкулез - лицо, у которого при оказании медицинской помощи или проведении медицинского осмотра, диспансеризации выявлены признаки возможного заболевания туберкулезом, при наличии которых требуется проведение дополнительного обследования указанного лица и (или) установление диспансерного наблюдения;

лицо, находящееся или находившееся в контакте с источником туберкулеза, - лицо, которое по месту жительства, месту пребывания (нахождения), месту работы или учебы, месту отбывания наказания либо в месте содержания под стражей состоит или состояло в контакте с больным туберкулезом или с больным туберкулезом сельскохозяйственным животным.

Глава III Федерального Закона от 18.06.2001 № 77-ФЗ «Противотуберкулезная помощь как основа предупреждения распространения туберкулеза»⁷ содержит статью, конкретизирующую организации противотуберкулезной помощи, диспансерное наблюдение, обязательное обследование и лечение больных туберкулезом, а также ведение статистического наблюдения за распространением туберкулеза.

В главе IV Федерального Закона от 18.06.2001 № 77-ФЗ «Права и обязанности лиц, находящихся под диспансерным наблюдением в связи с туберкулезом, и больных туберкулезом»⁸ конкретизируются правовые нормы в отношении указанных групп лиц. Так лица, больные туберкулезом, обязаны проходить лечение, назначенное врачом медицинской противотуберкулезной организации, соблюдать режим лечения, соблюдать государственные санитарно-эпидемиологические правила и гигиенические

⁶ Федеральный закон от 18 июня 2001 г. N 77-ФЗ "О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации"

⁷ Федеральный закон "О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации" от 18.06.2001 N 77-ФЗ (последняя редакция).

⁸ Федеральный закон "О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации" от 18.06.2001 N 77-ФЗ

нормативы, установленные для указанной категории лиц.

СанПин 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней»,⁹ а также другие санитарные правила и нормы регулируют специальные требования к широкому спектру трудовых и общественно значимых процессов (питание, обучение, лечение и т.д.). Указанный нормативный акт содержит четкие и конкретные действия, которые неопределенный круг участников должен выполнять, в случаях осуществления различных видов хозяйствующей деятельности.

Нарушение законодательства Российской Федерации в области предупреждения распространения туберкулеза влечет за собой дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством (статья 16 Федеральный Закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ).

К основным нормативным документам, определяющим медицинские и санитарные аспекты оказания и организации медицинской помощи по профилю «фтизиатрия» (противотуберкулезная медицинская помощь) являются:

- Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ¹⁰;
- Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15 ноября 2012 г. № 932н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи больным туберкулезом»¹¹;
- СанПин 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней»¹²;
- Приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 декабря 2021 г. № 1122н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок»¹³;
- Клинические рекомендации «Туберкулез у взрослых»;
- Клинические рекомендации «Туберкулез у детей»;
- Международные соглашения РФ в борьбе с туберкулезом (Стратегия ВОЗ по ликвидации туберкулеза, Политическая декларация заседания высокого уровня по борьбе с туберкулезом, Московская декларация по ликвидации

Эпидемический процесс включает три взаимосвязанных компонента: источник инфекции, механизм передачи возбудителя и восприимчивый организм или коллектив. Отсутствие одного из компонентов прерывает течение эпидемического процесса.

На первое звено эпидемиологического процесса – источник инфекции (больной открытой формой туберкулеза) и механизм передачи (само взаимодействие источника инфекции и восприимчивого организма) направлены меры по изоляции больных и их лечению в условиях медицинских организаций.

Часть мер по изоляции реализуются только в специализированном медицинском стационаре. В случаях, когда больной открытой формой туберкулеза не выполняет эти противоэпидемические меры, уклоняется от изоляции и лечения и возникает необходимость защиты неопределенного круга граждан от потенциальной опасности – заражения туберкулезом.

Правовыми нормами Российской Федерацией в данных случаях предусмотрены специальные механизмы противодействия распространению туберкулеза среди населения. Больные заразными формами туберкулеза, неоднократно нарушающие санитарно-противоэпидемический режим, а также умышленно уклоняющиеся от обследования или от лечения туберкулеза, на основании решений суда госпитализируются в медицинские противотуберкулезные организации для обязательных обследования и лечения в стационарных условиях.

⁹ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. N 4 "Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 "Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней"

¹⁰ Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция)

¹¹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15 ноября 2012 г. N 932н "Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи больным туберкулезом"

¹² Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. N 4 "Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 "Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней"

¹³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 декабря 2021 г. № 1122н "Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок"

Порядок принятия решения о такой принудительной госпитализации урегулирован главой 31 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ряд вопросов разъяснен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50.

В уголовном кодексе Российской Федерации есть отдельная глава 16 «Преступления против жизни и здоровья»¹⁴. Нормы ответственности при намеренном заражении конкретного человека должны предусматриваться этой главой¹⁵. В частности, если больной человек, осознающей свою эпидемиологическую опасность (заразность для окружающих) совершил определенные действия или бездействия, и они привели к заражению другого человека (т.е. причинён вред здоровью или жизни) – он должен понести наказание. Но в настоящее время в отношении туберкулеза эти меры носят формальный, бланкетный характер, т. е. отсылают к медицинскому законодательству. В частности, приказ Минздрава РФ от 8 апреля 2025 г. № 172н «Об утверждении порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»¹⁶ не содержат оценки вреда здоровью в виде заболевания инфекционными заболеваниями (туберкулезом в частности) или последствий такого заболевания.

Второе звено эпидемиологического процесса - механизм передачи, это само взаимодействие источника инфекции и восприимчивого организма, его различные варианты реализации. В данном случае государство способно защищать население от распространения инфекции с помощью надзорных ведомств, в частности Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

При выявлении случая туберкулёза медицинская организация обязана информировать структуры Роспотребнадзора. По данному факту Роспотребнадзором инициируется эпидемиологическое расследование, в рамках проведения которого может выполняться процедура проверки места проживания и/или работы заболевшего.

В рамках расследования устанавливается круг контактировавших с заболевшим, условия проживания и работы. Специалистами Роспотребнадзора выполняется осмотр помещений, где работал больной, включая рабочие зоны, места общего пользования, зоны отдыха и питания. Осмотр проводится с участием представителя служб персонала или охраны труда. По результатам расследования и результатов проверки Роспотребнадзором выдается предписание об устранении нарушений, если будут обнаружены несоответствия санитарным правилам. Такие предписания могут выдаваться всем юридическим лицам, в которых работал или проживал заболевший.

В предписании обычно содержится ряд требований:

- по организации заключительной и текущей дезинфекции помещений, с которыми контактировал больной;

- по проведению обязательного медицинского осмотра всех сотрудников, которые могли контактировать с больным. Первичное обследование контактных лиц должно быть проведено в течение 14 дней с момента выявления больного;

- по организации динамического наблюдения за контактными лицами, включая флюорографическое обследование, туберкулин диагностику, бактериологическое обследование и общие клинические анализы;

- по проведению обучения сотрудников гигиеническим навыкам и методам дезинфекции.

За невыполнение предписания Роспотребнадзора предусмотрена административная ответственность по ч. 1 ст. 19.5 Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Вакцинация населения направлена на третье звено эпидемиологического процесса, на восприимчивость организма к инфекции. Таким образом происходит снижение общего числа потенциальных заболевших, скорость распространения инфекции снижается. Часть нормативно-правового поля РФ регулирует и организует данный процесс.

В статье 7 Федерального Закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ¹⁷ прямо указано, что вакцинация против туберкулёза в целях его профилактики осуществляется в соответствии с национальным календарём профилактических прививок.

¹⁴ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026)

¹⁵ Нарушение законодательства Российской Федерации в области предупреждения распространения туберкулеза влечет за собой дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством

¹⁶ Приказ Минздрава России от 08.04.2025 N 172н (ред. от 19.08.2025) "Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека" (Зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2025 N 82483)

¹⁷ Федеральный закон от 18.06.2001 N 77-ФЗ (ред. от 05.12.2022) "О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации"

Национальный календарь прививок утвержден приказом Минздрава РФ от 06.12.2021 №1122н¹⁸, в соответствии с которым вакцинация против туберкулеза предусмотрена для новорождённых на 3–7 день жизни.

В России граждане (включая их законных представителей в случае несовершеннолетних) имеют право отказаться от профилактических прививок, включая те, которые предусмотрены национальным календарём. При этом прямая уголовная или административная ответственность за отказ от вакцинации не предусмотрена. Однако такой отказ может повлечь определённые ограничения и последствия, закреплённые в законодательстве.

Основные последствия отказа от прививок указаны в пункте 2 статьи 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 года №157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»¹⁹:

1. Запрет на выезд в страны, пребывание в которых в соответствии с международными медико-санитарными правилами либо международными договорами РФ требует конкретных профилактических прививок.

2. Временный отказ в приёме в образовательные организации и оздоровительные учреждения в случае возникновения массовых инфекционных заболеваний или при угрозе возникновения эпидемий. Если угрозы нет, оформить ребёнка в образовательное учреждение возможно даже при отсутствии прививок.

3. Отказ в приёме на работу или отстранение от работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями. Перечень таких работ утверждён постановлением Правительства РФ от 15 июля 1999 года №825²⁰. К ним относятся, например, работы в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в медицине, с животными, с биологическими материалами, в коммунальной сфере.

Таким образом, хотя прямого наказания за отказ от прививок нет, гражданин может столкнуться с ограничениями в определённых сферах жизни, связанных с защитой общественного здоровья. Это один из механизмов защиты общества от туберкулеза, направленный на повышение доли вакцинированного

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения 18.03.26)
2. Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 10.04.2026).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 14.03.2026).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.03.2026).
5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15 ноября 2012 г. № 932н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи больным туберкулезом». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139085/ (дата обращения: 14.04.2026).
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 06.12.2021 № 1122н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403682/ (дата обращения: 23.03.2026).
7. СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней». URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/> (дата обращения: 08.03.2026).
8. Постановление Правительства РФ от 15.07.1999 № 225 «Об утверждении перечня работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23896/ (дата обращения: 15.03.2026).
9. Статья «Туберкулез: формы, симптомы, диагностика, лечение» <https://citilab.ru> (дата обращения 09.03.2026)

¹⁸ Приказ Минздрава России от 06.12.2021 N 1122н (ред. от 12.12.2023) "Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок" (Зарегистрировано в Минюсте России 20.12.2021 N 66435)

¹⁹ Федеральный закон "Об иммунопрофилактике инфекционных болезней" от 17.09.1998 N 157-ФЗ (последняя редакция)

²⁰ Постановление Правительства РФ от 15 июля 1999 г. N 825 "Об утверждении перечня работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями и требует обязательного проведения профилактических прививок"

ВЛИЯНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ НАПИТКОВ НА ДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗМА: ВРЕД И ПОЛЬЗА**Панаите Таисия Николаевна**

студент

Шакурова Айнагуль Алтынбековна

преподаватель

Колледжа права им. Н.С. Киселёвой Университета имени О.Е. Кутафина, г. Москва

Аннотация. Каждый человек хотя бы раз сталкивался с сильной усталостью. Например, студент в период экзаменационной сессии пытается освоить объём материала за целый год. На работе ситуацию могут усугубить авралы, подготовка отчётов или срочная сдача проектов — из-за этого не остаётся времени на восстановление. В таких условиях появляется сонливость, ощущается тяжесть в теле, а умственная работоспособность заметно падает. И многие начинают пить энергетические напитки.

Ключевые слова: энергетические напитки, организм.

THE EFFECTS OF ENERGY DRINKS ON THE BODY: HARM AND BENEFIT**Taisiya Nikolaevna Panaite**

student

Ainagul Altynbekovna Shakurova

lecturer

N.S. Kiseleva College of Law, O.E. Kutafin University, Moscow

Abstract. Everyone has experienced extreme fatigue at least once. For example, a student during exams tries to master a whole year's worth of material. At work, the situation can be exacerbated by rush jobs, preparing reports, or deadlines, leaving no time for recovery. Under these conditions, drowsiness sets in, the body feels heavy, and mental performance noticeably declines. Many people turn to energy drinks.

Keywords: energy drinks, body.

Энергетические напитки, или, в разговорной речи, «энергетики», относятся к категории функциональных напитков. Они содержат стимулирующие компоненты, которые призваны активизировать как умственную, так и физическую деятельность.

В 1984 году в Австрии Дитрих Матешич разработал первый энергетический напиток — так появился известный Red Bull. Позднее на рынок вышли и другие бренды: свои линейки безалкогольных энергетиков представили американские компании Coca-Cola и PepsiCo. Сегодня число производителей значительно выросло.

Хотя рецептуры напитков различаются, в их состав традиционно входят тонизирующие компоненты, аминокислоты, витамины группы В и углеводы. Ежегодно на полках супермаркетов появляются новые виды энергетиков. При этом в ряде стран — например, во Франции, Турции, Дании, Норвегии, Уругвае и некоторых других — действует запрет на продажу тонизирующих напитков с высокой концентрацией кофеина.

В состав энергетических напитков входят такие компоненты, как кофеин, женьшень, гуарана, таурин, сахар и витамины группы В:

Кофеин выступает ключевым тонизирующим компонентом энергетических напитков — он способствует повышению бодрости и помогает преодолеть сонливость. Типичная порция напитка объёмом 250 мл содержит примерно 75–80 мг кофеина, что эквивалентно 30–32 мг на 100 мл. В более крепких вариантах конце концентрация этого вещества может превышать 100 мг на 100 мл. До 1 января 2027 года содержание кофеина регулировалось ГОСТ Р 52844-2007 «Напитки безалкогольные тонизирующие».

Среди вспомогательных компонентов часто встречается таурин — сам по себе он не обеспечивает мгновенного эффекта бодрости. Таурин представляет собой аминокислоту, задействованную в ключевых процессах организма. Хотя он не стимулирует центральную нервную систему напрямую, вещество способствует нормальной работе сердечно-сосудистой и мышечной систем, оптимизирует энергообмен, регулирует уровень кальция и поддерживает электролитный баланс. Кроме того, таурин помогает снизить отдельные побочные эффекты кофеина, при этом продлевая и стабилизируя его стимулирующее действие. В комбинации с кофеином таурин способен повышать артериальное давление и учащать сердечные сокращения.

Витамины группы В тоже регулярно входят в рецептуру, хотя и не действуют как быстрые стимуляторы. Витамины группы В — тиамин (В₁), рибофлавин (В₂), ниацин (В₃), пантотеновая кислота (В₅), пиридоксин (В₆), биотин (В₇), фолиевая кислота (В₉) и кобаламин (В₁₂) — играют ключевую роль в преобразовании питательных веществ из пищи в энергию. По мнению ряда экспертов, они действуют как коферменты, повышая эффективность использования энергии, получаемой из сахаров.

Дополнительно в состав могут включать гуарану, женьшень, L-карнитин и глюкуронолактон и т.д.. Помимо активных веществ, почти всегда присутствуют технологические добавки: лимонная кислота, углекислый газ, красители, ароматизаторы и иногда консерванты.

Состав и дозировка компонентов варьируются в зависимости от бренда, объёма упаковки и страны продажи — поэтому для точной информации стоит изучать этикетку конкретного напитка.

Особую роль играет газированность напитка: угольная кислота ускоряет всасывание компонентов, что обеспечивает быстрый, но кратковременный эффект. Это создаёт иллюзию эффективности, одновременно повышая риск перегрузки организма. Законодательство обязывает производителей чётко указывать на этикетке полный состав продукта и рекомендуемую безопасную дозу употребления — эти данные стоит учитывать перед тем, как сделать выбор в пользу энергетика.

Энергетические напитки способны оказывать ряд кратковременных положительных эффектов:

Стимуляция активности: напитки временно повышают физическую и умственную работоспособность: улучшают концентрацию внимания, ускоряют реакцию и положительно влияют на когнитивные функции.

Улучшение эмоционального фона: в отдельных случаях употребление энергетиков помогает на короткое время снизить уровень тревожности и улучшить настроение.

Активация метаболизма: отдельные компоненты состава могут стимулировать обменные процессы: способствовать расщеплению жиров и улучшать усвоение питательных веществ.

Потенциальные риски и вред для здоровья:

Негативное воздействие на сердечно-сосудистую систему. Содержащийся в напитках кофеин стимулирует нервную систему, провоцирует учащение сердцебиения и сужение сосудов — в результате повышается артериальное давление. Это способно увеличить риск развития: инфаркта; инсульта; аритмии; иных сердечно-сосудистых патологий.

Нарушения в работе нервной системы. При длительном употреблении энергетиков возможны: тревожность и раздражительность; бессонница либо, напротив, повышенная сонливость; ухудшение памяти и концентрации внимания; формирование зависимости от кофеина; синдром отмены (головная боль, раздражительность, сонливость) при прекращении употребления.

Проблемы с пищеварением: высокое содержание сахара и интенсивных подсластителей может стать причиной: ожирения; инсулинорезистентности; кариеса; гастрита; эрозий слизистой желудка.

Обезвоживание: из-за мочегонного эффекта кофеина организм теряет жидкость.

Формирование привыкания: со временем организм адаптируется к стимуляторам — для достижения прежнего эффекта требуется увеличение дозы.

Особые группы риска и противопоказания:

У несовершеннолетних нервная система ещё находится в процессе формирования. Кофеин может: нарушать формирование нейронных связей; провоцировать тахикардию; вызывать тревожность и бессонницу.

Беременные и кормящие женщины. Употребление энергетиков чревато: тахикардией; повышением артериального давления; головной болью; гипертонусом матки.

Люди с хроническими заболеваниями. Энергетические напитки противопоказаны при: гипертонии; аритмии; ишемии сердца; сахарном диабете; болезнях почек; тревожных расстройствах; глаукоме; нарушениях сна.

Совместное употребление энергетиков и спиртных напитков опасно: усилением нагрузки на сердце и сосуды; ростом риска аритмии, инфаркта, инсульта; усугублением обезвоживания.

Законодательные ограничения в России:

С 1 марта 2025 года введён запрет на розничную продажу безалкогольных тонизирующих (в т.ч. энергетических) напитков несовершеннолетним (Федеральный закон от 08.08.2024 № 304-ФЗ).

С 7 июня 2025 года действует административная ответственность за нарушение этого запрета (ст. 14.16.1 КоАП РФ). Размеры штрафов:

для граждан — 30 000–50 000 рублей; для должностных лиц — 100 000–200 000 рублей; для юридических лиц — 300 000–500 000 рублей.

Таким образом, энергетические напитки, обещая быстрый прилив сил и концентрации, на деле лишь маскируют усталость, создавая иллюзию бодрости за счёт мощной стимуляции нервной и сердечно-сосудистой систем.

Высокие дозы кофеина, сахара и других компонентов при регулярном употреблении способны привести к истощению организма, формированию зависимости, проблемам с сердцем и нарушениям сна. Особенно уязвимы дети, подростки и люди с хроническими заболеваниями — именно на их защиту направлены недавние законодательные ограничения продажи энергетиков в России. В ситуациях повышенных нагрузок гораздо безопаснее и надёжнее делать ставку на полноценный сон, сбалансированное питание и разумный режим труда и отдыха, а не на сомнительную «энергию из банки».

Список литературы:

1. КоАП РФ Статья 14.16.1. Нарушение запрета продажи безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических) несовершеннолетним <https://www.consultant.ru>.
2. Федеральный закон "О запрете продажи безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических) несовершеннолетним и о внесении изменения в статью 44 Федерального закона "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" от 08.08.2024N 304-ФЗ <https://www.consultant.ru>.
3. Приказ Росстандарта от 13.09.2023 N 826-ст «О введении в действие межгосударственного стандарта» <https://law.tks.ru/>.
4. ГОСТ 34975-2023 Напитки безалкогольные тонизирующие. Общие технические условия <https://internet-law.ru/gosts/gost/81184/>
5. ГОСТ Р 52844-2007 Напитки безалкогольные тонизирующие. Общие технические условия <https://internet-law.ru/gosts/gost/44061/>
6. Трофимов Н. С., Кутя С. А., Кривенцов М. А., Мороз Г. А., Гафарова Э. А., Эннанов Э. Х., Никитина О. В., Алексеев М. А., Андреева О. В. Влияние энергетических напитков на здоровье человека // Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-energeticheskikh-napitkov-na-zdorovie-cheloveka> (дата обращения: 10.05.2026).

Интернет-ресурсы:

1. Чем вредны энергетики и могут ли они вызвать привыкание <https://www.invitro.ru>.
2. Польза и вред напитков-энергетиков <https://www.cge48.ru>.
3. Увлечение энергетиками: что скрывается за искусственной бодростью <https://med.ru>.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 656.7.08

**THE ANALYSIS OF THE MAIN CAUSES OF AVIATION INCIDENTS, ACCIDENTS AND CRASHES
IN 2025 AND WAYS OF PREVENTING THEM****Bodretsov Vladimir Vasilievich**

cadet

Yastrebova Alexandra Evgenievna

senior lecturer of the Department of Foreign Languages

Ulyanovsk Civil Aviation Institute, Russia, Ulyanovsk

Osipova Vera Nikolaevna

senior lecturer of the Department of Foreign Languages

Ulyanovsk Civil Aviation Institute, Russia, Ulyanovsk

Abstract. The causes of aviation incidents, accidents and crashes for 2025 were analysed and divided into four main groups. The illustrative cases of their causes and consequences were given. The possible ways of preventing further aviation incidents or accidents were suggested.

Keywords: causes of aviation incidents, accidents; flight safety; ways of preventing accidents and incidents.

**АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЧИН АВИАЦИОННЫХ ИНЦИДЕНТОВ, ПРОИСШЕСТВИЙ И
КАТАСТРОФ В 2025 ГОДУ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ****Бодрецов Владимир Васильевич**

курсант

Ястребова Александра Евгеньевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Осипова Вера Николаевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева,

Россия, г. Ульяновск

Аннотация. Причины авиационных инцидентов, происшествий и катастроф за 2025 год были проанализированы и разделены на 4 основные группы. Примеры ситуации этих причин и их последствий были представлены. Возможные способы предотвращения дальнейших авиационных инцидентов и происшествий были предложены.

Ключевые слова: причины авиационных инцидентов, происшествий; безопасность полетов; способы предотвращения инцидентов и происшествий.

Flight safety has always been one of the key components of aviation. A lot of people are deeply indulged in maintaining the highest level of flight safety all over the world. Travelling by plane is considered to be the safest way of transportation nowadays. But nevertheless, aviation incidents happen almost every day all over the world. Each accident or incident is thoroughly investigated so that in future it can be avoided or at least it will lead to less damage to aircraft and injuries among passengers. Thus, the main aim of this article is to understand what can have a negative influence on flight safety nowadays all over the world and what can be done to improve the situation. In our study the following tasks will be solved:

- To analyse the reports of aviation incidents and accidents in 2025 from the site “Aviation herald” [1].
- To define the main causes that affected flight safety in 2025.
- To recommend possible ways of avoiding or minimizing the risk of flight safety related events in the future.

So, what is flight safety? It is a term encompassing the theory, investigation and categorization of flight failures and the prevention of such failures through regulation, education and training. Flight safety is connected to aircraft design and maintenance, the development of navigation aids and new safety rules and procedures [2, 3].

Accidents and incidents usually occur due to a combination of several different causes – factors or cause factors. For simplicity, these factors have been categorized into three groups: Man, Machine and Environment [2].

Man factor involves people directly involved in aircraft operation – pilots, ATC and all human involvement in aircraft design, construction, maintenance, operation and management [2, 5].

Machine factor encompasses aircraft system failures, engines malfunctions, avionics errors or structural defects.

Environment concerns integrate weather, topography, natural phenomena/natural disasters with human-created elements of aviation environment such as air traffic control, international legislation, airports, NAVAIDs, rules, regulations, procedures[4].

As man is involved in all three, it is vital to consider the human role in aviation. Actually about 80% of aviation crashes happen due to human factor, which is considered to be the main one. Nowadays it usually refers to any factor which could affect an individual's performance. Human factor is about people: it is about people in their working and living environments, their relationship with other people, with machines, equipment and procedures [2, 5].

To identify the primary factors affecting contemporary flight safety, we analyzed incident and accident reports from January to December 2025, sourced from the site “Aviation herald” [1].

The total number of incidents, accidents and crashes happened in 2025 are depicted (chart 1) according to the month of their occurrence. The most “dangerous months” turned out to be June, July and September.

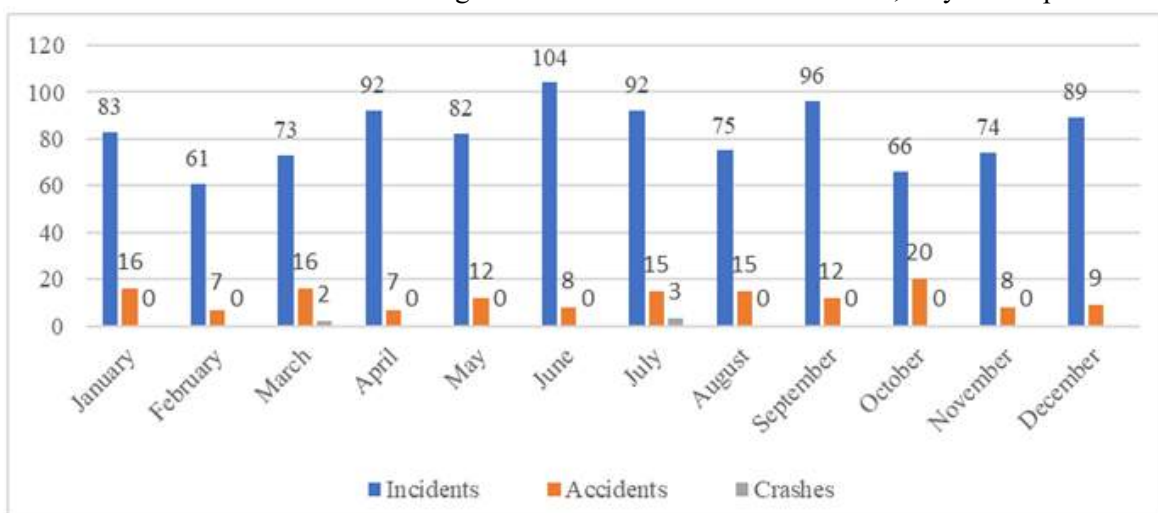

Chart 1. The distribution of aviation events by months for 2025

The primary factors contributing to aviation incidents and accidents occurrence in 2025 are shown on the chart (chart 2) below.

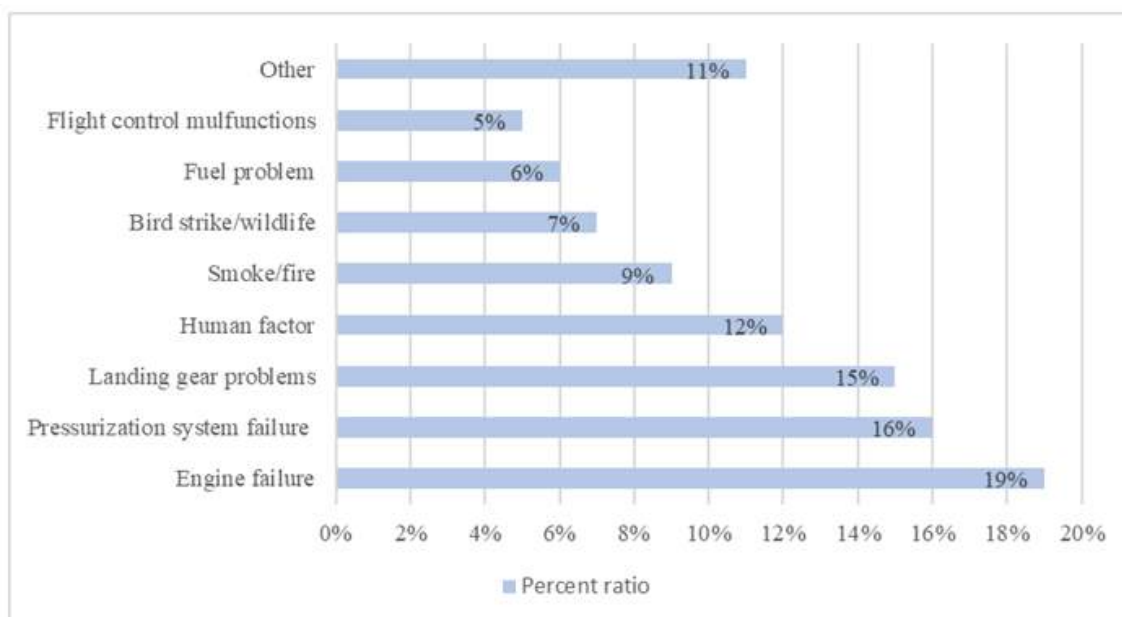

Chart 2. The percentage ratio of aviation incidents, accidents and crashes for 2025

The data reveal four primary categories of aviation related safety events, attributable to various system failures and operational issues:

1. Engine failure related events (19%). The main causes are metal fatigue, manufacturing faults, FOD ingestions. The major consequences include forced landings, rejected take offs, fuselage failures. Illustrative cases include: UPS MD11 at Louisville on Nov 4th 2025, burst into flames on takeoff · Delta B763 over Atlantic on Oct 21st 2025, engine shut down in flight · Edelweiss A343 near Jeddah on Nov 10th 2025, engine shut down after fire indication · Spicejet B738 near Kolkata on Nov 9th 2025, engine shut down in flight [1].

2. Pressurization system failure related events (16%). The main causes are human errors, material fatigue, engineering fault, failure of the aircraft pressurization system. The major consequences are pilot's incapacitation, health problems of passengers or crew members. Illustrative cases include: Volaris A21N near Las Vegas on Oct 12th 2025, loss of cabin pressure; ANZ A320 at Auckland on Nov 15th 2025, hydraulic problems · United B737 at Albuquerque on Jun 12th 2025, cabin pressure problems; Malaysia B738 near Bintulu on Oct 21st 2025, loss of cabin pressure [1].

3. Human factor related events (12%). The main causes include ATCOs and pilots mistakes, procedural violations, interaction problems, lack of skills and feeling fatigue. The major consequences are loss of separation, aircraft collisions, aircraft damage. Illustrative cases include: Ryanair B738 at Cluj on Nov 3rd 2025, first officer incapacitated; PIA A320 at Lahore on Jan 17th 2025, landed on wrong runway; ITA A339 at Los Angeles on Oct 31st 2025, turned wrong on departure; Smartwings B38M at Marsa Matruh on Jul 16th 2025, QNH error [1].

4. Landing gear problems related events (15%). The main causes are bird strikes, rough landings, structural failure, mechanical defects, foreign object damage. The major consequences are diversions to alternate aerodromes, aborted take-offs, passenger evacuation. Illustrative cases include: Westjet B738 at Sint Maarten on Sep 7th 2025, main gear collapse; American B738 at Dallas on Feb 10th 2024, overran runway on landing; Republic E175 at Boston on Jul 14th 2025, tail strike on landing; AZAL A320 at St. Petersburg on Oct 20th 2025, landing gear problems [1].

In conclusion, based on this analysis, the following recommendations will help to improve flight safety and reduce the number of incidents and accidents in the future:

1. In case of engine failures, we suggest that personnel must provide predictive maintenance by using vibration and oil debris monitoring (HUMS) to detect bearing fatigue and turbine wear before critical failure occurs. Furthermore, it is important to apply strict Foreign Object Debris (FOD) control procedures on aprons and runways.

2. In case of landing gear problems dual inspection protocols regarding removal of landing gear safety pins and locks must be provided.

3. In case of pressurisation system problem, we suggest airlines/authorities improving immediate oxygen mask discipline by flight crew before cabin announcements and also usage of non-destructive testing (ultrasonic/X-ray) of door surrounding structures and window frames on high-cycle aircraft.

4. In case of human factor, the installations of cabin altitude warning repeaters in the flight deck will be of much use. Pilots must be better trained to initiate emergency descent immediately without waiting for ATC clearance.

Список литературы:

1. The Aviation Herald. – Text : electronic // Avherald : [site]. – URL: <https://avherald.com>.
2. Воронянская, Е. Л. Авиационный английский язык. Учебная тема «Безопасность на воздушном транспорте»: учебно -методическое пособие / Е. Л. Воронянская, А. Е. Чеснакова. - Ульяновск : УВАУ ГА(И), 2011. – 40 с.
3. Safety reports. – Text : electronic // ICAO int : [site]. – URL: <https://www.icao.int/safety-reports>.
4. Дежкин, В.Н. Актуальные проблемы международного воздушного права: учебное пособие / В. Н. Дежкин. – Л : ОЛАГА, 1986. - 65 с.
5. Попов, М. В. Человеческий фактор в безопасности полетов. Модель SHELL / М. В. Попов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 31 (373). — С. 23-25.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 349.6

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Чашкин Петр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Авсюк Артем Денисович

студент 3 курса

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье анализируются правовые границы и пределы использования технологий искусственного интеллекта в сфере экологического права Российской Федерации. Рассматриваются действующее законодательство, доктринальные подходы и судебная практика. Делается вывод о необходимости формирования специального правового режима применения ИИ в природоохранной деятельности с учётом принципа недопустимости снижения уровня экологической защиты.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экологическое право, государственный экологический мониторинг, ответственность, пределы правового регулирования, цифровизация, охрана окружающей среды.

THE BOUNDARIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENVIRONMENTAL LAW

Chashkin Petr V.

candidate of Law, Associate Professor,

associate Professor of the Department of Business and Labor Law

Avsyuk Artem D.

3rd year student,

Orenburg Institute (branch) of the Kutafin University (MSAL), Russia, Orenburg

Abstract. The article analyzes the legal boundaries and limits of the use of artificial intelligence technologies in the field of environmental law of the Russian Federation. The current legislation, doctrinal approaches, and judicial practice are considered. It is concluded that it is necessary to form a special legal regime for the use of AI in environmental protection activities, taking into account the principle of the inadmissibility of reducing the level of environmental protection.

Keywords: artificial intelligence, environmental law, state environmental monitoring, responsibility, limits of legal regulation, digitalization, environmental protection.

Стремительное проникновение цифровых технологий в публично-правовые отрасли ставит перед юридической наукой принципиально новые вопросы. Применительно к экологическому праву технологии искусственного интеллекта (далее - ИИ) обладают очевидным практическим потенциалом: автоматизированный мониторинг состояния окружающей среды, анализ данных о выбросах и сбросах загрязняющих веществ, прогнозирование экологических рисков. Между тем степень юридической допустимости тех или иных функций ИИ в экологических отношениях остаётся дискуссионной: ни отраслевое законодательство, ни правоприменительная практика не выработали единого подхода к границам его применения.

Актуальность темы обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, в 2024–2026 годах законодатель последовательно интегрирует цифровые инструменты в систему государственного экологического управления: с 1 марта 2024 г. вступил в силу закон о федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды (ФГИС ОС) [14], а Постановлением Правительства РФ от 14 марта 2024 г. № 300 утверждено новое Положение о государственном экологическом мониторинге [10]. Во-вторых, принятый Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и соответствующая Национальная стратегия до 2030 года [12] прямо ориентируют государство на применение ИИ во всех сферах, включая природоохранную, однако не определяют специальных правовых ограничений для экологической области.

Базовым актом экологического законодательства остаётся Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [14] (далее - Закон № 7-ФЗ). Закон закрепляет систему государственного экологического мониторинга (ст. 63), принципы экологической безопасности и приоритета охраны жизни и здоровья человека (ст. 3). При этом какого-либо специального регулирования применения информационных систем или ИИ в мониторинговой деятельности Закон № 7-ФЗ не содержит - соответствующие инструменты рассматриваются лишь как вспомогательные технические средства.

Общее регулирование сферы ИИ в России осуществляется на основании Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента РФ № 490. Документ определяет ИИ как «комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека» и предполагает его внедрение в сферы государственного управления, промышленности и экологии [12, разд. I, п. 5]. Вместе с тем стратегия носит программный характер и не устанавливает конкретных правовых ограничений отраслевого применения ИИ.

На уровне специального законодательства следует выделить Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве» [15]. Закон регулирует экспериментальный правовой режим (ЭПР) для ИИ-технологий, однако его действие ограничено территорией Москвы и не распространяется на специфику экологических правоотношений. В 2024 году в закон об экспериментальных правовых режимах были внесены изменения, упрощающие запуск ЭПР [13], что открывает возможности для тестирования ИИ-инструментов в природоохранной сфере.

Значимым шагом к институционализации ИИ в экологическом управлении стало принятие федерального стандарта ПНСТ 1056-2026, регулирующего применение систем искусственного интеллекта для расчёта объёма выбросов вредных веществ в атмосферу на основе анализа ключевых параметров производственных процессов [9]. Документ свидетельствует о признании на нормативном уровне возможности использования ИИ в экологическом контроле, однако его предметная сфера ограничена атмосферными выбросами и не охватывает иные направления природоохранной деятельности.

В отечественной правовой доктрине проблема пределов применения ИИ в экологическом праве разрабатывается относительно недавно. Пионерской публикацией в данной сфере стала статья Н.Г. Жаворонковой и Г.В. Выпхановой «Цифровизация экологического права и возможности использования искусственного интеллекта», в которой авторы выделяют три уровня возможного применения ИИ: информационный (сбор и обработка экологических данных), управленческий (поддержка принятия экологически значимых решений) и правоприменительный (автоматизированный надзор и контроль) [2, с. 14]. При этом исследователи особо подчёркивают, что принятие юридически значимых решений в области охраны окружающей среды требует сохранения человеческого контроля над алгоритмическими системами, поскольку в противном случае нарушается конституционный принцип ответственности государства перед гражданами за благоприятную окружающую среду.

В работе «Искусственный интеллект и экологическое право: точки пересечения и развитие», опубликованной в журнале «Экологическое право» № 2 за 2023 год, авторы анализируют возможности ИИ «как путём содействия соблюдению экологического законодательства, так и посредством выявления его нарушителей» [4]. В статье разграничиваются две принципиально различные роли ИИ: вспомогательная (технический инструмент мониторинга) и квазиправоприменительная (самостоятельный субъект надзорных отношений). Авторы предупреждают об опасности «делегирования» ИИ функций принятия решений, влекущих правовые последствия для хозяйствующих субъектов.

А.В. Нечкин, анализируя конституционно-правовой статус ИИ в России, указывает, что отечественная правовая система последовательно рассматривает ИИ как объект, но не субъект права [6, с. 78–85]. Если ИИ-система допустила ошибку в расчёте вреда, причинённого водному объекту, юридическую ответственность несёт разработчик, оператор или орган государственной власти, внедривший данную систему.

Д.В. Бахтеев в монографии «Искусственный интеллект: этико-правовые основы» развивает концепцию «этически выверенного» применения ИИ в публично-правовых отношениях и формулирует принцип «прозрачности алгоритма»: любое решение, принятое с участием ИИ и затрагивающее права граждан, должно допускать верификацию человеком-специалистом [1, с. 89–95]. В экологическом праве данный принцип приобретает особое значение: ввиду сложности экосистемных взаимосвязей алгоритмические погрешности могут приводить к необратимому экологическому ущербу.

А.П. Иванова в обзорной статье о роли ИИ в решении проблемы изменения климата фиксирует международный тренд: большинство государств на данном этапе ограничивают применение ИИ в экологическом регулировании задачами мониторинга, прогнозирования и поддержки принятия решений, не допуская полной автоматизации правоприменительных функций [3].

На основании анализа действующего законодательства и доктрины можно выделить следующие виды правовых ограничений применения ИИ в экологическом праве.

Согласно Закону № 7-ФЗ, государственный экологический контроль (надзор) осуществляется должностными лицами уполномоченных органов (ст. 65). ИИ не обладает правосубъектностью и не может быть должностным лицом в смысле административного права. Следовательно, любые действия ИИ в сфере экологического надзора - выявление нарушений, составление актов, вынесение предписаний - возможны исключительно как технически вспомогательные, опосредованные решением конкретного должностного лица.

Правоприменительная практика демонстрирует устойчивую позицию судов: доказательства, полученные с применением автоматизированных систем, должны соответствовать требованиям достоверности и воспроизводимости. В деле о взыскании ущерба, причинённого водному объекту (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 9 января 2024 г. № 305-ЭС23-25226 по делу № А40-155392/2020), суд подчеркнул, что при расчёте размера вреда применяемые методики должны обеспечивать единообразие результатов и допускать проверку со стороны лиц, которым предъявляются соответствующие требования [8]. Данная позиция применима к ИИ-системам: если алгоритм не позволяет стороне спора проверить правильность расчёта ущерба, такое доказательство не может быть признано допустимым.

Введение ПНСТ 1056-2026 свидетельствует о начале стандартизации ИИ-систем экологического профиля. До достижения необходимого уровня стандартизации применение ИИ для целей государственного контроля в отсутствие утверждённых методик расчёта создаёт риск правовой неопределённости, что уже фиксировалось судебной практикой применительно к иным расчётным методикам (Решение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2023 г. № АКПИ23-539) [11].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об ответственности за экологический вред, причинённый вследствие ненадлежащей работы ИИ-системы. С теоретической точки зрения, поскольку ИИ является объектом права (в частности, программным обеспечением, защищённым авторским правом), гражданско-правовая ответственность за вред, причинённый его функционированием, строится по модели ответственности владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) либо по общим основаниям деликтной ответственности. Применительно к экологическому вреду специальные правила возмещения установлены ст. 77–78 Закона № 7-ФЗ, предусматривающими принцип полного возмещения независимо от вины.

Практическая проблема состоит в следующем: если орган государственного экологического надзора использовал ИИ для выявления нарушения, но алгоритм допустил ошибку (например, ложноположительное срабатывание по данным дистанционного зондирования Земли), хозяйствующий субъект вправе оспорить основанное на таких данных предписание. Анализ практики Верховного суда за 2024 год показывает, что суды в подобных ситуациях требуют от надзорных органов подтверждения результатов инструментальных замеров посредством иных доказательств [7]. Это косвенно свидетельствует о формировании принципа «ИИ - вспомогательное, а не основное доказательство».

Необходима разработка и принятие специальных технических регламентов применения ИИ-систем в государственном экологическом мониторинге и надзоре. ПНСТ 1056-2026 является первым шагом в данном направлении, однако охватывает лишь сферу атмосферных выбросов. Аналогичные стандарты необходимы для водоохранной деятельности, обращения с отходами и охраны почв. Также следует законодательно закрепить принцип «человеческого контроля» применительно к юридически значимым решениям в сфере охраны окружающей среды: любое предписание, штраф или иное правовое последствие, выявленное на основании данных ИИ, должно подтверждаться должностным лицом. Данный подход соответствует международным тенденциям и логике Регламента ЕС об ИИ 2024 года, относящего системы в сфере охраны окружающей среды к категории высокого риска. Применительно к доказательственному праву необходимо внести изменения в процессуальное законодательство, определяющие стандарты допустимости доказательств, полученных с применением ИИ в экологических спорах: требования к метрологической верификации систем, воспроизводимости результатов и прозрачности алгоритма.

Таким образом, применение технологий искусственного интеллекта в экологическом праве сопряжено с рядом принципиальных правовых ограничений, обусловленных как общими нормами о правосубъектности и юридической ответственности, так и спецификой отрасли - в первую очередь принципом предосторожности и недопустимостью снижения уровня экологической защиты. Действующее законодательство России не содержит специального регулирования применения ИИ в природоохранной деятельности, что порождает правовую неопределённость и риски ненадлежащего правоприменения. Формирование специального правового режима ИИ в экологическом праве — насущная задача законодотворческой деятельности ближайших лет.

Список литературы:

1. Бахтеев, Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография / Д. В. Бахтеев. — Москва: Проспект, 2021. — 176 с.
2. Жаворонкова, Н. Г. Цифровизация экологического права и возможности использования искусственного интеллекта / Н. Г. Жаворонкова, Г. В. Выпханова // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 6. — С. 11–20.
3. Иванова, А. П. Роль искусственного интеллекта в решении проблемы изменения климата / А. П. Иванова // Актуальные проблемы международного права. — 2024. — № 1.
4. Искусственный интеллект и экологическое право: точки пересечения и развитие // Экологическое право. — 2023. — № 2. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/2628> (дата обращения: 18.05.2026).
5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.05.2026).
6. Нечкин, А. В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее / А. В. Нечкин // Lex russica. — 2020. — № 8. — С. 78–85.
7. Обзор практики Верховного суда по делам об экологических правонарушениях за 2024 год // pravo.ru. — URL: <https://pravo.ru/ecology/case/260895/> (дата обращения: 24.05.2026).
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.01.2024 № 305-ЭС23-25226 по делу № А40-155392/2020 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.05.2026).
9. ПНСТ 1056-2026 «Системы искусственного интеллекта для расчёта объёма выбросов вредных веществ в атмосферу». — URL: <https://kodeks.ru/news/read/iskusstvennyj-intellekt-za-rulem-ekologii> (дата обращения: 18.05.2026).
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.03.2024 № 300 «Об утверждении Положения о государственном экологическом мониторинге (государственном мониторинге окружающей среды)» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.05.2026).
11. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 11.09.2023 № АКПИ23-539 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 20.05.2026).
12. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» : вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : ред. от 15.02.2024 // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 41. — Ст. 5700.
13. Федеральный закон от 08.08.2024 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации"» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.05.2026).
14. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.
15. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 17. — Ст. 2700.

УДК 347.66

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ**Азаренков Степан Вячеславович**

студент 3 курса

Жуков Кирилл Алексеевич

студент 3 курса

научный руководитель: **Бердегулова Любовь Алексеевна**

кандидат юридических наук

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия, г. Оренбург

Аннотация. Целью исследования является анализ правовых механизмов наследования цифровой валюты и выявление коллизий между формальным признанием актива имуществом и реальной возможностью перехода контроля над ним к наследникам. В работе решаются задачи по разграничению категорий права и доступа, обоснованию критерия «доказуемого контроля» и поиску способов охраны таких объектов нотариусом. Особое внимание уделяется преодолению разрыва между технической природой криптовалют, не имеющих обязанного лица, и классическими институтами наследственного права. Практическое применение результатов видится во внедрении конструкции цифрового наследственного распоряжения с многоуровневой защитой и в совершенствовании законодательства.

Ключевые слова: цифровая валюта, наследование, доказуемый контроль, приватный ключ, цифровое наследственное распоряжение.

CURRENT ISSUES OF DIGITAL CURRENCY INHERITANCE**Azarenkov Stepan V.**

3rd-year student

Zhukov Kirill A.

3rd-year student

scientific Supervisor: **Berdegulova Lyubov A.**

candidate of Legal Sciences

Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Russia, Orenburg

Abstract. The purpose of the study is to analyze the legal mechanisms of digital currency inheritance and identify conflicts between the formal recognition of an asset as property and the actual possibility of transferring control over it to the heirs. The study addresses the issues of distinguishing between categories of rights and access, justifying the criterion of "provable control," and finding ways to protect such assets by a notary. Special attention is given to bridging the gap between the technical nature of cryptocurrencies, which do not have a legal entity, and the classical institutions of inheritance law. The practical application of the results is seen in the implementation of a digital inheritance arrangement with multi-level protection and in the improvement of legislation.

Keywords: digital currency, inheritance, demonstrable control, private key, digital testamentary disposition.

Цифровая валюта постепенно становится объектом имущественного интереса граждан, выступая инвестиционным активом или средством расчётов вне статуса законного платёжного средства. После смерти владельца такой актив должен переходить к наследникам, если он обладает экономической ценностью и не относится к объектам, исключённым из наследственного правопреемства.

Статья 1112 Гражданского Кодекса Российской Федерации [1], относящая к наследству вещи, иное имущество и имущественные права, позволяет включать в наследственную массу цифровую валюту, поскольку та имеет рыночную стоимость и участвует в обороте. Однако формальное признание актива имуществом не решает задачу его реального перехода к правопреемникам.

Ключевое различие, определяющее специфику наследования цифровой валюты, состоит в отсутствии обязанного лица. Цифровые финансовые активы и цифровой рубль встроены в регулируемую инфраструктуру, то есть оператор информационной системы или Банк России обязаны внести изменения в записи на основании свидетельства о праве на наследство, что прямо предусмотрено Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] и пунктом 4 статьи 1128 ГК РФ соответственно. Цифровая валюта, напротив, определяется в Законе № 259-ФЗ как совокупность электронных данных, способных выступать средством платежа или инвестиций, при отсутствии лица, обязанного перед каждым обладателем. Владелец децентрализованной криптовалюты не имеет классического требования к банку или депозитарию, его имущественная власть выражается исключительно в технической возможности совершить распоряжение с помощью приватного ключа.

Закон тем не менее признает цифровую валюту объектом, подлежащим судебной защите. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П указал на недопустимость произвольного отказа в защите имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровой валютой [3]. Эта позиция подтверждает, что цифровая форма актива не может служить основанием для игнорирования прав наследников.

В наследственных правоотношениях требуется установить принадлежность имущества конкретному наследодателю. Для вещей такую функцию выполняют владение, регистрация или правоустанавливающие документы. Для цифровой валюты эти признаки имеют ограниченное значение. Публичный адрес не указывает на личность, информация в блокчейне показывает движение средств, но не раскрывает владельца, а приватный ключ подтверждает лишь техническую возможность распоряжения, но не законность приобретения. В этих условиях целесообразно использовать категорию доказуемого контроля, под которым понимается совокупность фактов, позволяющих с достаточной степенью достоверности связать наследодателя с конкретным цифровым активом. К таким фактам относятся документы криптобиржи, сведения о прохождении идентификации, выписки о покупке валюты, данные банковских переводов, налоговые сведения, наличие аппаратного кошелька, сохранённая ключевая фраза и история транзакций.

Доказуемый контроль имеет двойное значение. С одной стороны, он позволяет нотариусу или суду решить вопрос о включении цифровой валюты в наследственную массу. С другой, снижает риск споров между наследниками, кредиторами наследодателя и третьими лицами. При отсутствии доказуемого контроля актив может остаться за пределами наследственного дела, даже если фактически принадлежал умершему.

Особую сложность представляет разграничение права и доступа. Наследник может доказать, что актив принадлежал наследодателю, но не получить технической возможности им распорядиться, и наоборот, лицо, располагающее приватным ключом, может не обладать наследственным правом. Гражданское законодательство должно учитывать обе стороны проблемы. Передача доступа без наследственного основания нарушает права других наследников, а признание права без доступа остаётся формальным. Нотариус, обязанный принимать меры к охране наследства, сталкивается с серьёзными ограничениями. Децентрализованный кошелёк не находится в реестре, его адрес не связан с паспортными данными, а цифровая валюта может быть необратимо перемещена за несколько минут, если приватный ключ известен третьему лицу. Указание же ключей в тексте завещания создаёт риск утраты актива, поскольку завещание после открытия наследства становится доступным нескольким лицам.

Для преодоления разрыва между правом и доступом необходимо разделять распоряжение имуществом и передачу технического инструмента. Завещание определяет наследника, долю и условия правопреемства, тогда как отдельная конфиденциальная инструкция описывает порядок доступа к цифровой валюте. Перспективной конструкцией является цифровое наследственное распоряжение. Документ, который на случай смерти, будет содержать сведения о порядке выявления цифровой валюты и получения доступа к ней. Он может иметь несколько уровней защиты. Открытый уровень содержит перечень платформ и указание на исполнителя завещания, зашифрованный уровень включает инструкцию о ключах и ключевой фразе, а механизм расшифровки распределяется между нотариусом и исполнителем. Это исключает ситуацию, при которой одно лицо получает полный контроль над активом до смерти владельца.

Для легитимации данной модели необходимы изменения законодательства. В статье 1112 ГК РФ следует прямо указать, что цифровая валюта может входить в состав наследства, если она принадлежала наследодателю и имеет имущественную ценность. Основы законодательства о нотариате необходимо дополнить нормами о принятии на хранение зашифрованных наследственных инструкций, установив, что нотариус отвечает за соблюдение порядка хранения и раскрытия, но не за содержание криптографической информации. Целесообразно также расширить полномочия исполнителя завещания, включив в них розыск цифровых активов и обеспечение их сохранности до передачи наследникам.

Проведённое исследование позволяет заключить, что основным препятствием для наследования цифровой валюты выступает разрыв между формальным признанием актива имуществом и реальной возможностью доступа к нему, обусловленный отсутствием обязанного лица в децентрализованных системах. Для установления принадлежности актива наследодателю предложено использовать критерий доказуемого контроля, а для обеспечения практического перехода прав конструкцию цифрового наследственного распоряжения с многоуровневой защитой. Реализация данной модели требует дополнения статьи 1112 ГК РФ прямым указанием на цифровую валюту, а также внесения изменений в законодательство о нотариате и полномочия исполнителя завещания.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья : Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2026. – № 2.

УДК 349.41

**ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Азаренков Степан Вячеславович

студент 3 курса

Жуков Кирилл Алексеевич

студент 3 курса

научный руководитель: **Чашкин Петр Владимирович**

кандидат юридических наук

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета

им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. Цель исследования является поиск баланса между публичными интересами освоения земель и защитой частной собственности. Задачи включают анализ причин неиспользования участков и выявление объективных препятствий, не зависящих от воли правообладателя. Рассмотрена проблема формального подхода к санкциям без оценки добросовестности. Практическое применение работы заключается в возможности законодательного закрепления уважительных причин бездействия и обязанности контролирурующих органов оценивать поведение собственника до наказания, что повысит предсказуемость правоприменения и индивидуализирует ответственность.

Ключевые слова: земельное законодательство, нецелевое использование, административная ответственность, защита собственности, правовая неопределённость.

PROBLEMS OF RESPONSIBILITY FOR NON-USE OF LAND IN THE RUSSIAN FEDERATION

Azarenkov Stepan V.

3rd-year student

Zhukov Kirill A.

3rd-year student

scientific Supervisor: **Chashkin Pyotr V.**

candidate of Legal Sciences

Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Russia, Orenburg

Abstract. The purpose of the study is to find a balance between the public interests of land development and the protection of private property. The objectives include analyzing the reasons for the non-use of land plots and identifying objective obstacles that are beyond the control of the rightholder. The study also addresses the issue of a formal approach to sanctions without considering the issue of good faith. The practical application of the study lies in the possibility of legislating for valid reasons for inaction and requiring regulatory bodies to assess the behavior of the owner before imposing penalties, which will increase the predictability of legal enforcement and individualize responsibility.

Keywords: land legislation, misuse, administrative liability, property protection, legal uncertainty.

Институт ответственности за неиспользование земельных участков обладает двойственной правовой природой. С одной стороны, позиция законодателя, направленная на стимулирование освоения территорий, имеет объективные основания. Длительное бездействие правообладателя на участках, предоставленных для индивидуального жилищного строительства, ведения садоводства, огородничества или сельскохозяйственного производства, приводит к деградации земель.

С другой стороны, применение мер публично-правовой ответственности не может игнорировать конституционные гарантии права частной собственности. Статья 35 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип охраны частной собственности и устанавливает прямой запрет на лишение имущества иначе как по решению суда [1]. Из конституционного принципа соразмерности вытекает, что любое ограничение права собственности должно обеспечивать справедливый баланс между публичными и частными интересами. Это обязывает законодателя и правоприменителя исходить из презумпции добросовестности собственника. Контролирующий орган при привлечении к ответственности за неиспользование земли не вправе ограничиваться одной лишь констатацией факта отсутствия на участке объектов капитального строительства или признаков ведения хозяйственной деятельности он обязан установить действительные причины такого состояния, исследовать вопрос о том, имел ли собственник реальную возможность устранить нарушения, и лишь при доказанности виновного бездействия применять санкции имущественного или административного характера. Из этого следует, что любые санкции за неосвоение земельного участка должны отвечать не только формальным требованиям законности, но и общеправовым критериям справедливости и соразмерности, предполагающим всестороннюю оценку фактических обстоятельств, в которых находится конкретный собственник.

Основная проблема действующего правового регулирования заключается в отсутствии достаточно дифференцированного подхода к ситуациям, в которых собственник земельного участка воздерживается от его использования по целевому назначению. Законодатель не проводит четкого разграничения между противоправным бездействием и объективной невозможностью приступить к использованию земли.

Ключевое значение в рамках рассматриваемой темы имеют статья 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статья 284 Гражданского кодекса РФ. Часть 3 статьи 8.8 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за неиспользование земельного участка, предназначенного для жилищного или иного строительства, садоводства, огородничества, если обязанность использовать такой участок в определенный срок предусмотрена федеральным законом [2]. Статья 284 ГК РФ предусматривает более серьезное последствие, а именно возможность изъятия земельного участка у собственника, если участок предназначен для сельского хозяйства, жилищного или иного строительства и не используется по целевому назначению в течение трех лет, если более длительный срок не установлен законом [3]. При этом в указанный срок не включается время, необходимое для освоения участка, а также период, когда участок не мог использоваться из-за стихийных бедствий или иных обстоятельств, исключающих такое использование.

На первый взгляд, в статье 284 ГК РФ уже есть указание на обстоятельства, исключающие использование участка. Но проблема состоит в том, что закон не раскрывает, какие именно обстоятельства должны считаться уважительными, как они должны подтверждаться, кто обязан их оценивать и как они влияют на течение срока.

С 1 марта 2025 года начал действовать новый подход к освоению земельных участков. Земельный кодекс РФ был дополнен статьей 85.1 «Освоение земельных участков из состава земель населенных пунктов и их использование» [4]. Общий срок освоения участка из состава земель населенных пунктов составляет три года. Важным элементом реформы стало и то, что признаки неиспользования земельных участков были переданы на уровень Правительства РФ. Постановлением Правительства РФ от 31.05.2025 № 826 «Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных

пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков» установлены признаки неиспользования земельных участков.

К таким признакам отнесены, например, захламливание более 50 процентов площади участка, отсутствие здания или сооружения на участке, предназначенном для строительства, в течение определенного срока, отсутствие индивидуального жилого дома на участке индивидуального жилищного строительства в течение 7 и более лет, а также наличие разрушенных зданий при бездействии правообладателя.

Эта реформа устранила часть неопределённости. До неё обращал внимание на проблему Конституционный Суд РФ. Суды фактически использовали статью 284 ГК РФ о принудительном изъятии как основание для штрафов по статье 8.8 КоАП РФ, хотя для административной ответственности должен быть прямо и ясно установлен срок использования участка. Конституционный Суд указал, что применение наказания требует однозначности и детального законодательного регулирования [5].

Вместе с тем законодательные изменения последних лет были ориентированы преимущественно на унификацию сроков освоения земельных участков, а не на индивидуализацию ответственности. Между тем причины неиспользования земли могут существенно различаться. Одна ситуация складывается, когда собственник сознательно уклоняется от исполнения обязанности по целевому использованию участка. Совершенно иная, когда он намерен приступить к освоению, однако сталкивается с объективными препятствиями. К числу последних можно отнести судебное оспаривание границ участка, не утверждение градостроительной документации уполномоченным органом, невозможность технологического присоединения к инженерным сетям вследствие бездействия ресурсоснабжающей организации, действующий запрет на осуществление строительства, включение участка в зону с особыми условиями использования территории, а также чрезвычайные ситуации природного или техногенного характера.

Постановление Правительства РФ № 826 частично учитывает названные обстоятельства. Согласно его положениям, признаки неиспользования участка не применяются, если на имущество наложен арест, введён запрет на его использование либо если использование было невозможно из-за стихийных бедствий или иных обстоятельств, исключающих такое использование [6]. Однако категория «иные обстоятельства» сохраняет предельно общий характер. В таких условиях сохраняется риск формального подхода, при котором даже объективная невозможность использования земли не всегда будет принята во внимание.

Подобная неопределенность создает риск сугубо формального подхода. Контролирующий орган фиксирует внешний признак нарушения отсутствие видимых результатов освоения земли, однако за этим признаком может стоять не недобросовестное поведение собственника, а юридическая или техническая невозможность приступить к использованию участка. В такой ситуации ответственность утрачивает своё предназначение как мера защиты публичного интереса.

Формальный подход влечёт негативные последствия сразу по нескольким направлениям. Если собственник предпринимал разумные и необходимые в сложившейся ситуации действия его правовое положение не может приравниваться к положению лица, которое полностью бездействовало. Решение проблемы заключается в более точной ее дифференциации. Одновременно требуется обеспечить защиту добросовестных собственников, чье бездействие обусловлено объективными и не зависящими от них ситуациями.

Для достижения указанной цели целесообразным видится закрепление в законодательстве примерного перечня обстоятельств, признаваемых уважительными причинами неиспользования земельного участка. В такой перечень могли бы войти: стихийные бедствия и чрезвычайные ситуации природного характера военные действия и техногенные катастрофы; судебные споры о правах на участок, его границах, установлении сервитутов либо иных обременениях; документально подтверждённая невозможность технологического присоединения к объектам инженерной инфраструктуры; а также иные препятствия, носящие юридический или фактический характер.

Вместе с тем перечень должен сохранять открытый характер. Охватить исчерпывающим регулированием всё многообразие жизненных ситуаций, при которых использование земли оказывается невозможным, едва ли достижимо. По этой причине юридически корректным решением стало бы дополнение перечня общей нормой, указывающей на «иные обстоятельства, которые правообладатель не мог разумно предотвратить и которые объективно препятствовали использованию земельного участка».

Кроме того, требует нормативного закрепления обязанность контролирующего органа до назначения административного наказания либо направления материалов об изъятии земельного участка проводить оценку добросовестности собственника. Результаты такой оценки должны находить отражение

в акте проверки или в постановлении по делу об административном правонарушении. Предложенный подход позволяет обеспечить соблюдение баланса публичных и частных интересов.

Законодательное закрепление примерного перечня уважительных причин неиспользования земли и процедуры их оценки сделает правоприменение более предсказуемым. Собственник получает ясное представление о том, какие документы необходимо собирать для подтверждения своей добросовестности. Контролирующий орган, в свою очередь, приобрёл бы четкие критерии оценки.

Таким образом, ответственность за неиспользование земельных участков в Российской Федерации необходима, поскольку земля является ограниченным и социально значимым ресурсом. Однако такая ответственность должна применяться с учётом причин неиспользования участка.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.05.2026).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ : ред. от 21.04.2026 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ : ред. от 28.12.2025 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2026).
4. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 08.08.2024 № 307-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 33. – Ст. 4980 ; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.05.2026).
5. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки А.В. Кислицыной : Постановление Конституционного Суда РФ от 08.07.2024 № 32-П // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2026).
6. Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков : Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 826 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.05.2026).

УДК 349.6

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

Чашкин Петр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры предпринимательского и трудового права,

Бичурина Элла Руслановна

студент 3 курса

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется правовой и технологический потенциал применения информационных технологий в сфере государственного экологического контроля (надзора). Анализируется нормативно-правовая база, регулирующая цифровизацию контрольно-надзорной деятельности. Подробно рассматриваются функциональные преимущества и правовые недостатки мобильного приложения «Инспектор», выявленные в том числе в практике арбитражных судов.

Ключевые слова: государственный экологический контроль, информационные технологии, мобильное приложение «Инспектор», выездное обследование, цифровой надзор, электронные доказательства, Росприроднадзор.

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE IMPLEMENTATION OF STATE ENVIRONMENTAL CONTROL

Chashkin Petr V.

Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law

Bichurina Ella R.

3rd-year Student Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Orenburg, Russia

Abstract. The article examines the legal and technological potential of using information technologies in the field of state environmental control (supervision). It analyzes the regulatory framework governing the digitalization of control and supervisory activities. The functional advantages and legal shortcomings of the mobile application "Inspector" are discussed in detail, including those identified in the practice of arbitration courts.

Keywords: state environmental control, information technologies, mobile application "Inspector", on-site inspection, digital supervision, electronic evidence, Rosprirodnadzor.

Цифровая трансформация государственного управления, провозглашённая Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1], охватила все ключевые сферы исполнительной власти, однако применительно к экологическому надзору этот процесс приобретает особую актуальность. Экологический ущерб, причинённый вследствие запоздалого обнаружения нарушений, нередко оказывается невосполнимым: загрязнение водного объекта или уничтожение почвенного покрова не поддаётся полноценной рекультивации даже при последующем привлечении виновных к ответственности. Именно поэтому скорость и точность фиксации нарушений, обеспечиваемые цифровыми инструментами, превращаются из технического удобства в правовую необходимость. Под государственным экологическим контролем (надзором) в рамках настоящей работы понимается деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти - прежде всего Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзора) - и органов исполнительной власти субъектов РФ, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований в области охраны окружающей среды, установленных Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [2] и иными нормативными правовыми актами. Информационные технологии в надзорной деятельности - это совокупность программно-аппаратных средств, государственных информационных систем (Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, государственная информационная система «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности»), мобильных приложений и средств дистанционного зондирования Земли, применение которых регламентировано Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3]

Современный правовой режим государственного экологического контроля базируется на риск-ориентированном подходе, при котором интенсивность надзора напрямую зависит от категории риска объекта. Согласно Постановлению Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» [4], в 2024–2026 годах сохраняются ограничения на проведение плановых проверок: они возможны лишь в отношении объектов чрезвычайно высокого и высокого рисков, тогда как внеплановые мероприятия допускаются только при наличии индикаторов риска или непосредственной угрозы причинения вреда. Базовым законодательным актом, определяющим виды контрольно-надзорных мероприятий (далее - КНМ), является Федеральный закон № 248-ФЗ, закрепляющий как мероприятия с взаимодействием с контролируемым лицом (выездная проверка, инспекционный визит, рейдовый осмотр), так и без него (выездное обследование, наблюдение за соблюдением обязательных требований). Технологическая платформа для реализации КНМ создана Постановлением Правительства РФ от 13.08.2022 № 1402 о государственной информационной системе «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности» [5] (далее - ТОР КНД), а ведомственный уровень регулирования обеспечен Приказом Росприроднадзора от 15.09.2021 № 511 об утверждении Административного регламента осуществления федерального государственного экологического контроля (надзора) [6].

Как справедливо отмечает Н.И. Хлуденева, эффективность правового регулирования охраны окружающей среды во многом определяется способностью государства обеспечить непрерывность контроля и доказательственную надёжность его результатов [7, с. 134]. Именно эту задачу и призваны решать цифровые инструменты.

Анализ норм Федерального закона № 248-ФЗ и правоприменительной практики позволяет утверждать, что наиболее эффективным видом КНМ в экологической сфере с точки зрения интеграции информационных технологий является выездное обследование, регламентированное статьёй 75 указанного закона. Выездное обследование проводится без предварительного уведомления контролируемого лица, что в экологической сфере имеет принципиальное значение: нарушитель лишается возможности оперативно демонтировать незаконное оборудование для сброса сточных вод, засыпать несанкционированную свалку или замаскировать незаконную рубку до прибытия инспектора. В отличие от выездной проверки, требующей согласования с органами прокуратуры и обязательного присутствия представителя организации, при выездном обследовании инспектор осматривает общедоступные производственные объекты и территории, фиксируя обстановку с помощью технических средств. Часть 3 статьи 75 Федерального закона № 248-ФЗ прямо допускает применение при обследовании данных дистанционного зондирования Земли, геоинформационных систем, беспилотных летательных аппаратов и иных технических средств. Этот симбиоз физического присутствия инспектора и цифровых технологий позволяет сопоставлять визуально наблюдаемую картину с ортофотопланами и космоснимками, автоматически подгружаемыми из государственных геопорталов. Цифровые файлы с метаданными о времени и координатах съёмки формируют массив допустимых доказательств, которые при соблюдении процессуальных требований могут быть использованы как для вынесения предписания, так и для привлечения к административной ответственности в соответствии со статьёй 26.2 КоАП РФ [8].

Ключевым цифровым инструментом перевода выездных мероприятий в электронный формат стало мобильное приложение «Инспектор», разработанное для нужд Росприроднадзора в рамках ТОР КНД. Приложение интегрировано с Единым реестром контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ) и позволяет должностному лицу проводить выездные обследования и оформлять результаты иных КНМ в режиме реального времени.

Функциональные преимущества приложения значительны. Во-первых, оно обеспечивает фото- и видеофиксацию с автоматической привязкой к географическим координатам и меткой точного времени, что придаёт материалам съёмки доказательственную силу, соответствующую требованиям части 3 статьи 26.6 КоАП РФ. Во-вторых, инспектор вправе дистанционно загружать и заполнять проверочные листы, утверждённые приказами Минприроды России (в том числе введённые Приказом Минприроды России от 18.10.2021 № 765) [9], а также формировать акты и предписания непосредственно на месте проведения обследования и направлять их в ЕРКНМ без возвращения в офис. В-третьих, наличие электронных шаблонов и встроенных справочников обязательных требований снижает вероятность произвольных или ошибочных решений, унифицируя правоприменение на всей территории страны. Как справедливо указывают В.Б. Агафонов и Н.Г. Жаворонкова, цифровая трансформация экологического права - это не только технологическое обновление, но и содержательное изменение механизма взаимодействия государства и подконтрольных субъектов, при котором прозрачность и фиксируемость каждого надзорного действия становятся конституирующими принципами [10, с. 149].

Вместе с тем практика внедрения МП «Инспектор» в 2022–2026 годах выявила ряд существенных правовых проблем, нашедших отражение в судебных актах.

Проблема идентификации цифровых материалов по месту и времени их создания нашла отражение в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.10.2022 по делу № А32-30449/2021 [11]. Суд признал фотографии, представленные в обоснование доводов стороны, недопустимыми доказательствами: из представленных файлов невозможно было установить место и время их создания, а именно - что они сняты в данном месте и в данное время уполномоченным лицом. Суд указал, что фотоматериалы должны содержать идентифицирующие признаки, позволяющие установить связь между снимком, местом проведения контрольного мероприятия и моментом фиксации нарушения. Данная правовая позиция непосредственно указывает на требования к цифровым материалам, формируемым в мобильных приложениях государственного надзора: отсутствие верифицированных метаданных о геолокации и времени создания файла в МП «Инспектор» создаёт риск признания зафиксированных материалов недопустимыми доказательствами.

Действующее законодательство предусматривает строгие требования к порядку уведомления контролируемых лиц о предстоящих мероприятиях; нарушение этих требований влечёт признание предписания недействительным. В Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.03.2023 по делу № А56-35253/2022 [12] суд установил, что решение о проведении проверки было направлено надзорным органом не на официальный электронный адрес, указанный в личном кабинете природопользователя, а на иной адрес. Суд признал оспариваемое предписание недействительным: при наличии в информационной системе Росприроднадзора достоверно известных контактных данных общества их игнорирование является грубым нарушением требований к организации контрольного мероприятия по смыслу статьи 91 Федерального закона № 248-ФЗ.

Нарушение сроков проведения КНМ является самостоятельным грубым нарушением, влекущим признание его результатов недействительными. Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2023 по делу № А40-60869/2022 [13] суд констатировал, что срок проведения контрольно-надзорного мероприятия был неправомерно продлён и составил 18 рабочих дней вместо предельно допустимых 10, что в силу пункта 8 части 2 статьи 91 Федерального закона № 248-ФЗ является грубым нарушением порядка государственного контроля. В контексте применения МП «Инспектор» особую значимость приобретает вопрос о времени синхронизации электронных материалов с ЕРКНМ: задержка между фактической фиксацией нарушения и регистрацией данных в системе может повлечь как нарушение сроков КНМ, так и сомнения в достоверности зафиксированных временных меток.

Приведённые примеры наглядно демонстрируют разрыв между технологическим потенциалом МП «Инспектор» и его нормативным обеспечением. Указанный разрыв коррелирует с более широкой проблемой, на которую обращает внимание И.А. Игнатьева: цифровизация государственного управления в сфере охраны окружающей среды требует синхронного развития не только технологических платформ, но и процессуального законодательства, регулирующего допустимость и оценку электронных доказательств [14, с. 111].

Преодоление выявленных проблем предполагает комплекс правовых мер. На уровне подзаконного регулирования необходимо утвердить единый стандарт сбора и хранения цифровых доказательств в мобильных приложениях государственного надзора, который закрепил бы презумпцию достоверности сведений, зафиксированных через МП «Инспектор», при условии синхронизации с ЕРКНМ в режиме, близком к реальному времени, и обязательного использования усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) инспектора. На уровне ведомственных приказов Минприроды России необходимо прямо указать, что акт, составленный в форме электронного документа в МП «Инспектор» и подписанный УКЭП, имеет равную юридическую силу с актом на бумажном носителе, а приобщённые к нему материалы фото- и видеофиксации являются приложениями к акту и не требуют отдельного удостоверения понятиями. На межведомственном уровне устранение технических коллизий взаимодействия информационных систем должно стать предметом совместных регламентов Росприроднадзора, Минцифры России и Генеральной прокуратуры РФ - для обеспечения сквозной прослеживаемости материалов от момента фиксации на местности до вынесения судебного акта.

Долгосрочные перспективы развития цифрового экологического надзора связаны с интеграцией технологий искусственного интеллекта в системы автоматической классификации нарушений по фото- и видеоматериалам, с разработкой защищённых платформ для хранения экологических данных с обеспечением их неизменности, а также с созданием национальных стандартов информационной безопасности для контрольных мероприятий. При этом научная доктрина указывает на то, что внедрение цифровых инструментов не должно вести к автоматической формализации надзора в ущерб принципу индивидуализации ответственности, закреплённому в статье 4.1 КоАП РФ, и принципу равенства всех перед законом и судом, гарантированному статьёй 19 Конституции Российской Федерации [15].

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Государственный экологический контроль в Российской Федерации переживает качественную трансформацию, обусловленную внедрением цифровых инструментов на всех стадиях надзорной деятельности. Наиболее эффективным видом контрольно-надзорного мероприятия с точки зрения интеграции информационных технологий является выездное обследование, сочетающее внезапность, процессуальную гибкость и прямую ориентированность на использование дистанционных средств фиксации. Мобильное приложение «Инспектор» обладает значительным потенциалом повышения оперативности и объективности надзора, однако его правовая регламентация отстаёт от технологических возможностей, что порождает риски признания результатов КНМ недопустимыми доказательствами. Устранение выявленных пробелов

требует скоординированных усилий законодателя, профильных ведомств и судебной системы - только при таком подходе цифровизация экологического надзора сможет в полной мере реализовать заложенный в ней правоохранный и природоохранный потенциал.

Список литературы:

Нормативные правовые акты

1. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (в ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 30. — Ст. 4884.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. 1). — Ст. 5007.
4. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (в ред. от 25.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 12. — Ст. 1853.
5. Постановление Правительства РФ от 13.08.2022 № 1402 «О государственной информационной системе "Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности"» (в ред. от 18.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 34. — Ст. 5968.
6. Приказ Росприроднадзора от 15.09.2021 № 511 «Об утверждении Административного регламента осуществления Федеральной службой по надзору в сфере природопользования федерального государственного экологического контроля (надзора)» (зарегистрирован в Минюсте России 20.12.2021 № 66452) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2026).
7. Приказ Минприроды России от 18.10.2021 № 765 «Об утверждении форм проверочных листов (списков контрольных вопросов), применяемых должностными лицами Федеральной службы по надзору в сфере природопользования при осуществлении федерального государственного экологического контроля (надзора)» (зарегистрирован в Минюсте России 26.11.2021 № 65988) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2026).
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
9. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.05.2026).

Судебная практика

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2023 по делу № А40-60869/2022 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 25.05.2026).
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.03.2023 по делу № А56-35253/2022 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 25.05.2026).
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.10.2022 по делу № А32-30449/2021 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 25.05.2026).

Научная литература

13. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Трансформация экологического права: теоретико-правовые аспекты // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2021. — № 41. — С. 149–162. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ekologicheskogo-prava-teoretiko-pravovye-aspekty> (дата обращения: 24.05.2026).
14. Игнатьева И.А. Развитие правового регулирования возмещения вреда окружающей среде как упрощение природоохранной концепции // Журнал российского права. — 2019. — № 5. — С. 111–121. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-pravovogo-regulirovaniya-vozmescheniya-vreda-okruzhayushchey-srede-kak-uproschenie-prirodoohrannoy-kontseptsii> (дата обращения: 24.05.2026).

15. Хлуденева Н.И. Эффективность правового регулирования охраны окружающей среды в России: от конфликта целей к экологическому правопорядку // Журнал российского права. — 2017. — № 4. — С. 134–143. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-pravovogo-regulirovaniya-ohrany-okruzhayushey-sredy-v-rossii-ot-konflikta-tseley-k-ekologicheskomu-pravoporyadku> (дата обращения: 26.05.2026).

УДК 34

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ЭВТАНАЗИЯ

Валитов Тимурмали Альфредович

студент

Оренбургский институт (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)", Россия, г. Оренбург

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена нарастающим противоречием между абсолютным запретом эвтаназии в российском законодательстве и объективным общественным запросом на легализацию её отдельных форм, подтверждаемым, в частности, явлением «суицидального туризма» в Швейцарию, Нидерланды и Бельгию. Кроме того, распространение коронавирусной инфекции и вынужденные изменения в работе системы здравоохранения обнажили проблемы правовой неопределённости при отказе от реанимационных мероприятий и вегетативном существовании пациентов.

Ключевые слова: эвтаназия, право на жизнь, право на смерть, ассистируемый суицид, пассивная эвтаназия, суицидальный туризм, паллиативная помощь, правовое регулирование, Российская Федерация.

THE RIGHT TO LIFE AND EUTHANASIA

Valitov Timurgali Alfredovich

student

Orenburg Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Russia, Orenburg

Abstract. The relevance of the study is due to the growing contradiction between the absolute prohibition of euthanasia in Russian legislation and the objective public demand for the legalization of its certain forms, evidenced, in particular, by the phenomenon of «suicide tourism» to Switzerland, the Netherlands and Belgium. Moreover, the spread of coronavirus infection and forced changes in the functioning of the healthcare system have exposed the problems of legal uncertainty regarding the refusal of resuscitation measures and the vegetative existence of patients.

Keywords: euthanasia, right to life, right to death, assisted suicide, passive euthanasia, suicide tourism, palliative care, legal regulation, Russian Federation.

Проблема эвтаназии носит междисциплинарный характер, объединяя вопросы биоэтики, медицинского права, уголовного права и философии. В настоящее время в мире сложилось три основных подхода: абсолютный запрет под угрозой уголовного наказания (Россия, Китай, большинство стран СНГ); выделение специального состава с более мягкой санкцией (Германия, Япония, Южная Корея); легализация при соблюдении строгих условий (Нидерланды, Бельгия, Швейцария) [3, с. 25–26]. Российское законодательство (ст. 45 Федерального закона № 323-ФЗ) прямо запрещает эвтаназию, приравнивая её к убийству по ст. 105 УК РФ, а мотив сострадания может учитываться судом лишь как смягчающее обстоятельство, но не исключает уголовной ответственности. По справедливому замечанию О.С. Капинус, такая правовая конструкция не учитывает особой этико-правовой природы эвтаназии, отличающей её от бытового убийства [4, с. 312].

Ключевой доктринальной проблемой российского медицинского права является отсутствие чёткого теоретического разграничения между пассивной эвтаназией и правомерным отказом пациента от медицинского вмешательства. С формально-юридической точки зрения пассивная эвтаназия по объективным проявлениям совпадает с отказом от лечения, закреплённым в ст. 33 Федерального закона № 323-ФЗ. Это порождает внутреннюю коллизию: одно и то же деяние оказывается либо законным

осуществлением автономии пациента, либо уголовно наказуемым деянием. Как обоснованно указывает Ю.В. Казимирская, «право на эвтаназию, будучи одним из правомерных ограничений права на жизнь, предполагает не абсолютный характер правомочия по распоряжению своей жизнью, а его минимальную степень, обусловленную интересами личности в исключительных случаях, когда жизнь уже не является благом» [5, с. 17].

Анализ зарубежного опыта показывает, что страны, легализовавшие активную эвтаназию, выработали многоступенчатые контрольные механизмы: обязательная консультация независимого врача, этические комитеты, уведомление прокурора, ведение публичных реестров. Количество смертей в результате эвтаназии составляет около 0,3–0,45% от общего числа, что опровергает тезис о неизбежной «эпидемии убийств» [6, с. 10]. Вместе с тем практика распространения эвтаназии на несовершеннолетних в Бельгии и Нидерландах вызывает серьёзные этические возражения и не может быть воспринята российской правовой системой, исходя из конституционного приоритета защиты детства [2].

Особого внимания заслуживает позиция Европейского Суда по правам человека. В деле «Претти против Соединённого Королевства» (жалоба № 2346/02) заявительница с полным параличом просила не преследовать её супруга за помощь в самоубийстве, утверждая, что право на жизнь включает право на смерть. ЕСПЧ отклонил жалобу, указав, что статья 2 Европейской конвенции не может толковаться как предоставляющая право на смерть или право на самоопределение в выборе смерти вместо жизни [7]. Однако практика «суицидального туризма» и решения национальных судов (например, Верховного суда Канады в деле *Carter v. Canada*) свидетельствуют о постепенной эволюции подходов: от абсолютного запрета к признанию права на достойную смерть в терминальной стадии заболевания.

В Российской Федерации фактически существует «бытовая эвтаназия», совершаемая родственниками без медицинского контроля. Такие деяния квалифицируются по ст. 105 УК РФ, но суды нередко назначают условное наказание, признавая сострадание смягчающим обстоятельством [5, с. 17]. Отсутствие легальной процедуры вытесняет проблему в криминальную сферу, порождает правовую неопределённость и неравенство: лица, имеющие возможность выехать за рубеж, получают доступ к ассистированному суициду, тогда как социально незащищённые граждане такой возможности лишены.

На основании проведённого анализа предлагаются следующие пути решения проблемы.

1) На доктринальном уровне требуется пересмотреть доминирующую абсолютную трактовку права на жизнь. Жизнь должна признаваться благом лишь постольку, поскольку она позволяет человеку реализовывать свою автономию. Отказ от жизни при наличии объективных критериев не противоречит конституционной ценности человеческого достоинства.

2) Предлагается внести изменения в ст. 45 Федерального закона № 323-ФЗ, разрешив пассивную эвтаназию для пациентов в вегетативном состоянии с доказанной необратимостью поражения мозга либо для дееспособных лиц с терминальной стадией заболевания, причиняющего некупируемые страдания. Обязательными условиями должны стать: информированное добровольное согласие пациента, а при необратимой коме — согласие законных представителей; заключение не менее трёх врачей; обязательное уведомление прокурора и этического комитета; право врача на отказ от участия в процедуре по мотивам совести.

3) Необходимо дополнить Уголовный кодекс РФ примечанием к ст. 105, освобождающим от ответственности медицинских работников за действия (бездействие) в рамках законодательно установленной процедуры пассивной эвтаназии, либо ввести специальный состав с санкцией по аналогии с параграфом 216 Уголовного кодекса ФРГ [8].

Заклячая, следует отметить: отказ от абсолютного запрета эвтаназии не является призывом к обесцениванию жизни. Напротив, он выступает признанием автономии личности и права человека на самоопределение, включая решение о времени и способе собственной смерти в ситуации неизбежного и мучительного умирания. Российское законодательство, сохраняющее жёсткий запрет без дифференциации форм эвтаназии, нуждается в реформировании по пути, уже пройденному многими европейскими государствами. Предлагаемый подход, ограниченный строгими процедурными условиями и ориентированный исключительно на пассивную форму эвтаназии для терминальных пациентов, позволит найти баланс между обязанностью государства защищать жизнь и уважением к достоинству человека, для которого продолжение существования превратилось в невыносимое бремя. До легализации активной эвтаназии приоритетным направлением должно оставаться развитие паллиативной помощи и совершенствование механизмов информированного отказа от лечения.

Список литературы:

1. Ричардс Н. Ассистируемое самоубийство как средство от страданий? Предпочтения британских «суицидальных туристов» в конце жизни // Медицинская антропология. 2017. Т. 36, № 4. С. 348–362. DOI: 10.1080/01459740.2016.1255610.
2. Гейдарова Е.Н. Реализация права на охрану здоровья в контексте проблемы права на эвтаназию в международном и национальном правовом поле : магистерская диссертация. М., 2022. 127 с.
3. Елисеева Г.В. Эвтаназия: отечественный и зарубежный опыт правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 23–38.
4. Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь : монография. М. : Камерон, 2006. 479 с.
5. Казимирская Ю.В. Право на эвтаназию как ограничение права на жизнь (сравнительно-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 16–18.
6. Огунбаньо Г.А., Кнапп ван Богарт Д. Есть ли место добровольной активной эвтаназии в современной медицине? // Южноафриканская семейная практика. 2013. Т. 55, № 1. С. S10–S11. DOI: 10.1080/20786204.2013.10874314.
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 апреля 2002 г. по делу «Претти против Соединенного Королевства» (Pretty v. The United Kingdom), жалоба № 2346/02. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 21.04.2026).
8. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия (Strafgesetzbuch – StGB) от 15 мая 1871 г. (ред. от 10 октября 2021 г.) § 216. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/ (дата обращения: 21.04.2026).

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК С ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ**Кузьмина Мария Вячеславовна**

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Голубцов Роман Дмитриевич

студент 3 курса

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется роль нотариального удостоверения сделок с земельными участками как механизма защиты прав собственников. Анализируются российские нормы (ст. 163 ГК РФ, Земельный кодекс, ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и пр.), регулирующие обязательность нотариальной формы в сделках с землёй, дарением, а также позиции авторитетных специалистов и судебная практика Верховного Суда РФ. Показано, что нотариат обеспечивает проверку законности сделки и легитимности прав сторон; при обязательном условии несоблюдение формы приводит к ничтожности сделки.

Ключевые слова: нотариальное удостоверение; земельный участок; право собственности; сделки с недвижимостью; нотариат; защита прав собственников; государственная регистрация недвижимости; судебная практика; Верховный Суд РФ; земельное право.

NOTARY CERTIFICATION OF TRANSACTIONS WITH LAND PLOTS AS A WAY TO PROTECT THE RIGHTS OF OWNERS**Kuzmina Maria Vyacheslavovna**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Business and Labor Law

Golubtsov Roman Dmitrievich

3rd year student Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The article examines the role of notarization of land transactions as a mechanism for protecting the rights of owners. The article analyzes the Russian norms (art. 163 of the Civil Code of the Russian Federation, the Land Code, the Federal Law "On State Registration of Real Estate", etc.) governing the mandatory notarization in land transactions, donations, as well as the positions of reputable experts and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. It is shown that the notary ensures the verification of the legality of the transaction and the legitimacy of the rights of the parties; if necessary, non-compliance with the form leads to the nullity of the transaction.

Keywords: notarization; land plot; ownership rights; real estate transactions; notary; protection of property rights; state registration of real estate; judicial practice; Supreme Court of the Russian Federation; land law.

В земельном праве России сделки с земельными участками обладают особым статусом: наряду с государственной регистрацией такие сделки могут требовать дополнительного удостоверения у нотариуса. Одной из целей введения нотариальной формы является защита прав собственника и юридическая чистота оборота земли. В то же время, в обычном гражданско-правовом обороте (без специальных условий) сделки с землёй совершаются в простой письменной форме. Исследование актуально ввиду роста числа мошеннических схем при переходе прав на недвижимость и необходимости укрепления гарантий добросовестного приобретателя.

Нотариальное удостоверение – это не формальность, а законная процедура проверки сделки. ГК РФ в ст. 163 п.1 определяет: «нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение». Проще говоря, нотариус устанавливает личность сторон, их правоспособность, предмет и условия сделки, проверяет отсутствие нарушений закона. Закон подчёркивает: если нотариальное удостоверение сделки обязательно, то «несоблюдение нотариальной формы сделки влечет ее ничтожность»²¹. Это даёт собственнику земли дополнительную гарантию защиты его прав: сделка без нотариуса в обязательном случае будет объявлена недействительной, и нарушитель права теряет приобретённую «серым» образом собственность. Из этого можно сделать вывод, что нотариальное удостоверение сделки даёт большие преимущества защиты прав сторон. Иными словами, нотариус выступает «охранителем законности», препятствуя незаконным отчуждениям земельных участков и минимизируя риски утраты имущества законными владельцами.

Российское законодательство конкретно перечисляет случаи, когда сделка с землей подлежит нотариальному удостоверению. Так, гражданское законодательство в общем виде обязывает нотариально заверять сделки, указанные в законе (ст. 163 ГК РФ п.2). Среди таких сделок по нормам РФ – сделки с долями в праве общей собственности (включая земельные доли), а также сделки с недвижимостью, принадлежащие несовершеннолетним или недееспособным. Так, Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ²² (ст. 42 ч.1.1, ст. 54 ч.2) устанавливает обязательность нотариуса при отчуждении или ипотеке доли в общем имуществе и при сделках с имуществом, находящимся под опекой или принадлежащим малолетнему/ограниченно дееспособному. Это означает, что, если земельный участок находится в долевой собственности и доля отчуждается, такая сделка обычно подлежит заверению нотариусом. Исключение сделано для долей в сельскохозяйственных землях, согласно законоположению: сделка с долей сельскохозяйственной земли не требует нотариуса. Верховный Суд РФ это подтвердил: в определении №304-КГ18 (19.03.2019)²³ указано, что сделка с выделенной долей земельного участка из сельхозземель не требует нотариального удостоверения. Таким образом, основная норма – нотариус нужен, но для долей из сельхозземель введено исключение (что мотивировано сложностями «идентификации» таких мелких объектов).

Кроме того, обязательной нотариальной форме подлежат специальные земельные договоры. В частности, договоры ренты недвижимости (в том числе земельного участка) должны удостоверяться нотариально (ст. 584 ГК РФ). Это означает: если собственник земли передаёт участок по договору пожизненной ренты, сделка заверяется нотариусом и регистрируется. По аналогии к земельным сделкам относится и договор пожизненного содержания с иждивением (п. 1 ст. 601 ГК РФ предусматривает передачу земли при пожизненном содержании). Несмотря на то, что прямой ссылкой на нотариуса в этой норме нет, практика следит за нотариальной формой при таких договорах, рассматривая её как обеспечивающую защиту обеих сторон.

Вдобавок, в соответствии с Федеральным законом от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ «О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» договор дарения так же подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Главная причина, по которой договор

²¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

²² Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ. «Собрание законодательства РФ», № 29, 20.07.2015, ст. 4344)

²³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.03.2019 № 304-КГ18-22555 по делу № А70-13041/2017, источник опубликования <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72101860/> (19.05.2026)

дарения недвижимости стал обязательным для нотариального удостоверения, — это **защита граждан от мошенничества и необдуманных поступков**. Раньше такие сделки часто заключались в простой письменной форме, чем пользовались злоумышленники. Они оформляли дарственные на пожилых людей, лиц с зависимостями или тех, кто не понимал последствий, в результате чего люди лишались единственного жилья. Нотариус при оформлении сделки выполняет роль независимого гаранта. Из этого следует вывод, что такие нововведения созданы с целью обеспечения защиты имущественных прав граждан от возможных злоупотреблений.

Нельзя не упомянуть что, в иных случаях – если стороны договора сами по желанию решают удостоверить сделку – нотариус вправе её заверить даже без обязательного требования, что тоже может служить дополнительной гарантией чистоты сделки и в очередной раз подчеркивает диспозитивную составляющую в делах, связанных с заключением сделок.

Нотариальное удостоверение играет ключевую роль именно в защите владельца земельного участка. Практика показывает, что нотариус проверяет наличие у продавца (дарителя, рентодателя и т. п.) права собственности на землю, изучает документы (кадастровые, налоговые и т. д.) и устанавливает наличие согласия всех необходимых лиц. Это снижает вероятность заключения сделки с «правонарушением»: например, часто нотариус выясняет, что на землю наложены аресты или ограничения, либо что имущество уже было ранее передано. Нотариальный акт сохраняется в реестре, и он сам по себе обладает высокой доказательственной силой, вплоть до возможности немедленного исполнения. Нужно отметить, что при нотариальном удостоверении стороны получают «больше гарантий» по сравнению с простой формой договора. Это связано с тем, что нотариус проверяет правовую чистоту сделки, доводит до сведения сторон все риски и следит за тем, чтобы предмет сделки был чётко определён.

Крайне действенным способом превенции также служит цифровизация, тема которой актуальна сейчас как никогда. Нотариус использует цифровые регистрационные реестры, это позволяет лучше отслеживать необходимые тонкости сделок, следить за чистотой процедуры и не допускать коллизионных моментов, что точно отмечают Акобян Ф. Ж. и Кузьмина М. В. в своей работе: «Внедрение электронных систем позволяет сократить время обработки заявлений, минимизировать бюрократические барьеры и снизить вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором»²⁴.

Судебная практика подтверждает значение нотариального контроля. Так, Верховный Суд РФ давал такое разъяснение: «Если для заключения сделки в соответствии с законом необходима нотариальная форма, несоблюдение её влечет ничтожность сделки на основании пункта 3 статьи 163 ГК РФ»²⁵, то есть нотариальное удостоверение – это установленный законом способ проверки законности сделки, отсюда следует, что отсутствие нотариуса там, где он обязателен, есть не устранимый дефект, а изначальный порок сделки. Иными словами, суд высшего уровня трактует несоблюдение нотариальной формы как фундаментальную ошибку, препятствующую реализации договора.

Напротив, законность сделки с землёй также гарантировалась и в тех пределах, где нотариус не требуется. Так, Верховный Суд в Определении №304-КГ18 (2019) подтвердил, что, если объектом сделки является земельная доля сельскохозяйственного назначения, специальное требование нотариуса отсутствует. Этот пример подчёркивает, что суд учитывает реальный предмет сделки: в случае с мелкими сельхоздолями считалось невозможным полноценное нотариальное оформление, поэтому сделка остаётся в силе без нотариуса. Тем не менее при исках в отношении таких сделок суд оценивает неформальные аспекты, однако не аннулирует сделку за рамками требуемой закона формы.

Итак, российский опыт демонстрирует: нотариальное удостоверение применяется избирательно, в случаях, где защита собственника критична – например, при сделках с уязвимыми сторонами или сложными объектами. Это подтверждается мнением практиков: «спору об участии нотариусов в сделках... никуда не уходят. Одни говорят – удостоверение нотариусом – гарантия действительности сделки». По словам экспертов, нотариат «обеспечивает максимальную юридическую чистоту» операций с недвижимостью, помогая выявлять любые несоответствия до подписания²⁶. Такая позиция разделяется

²⁴ Кузьмина М.В., Акобян Ф.Ж. Влияние новых технологий на развитие земельного права в РФ // Российская наука в фокусе перемен: сборник статей Всероссийской научно- практической конференции с международным участием (13 ноября 2024 года) г. Казань. С. 90–93.

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». "Российская газета", № 140, 30.06.2015

²⁶ Лексакова Е.Ю. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью как способ защиты прав собственников // Нотариус. – 2021. – № 3. – С. 12–18.

большинством правоведов и закрепляется судебной практикой (например, требование нотариальной формы при сделках ренты, купли-продажи и дарения земли признаётся обязательным).

Обзор зарубежного опыта позволяет усилить аргументацию. В Германии практика учреждена на законодательном уровне: «для большинства важных правовых сделок законом предусмотрена нотариальная форма. Несоблюдение нотариальной формы влечёт за собой недействительность сделки»²⁷. Это означает, что, например договор купли-продажи земельного участка без удостоверения у нотариуса в Германии просто не оформляется (что аналогично российской модели обязательной регистрации сделок с землёй). Во Франции также нотариальное участие в сделках с недвижимостью считается обязательным. Французские нотариусы в соответствии с Французским гражданским кодексом наблюдают за передачей прав на имущество, проверяют законность собственности, уплату налогов, составляют договор продажи и проводят передачу прав²⁸. Эти примеры свидетельствуют о том, что в цивилистических странах нотариус традиционно рассматривается как гарантия защиты прав собственника при операциях с недвижимостью.

Нотариальное удостоверение сделок с земельными участками выступает действенным инструментом защиты прав собственников. Российский закон закрепляет его обязательность лишь в ситуациях, требующих дополнительной надёжности – при сделках с уязвимыми участниками (несовершеннолетние, недееспособные) и при обороте сложных объектов (земельные доли, договоры ренты). При этом ГК РФ и Верховный Суд подчёркивают, что при необходимости нотариуса его отсутствие влечёт недействительность сделки. Практика показывает, что удостоверенные нотариусом сделки гораздо реже оспариваются и создают владельцу земельного участка долговременные гарантии (как образно отметила Е. Лексакова, «пожизненную правовую и финансовую гарантию прав собственника»²⁹). Данные примеры и зарубежная практика (Германия, Франция, Испания и др.) свидетельствуют о том, что система нотариального контроля способствует укреплению правовой защиты собственников и стабильности земельного оборота. В конечном итоге, нотариальное удостоверение сделок с землёй служит превентивной мерой – оно предотвращает не только бюрократические ошибки, но и грубые посягательства на право собственности. Это укрепляет доверие к сделкам с землёй, снижает судебные споры и тем самым выполняет функцию охраны прав землевладельцев.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4344.
6. Федеральный закон от 11.02.1993 № 4462-1 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
7. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3018.
8. Определение Верховного Суда РФ от 19.03.2019 № 304-КГ18-22546. – Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 23.06.2023 № 4-КГ23-28-К1. – Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Германское гражданское уложение (ГГУ) 1900 г. § 125, 126, источник опубликования https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение (19.05.2026)

²⁸ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) 2011 г. ст. 1583, 1593, 1128, 1369, источник опубликования <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55696#wXXk4KVX5D7urFUE> (19.05.2026)

²⁹ Лексакова Е.Ю. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью как способ защиты прав собственников // Нотариус. – 2021. – № 3. – С. 12–18.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 10.
11. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. – М.: Статут, 2017. – 976 с.
12. Кузьмина М.В., Акобян Ф.Ж. Влияние новых технологий на развитие земельного права в РФ // Российская наука в фокусе перемен: сборник статей Всероссийской научно- практической конференции с международным участием (13 ноября 2024 года) г. Казань. С. 90–93.
13. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. В 4 т. – М.: Статут, 2022.
14. Толстой Ю.К. Проблемы формы сделок в гражданском праве // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 45–52.
15. Маковский А.Л. Нотариат в механизме защиты гражданских прав // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 23–30.
16. Лексакова Е.Ю. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью как способ защиты прав собственников // Нотариус. – 2021. – № 3. – С. 12–18.
17. Кабалкин А.Ю. Сделки с недвижимостью: проблемы формы и государственной регистрации // Арбитражные споры. – 2022. – № 2. – С. 35–42.
18. Крашенинников П.В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Статут, 2023. – 1320 с.
19. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. С.А. Боголюбова. – М.: Юрайт, 2022. – 456 с
20. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804. Источник опубликования <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55696#wXXk4KVX5D7urFUE> (19.05.2026)
21. Германское гражданское уложение (ГГУ) 1900 г. § 125, 126. Источник опубликования https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение (19.05.2026)

ПРИВАТИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Голубцов Роман

студент 3 курса

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье комплексно исследуется приватизация как особый способ приобретения права частной собственности в Российской Федерации. Автором прослеживается эволюция правового регулирования приватизационных отношений - от конституционных гарантий и базовых положений Гражданского кодекса РФ до специальных норм Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» и Закона РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Особое внимание уделяется столкновению публичных и частных интересов, неизбежно возникающему при отчуждении государственных и муниципальных активов в собственность физических и юридических лиц. В работе подробно анализируется феномен деприватизации, обострившийся в связи с позициями Конституционного Суда РФ 2024-2025 годов, и порождённая им проблема защиты добросовестных приобретателей имущества, приватизированного десятилетия назад. На основе обобщения зарубежного опыта (Великобритания, Франция, Германия, Польша) формулируются практические предложения по совершенствованию отечественного законодательства, включая дифференциацию сроков исковой давности, упрощение процедур вовлечения в оборот конфискованного имущества и систематизацию норм об управлении публичной собственностью. Делается вывод о необходимости достижения законодательно выверенного баланса между фискальными интересами государства и стабильностью гражданского оборота как ключевого условия дальнейшего развития института приватизации.

Ключевые слова: приватизация государственного и муниципального имущества, право частной собственности, деприватизация, баланс публичных и частных интересов, способы приватизации, зарубежный опыт приватизации, добросовестный приобретатель, сроки исковой давности, правовое регулирование приватизации.

PRIVATIZATION AS A WAY OF ACQUIRING THE RIGHT TO PRIVATE PROPERTY

Golubtsov Roman

3rd year student

Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. This article comprehensively examines privatization as a unique method of acquiring private property rights in the Russian Federation. The author traces the evolution of legal regulation of privatization relations, from constitutional guarantees and fundamental provisions of the Civil Code of the Russian Federation to the special provisions of the Federal Law "On the Privatization of State and Municipal Property" and the Law of the Russian Federation "On the Privatization of the Housing Stock in the Russian Federation." Particular attention is paid to the clash of public and private interests that inevitably arises during the alienation of state and municipal assets to individuals and legal entities. The paper provides a detailed analysis of the phenomenon of deprivatization, exacerbated by the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2024-2025, and the resulting problem of protecting bona fide purchasers of property privatized decades ago. Based on a review of international experience (United Kingdom, France, Germany, Poland), practical proposals are formulated for improving domestic legislation, including differentiating statutes of limitations, simplifying procedures for circulating confiscated property, and systematizing regulations on public property management. A conclusion is reached regarding the need to achieve a legislatively sound balance between the state's fiscal interests and the stability of civil transactions as a key condition for the further development of privatization.

Keywords: privatization of state and municipal property, private property rights, deprivatization, balance of public and private interests, privatization methods, foreign privatization experience, bona fide purchaser, limitation periods, legal regulation of privatization.

Приватизация представляет собой один из фундаментальных способов приобретения права частной собственности в Российской Федерации, и её значимость для формирования современной экономической системы трудно переоценить. Обращаясь к легальному определению, закреплённому в статье 1 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [3], под данным процессом понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации, её субъектов или муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц. Стоит подчеркнуть, что в юридической доктрине укоренилось понимание приватизации не просто как технической процедуры перехода прав, но как сложного публично-правового явления. По справедливому замечанию ряда цивилистов, в том числе из школы Е.А. Суханова [9, с. 120], приватизация в России стала тем правовым инструментом, благодаря которому частная собственность, ранее воспринимавшаяся как исключение, трансформировалась во всеобщую правовую норму, доступную широкому кругу субъектов гражданского оборота. При этом в литературе справедливо подчёркивается, что длительное отсутствие в отечественном правовом порядке полноценного института частной собственности на землю и иные объекты недвижимости наложило определённый отпечаток на специфику регулирования, вынудив законодателя в ряде случаев отступать от классических цивилистических подходов.

Правовую основу приватизационных процессов составляет весьма разветвлённая система нормативных актов, вершину которой занимает Конституция Российской Федерации [1]. Хотя сам Основной Закон прямо не провозглашает отдельного «права на приватизацию», в науке конституционного права и решениях Конституционного Суда РФ сформировался устойчивый подход, согласно которому данное правомочие носит производный характер и вытекает из совокупности конституционных гарантий. Речь идёт, в первую очередь, о праве каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности (статья 34), а также о гарантиях неприкосновенности права частной собственности (статья 35) [1]. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 24 апреля 2025 г. № 17-П дополнительно разъяснил, что, не являясь конституционным правом в строгом смысле слова, возможность приватизации выступает законным механизмом реализации конституционных положений о свободе экономической деятельности и праве владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом [6]. Помимо конституционных норм, центральное место в регулировании занимает Гражданский кодекс РФ, в особенности положения статьи 217, посвящённые приватизации государственного и муниципального имущества [2], а также уже упомянутый Федеральный закон № 178-ФЗ, определяющий порядок и способы отчуждения публичных

активов [3]. Следует особо отметить, что в отношении жилых помещений действует специальный правовой режим, урегулированный Законом РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» [4], который предоставляет гражданам, занимающим жилые помещения по договорам социального найма, уникальную возможность однократного бесплатного приобретения занимаемого жилья в собственность.

Рассматривая приватизацию в динамике правовых отношений, невозможно обойти вниманием глубинное противоречие и одновременно диалектическое единство публичных и частных интересов, неизменно сопровождающее процесс передачи государственных активов в частные руки. С одной стороны, публичная собственность составляет экономическую основу реализации государством и местным самоуправлением стратегических и социально значимых функций, что предопределяет особую важность сохранности и эффективного использования государственного и муниципального имущества. Органы прокуратуры, руководствуясь положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [5], осуществляют надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, регламентирующих управление публичной собственностью, стремясь не допустить незаконного выбытия активов из казны. С другой стороны, для частного субъекта – будь то гражданин или юридическое лицо – приватизация открывает легальный канал входа в хозяйственный оборот, даёт доступ к производственным фондам и земельным ресурсам, которые могут быть использованы для извлечения прибыли и удовлетворения личных экономических потребностей. Как справедливо отмечается в доктрине, перед законодателем стоит крайне непростая задача – найти такой баланс интересов, при котором отчуждение государственного имущества не наносило бы ущерба общественным потребностям, но в то же время стимулировало бы частную инициативу и способствовало разгосударствлению экономики [8, с. 47]. В ряде исследований, посвящённых соотношению публичного и частного в правовом регулировании, подчёркивается, что судебные органы, в частности Конституционный Суд, выработали доктрину согласования этих разнонаправленных интересов на основе принципов справедливости и соразмерности ограничений [6]. Баланс этот, однако, часто оказывается смещённым, что порождает как экономические диспропорции, так и многочисленные судебные споры.

Действующее законодательство предлагает достаточно обширный инструментарий способов приватизации, закреплённый в статье 13 Федерального закона № 178-ФЗ [3]. К числу наиболее распространённых способов относятся: преобразование унитарного предприятия в акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью; продажа государственного или муниципального имущества на аукционе либо специализированном аукционе; реализация имущества на конкурсе; продажа акций открытых акционерных обществ по результатам доверительного управления; внесение государственного имущества в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ, а также продажа имущества за пределами территории Российской Федерации. Каждый из перечисленных способов призван обеспечить соблюдение одного из ключевых принципов приватизации – признания равенства покупателей и открытости деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Тем не менее, несмотря на формально декларируемую прозрачность процедур, практика выявляет системные недостатки в их реализации. Так, значительная часть приватизационных мероприятий, особенно на муниципальном уровне, характеризуется неполнотой и непоследовательностью. Зачастую активы, подлежащие приватизации, не проходят должной предпродажной подготовки, что снижает их инвестиционную привлекательность и, как следствие, конечную цену сделки [11, с. 115].

Анализ статистических данных и отчётов контрольных органов позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на многолетний опыт и значительные поступления в бюджет, эффективность управления государственной собственностью в контексте приватизации остаётся далёкой от оптимальной. Если обратиться к свежим показателям, то по итогам 2025 года доходы от приватизации федерального имущества составили, по уточнённым данным Росимущества, порядка 84,2 млрд рублей при плане 81,5 млрд рублей. При этом, что характерно, уже за первые шесть месяцев 2025 года казна пополнилась на 27,5 млрд рублей, что более чем в пять раз превысило изначальный годовой план, составлявший скромные 5,5 млрд рублей. Подобное занижение прогнозных показателей, по мнению экспертов, стало традицией для финансово-экономического блока правительства и объясняется стремлением нивелировать риски затягивания сделок и волатильности рыночной конъюнктуры [11]. Однако за внешне благополучными цифрами скрывается куда менее радужная картина в отношении имущества, обращённого в доход государства по решениям судов. Как показала проверка Счётной палаты РФ, лишь около 8% объектов

недвижимости, изъятых у коррупционеров с 2011 года, были вовлечены в полноценный хозяйственный оборот. Остальные объекты, исчисляемые тысячами, фактически простаивают, что ведёт к колоссальному недополучению бюджетом потенциальных доходов. Среди ключевых причин такой неэффективности называются отсутствие чёткого регламента взаимодействия между Федеральной службой судебных приставов и Росимуществом, а также крайне длительные сроки регистрации права федеральной собственности, достигающие полутора-двух лет.

Проблема усугубляется тем, что в последние годы на первый план в правоприменительной практике вышло явление, получившее в профессиональной среде наименование «деприватизация». Данный термин, не имеющий формального закрепления в законодательстве, широко используется для обозначения процесса истребования ранее приватизированного имущества в государственную или муниципальную собственность, оспаривания приватизационных сделок и признания права публичного образования на активы, утраченные в ходе массовых реформ 1990-х годов [12]. 2024 год ознаменовался настоящим переломом в этой сфере в связи с принятием Конституционным Судом РФ Постановления от 31 октября 2024 г. № 49-П. Высшая судебная инстанция сформулировала позицию, кардинально меняющую правила игры: если отчуждение государственного имущества было сопряжено с коррупционными нарушениями со стороны приобретателя, то на требования прокуратуры о возврате таких активов не распространяются сроки исковой давности [7]. Иными словами, добросовестность и длительность владения не могут служить щитом для лиц, чьи предшественники приобрели собственность с использованием противоправных схем, наносящих ущерб интересам публичного собственника.

В правоприменительной практике возникла острейшая дилемма: допустимо ли изымать у сегодняшних добросовестных владельцев имущество спустя десятилетия после его приватизации, если нарушения были допущены не ими, а самим государством в лице его органов на этапе принятия решений? Как справедливо отмечается в аналитических обзорах и комментариях практикующих юристов, в подавляющем большинстве случаев нарушения приватизационного законодательства в 1990-е годы допускало именно государство - в лице неуполномоченных комитетов по управлению имуществом или с превышением полномочий [12]. Тем не менее, судебная практика пошла по пути признания всех последующих приобретателей недобросовестными, исходя из презумпции того, что выбытие актива из собственности государства произошло помимо его воли. Такая логика породила волну исков со стороны Генеральной прокуратуры, а также ответные иски от бывших собственников, пытающихся взыскать убытки с государственных органов, чьи незаконные действия привели к утрате бизнеса. Показательным в этом контексте является дело ГК «Ариант», где истцы, опираясь на статьи 16 и 1069 Гражданского кодекса РФ [2], пытаются доказать, что вред, причинённый незаконными актами государственных структур, должен возмещаться за счёт казны. Однако эксперты с осторожностью оценивают перспективы подобных исков, прогнозируя, что суды будут крайне неохотно удовлетворять требования, способные повлечь лавинообразный рост аналогичных претензий к бюджету.

Для более глубокого осмысления отечественных проблем и поиска путей их решения целесообразно обратиться к зарубежному опыту проведения приватизационных реформ. Мировая практика демонстрирует весьма разнообразные подходы, варьирующиеся от жёсткой централизации до поэтапной либерализации. Так, в Великобритании, чей опыт часто рассматривается как эталонный для развитых экономик, приватизация в 1980–1990-х годах осуществлялась через механизм публичных размещений акций (ИРО) крупных государственных компаний с широким привлечением средств населения и институциональных инвесторов. Британская модель, на долю которой пришлось около 19% от общего числа приватизационных сделок и порядка 20% выручки в Европе, показала высокую степень фискальной эффективности и способствовала становлению массовой акционерной культуры [14, р. 125]. Во Франции процессы приватизации традиционно сопровождались сохранением значительного государственного влияния через механизмы «золотой акции» и формирования «твёрдого ядра» стабильных акционеров, что позволяло, с одной стороны, привлекать частные инвестиции, а с другой - блокировать недружественные поглощения стратегически важных предприятий [15, р. 210]. Особого внимания заслуживает опыт восточных земель Германии, где после объединения страны была реализована уникальная программа реституции и приватизации через Ведомство по опеке (Treuhandanstalt), столкнувшаяся с серьёзными социальными издержками в виде массовой безработицы и деиндустриализации целых регионов. Что касается постсоциалистического пространства, то здесь весьма показателен опыт Польши, где приватизация проводилась более осторожно, с активным участием трудовых коллективов и использованием ваучерных схем, что позволило избежать той степени

социального расслоения и криминализации процессов, которые наблюдались в России [13, с. 89].

Обобщение зарубежного опыта позволяет извлечь ряд уроков, критически важных для совершенствования российского приватизационного законодательства и правоприменения. Во-первых, необходимо законодательно закрепить более чёткие и детализированные критерии эффективности управления государственным имуществом, исключающие формальный подход к исполнению прогнозных планов. Во-вторых, в контексте обострившейся проблемы деприватизации настоятельно требуется создание правового механизма защиты прав добросовестных приобретателей. Как отмечают исследователи, в ряде стран действуют доктрины «исцеления» пороков титула по истечении определённого срока добросовестного владения, что обеспечивает стабильность гражданского оборота [12]. В российских реалиях было бы целесообразно рассмотреть возможность введения дифференцированного подхода к срокам давности: по искам об истребовании имущества в публичную собственность, не связанным с доказанными фактами коррупции, сроки давности должны применяться в общем порядке. В-третьих, крайне актуальным видится решение организационных проблем, выявленных Счётной палатой. Для ускорения вовлечения в оборот конфискованного и обращённого в доход государства имущества требуется внесение поправок в Закон о приватизации [3], снимающих излишние административные барьеры на пути продажи земельных участков и жилых помещений, а также оптимизация межведомственного взаимодействия между Росимуществом и ФССП. Наконец, на доктринальном уровне многими авторами, включая таких учёных как О.И. Крассов [10, с. 215], неоднократно поднимался вопрос о необходимости систематизации и кодификации разрозненных норм, регулирующих оборот публичного имущества, с целью устранения коллизий и пробелов, которыми изобилует действующее законодательство.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что приватизация в Российской Федерации, пройдя путь от спонтанного перераспределения собственности в 1990-х годах до более упорядоченного процесса в наши дни, продолжает оставаться в фокусе острейших правовых и социально-экономических дискуссий. Являясь важнейшим способом приобретения права частной собственности, она в то же время обнажает глубинные противоречия между фискальными интересами казны, стремящейся извлечь максимальный доход от продажи активов, и законными ожиданиями частных инвесторов и граждан, рассчитывающих на стабильность приобретённого титула. Устойчивое развитие этого института возможно лишь при условии достижения взвешенного баланса публичных и частных интересов, дальнейшего совершенствования законодательных процедур на основе лучших мировых практик и повышения эффективности государственного управления в имущественной сфере. Игнорирование же накопленных проблем, в особенности в части защиты прав добросовестных приобретателей от необоснованной деприватизации, чревато подрывом доверия к государству как к гаранту права собственности и, как следствие, снижением инвестиционной привлекательности российской экономики в целом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). - 2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 4. - Ст. 251.
4. Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 (ред. от 11.06.2021) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов. - 1992. - № 1.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 47. - Ст. 4472.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2025 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. - 2025. - № 18. - Ст. 2345.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195, 196 и 200 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2024. - № 45. - Ст. 6789.
8. Муталиева А.А., Самсонова П.М. Актуальные аспекты правового регулирования приватизации государственного и муниципального имущества // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. - 2024. - № 2 (34). - С. 45–52.
9. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. - М.: Статут, 2017. - 560 с.
10. Крассов О.И. Право частной собственности на землю. - М.: Юрист, 2020. - 384 с.
11. Козлова С.В. Трансформация институтов управления государственным имуществом: итоги 2022–2024 гг. // Вестник Института экономики РАН. - 2025. - № 1. - С. 112–128.
12. Обзор судебной практики по «деприватизации» имущества (подготовлено экспертами компании «Гарант», 2024–2025 гг.) // СПС «Гарант». - 2025.
13. From State to Market: Analysis of Russian and Foreign Privatization Experience / Ed. by I.V. Ivanov. - M.: Nauka, 2023. - 256 p.
14. Privatization and Deregulation in Global Perspective / Ed. by D.J. Gayle. - London: Pinter Publishers, 1990. - 473 p.
15. International Privatisation: Strategies and Practices / Ed. by T. Clarke. - Berlin: Walter de Gruyter, 1994. - 435 p.

УДК 504.5

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАКОПЛЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА ПРИ ЛИКВИДАЦИИ И КОНСЕРВАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Денисов Степан Романович

помощник адвоката, обучающийся

Чашкин Петр Владимирович

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования предупреждения и ликвидации накопленного экологического вреда в Российской Федерации. Рассматриваются современные условия, характеризующиеся значительным объемом экологического ущерба, сформированного в результате длительной промышленной деятельности и недостаточной эффективности ранее действовавших механизмов экологического контроля. Исследуются положения действующего законодательства, включая Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и подзаконные акты, направленные на формирование системы учета и ликвидации объектов накопленного вреда. На основе статистических данных выявляется масштаб проблемы и противоречивость динамики ее решения в 2024–2026 гг. Особое внимание уделяется практическим проблемам реализации государственных программ на федеральном и региональном уровнях. Выделяются ключевые недостатки правового регулирования, включая дефицит финансирования, пробелы в механизмах ответственности и фрагментарность учета объектов. В статье предлагается комплексный механизм предупреждения накопленного экологического вреда, включающий внедрение обязательного экологического аудита, развитие системы финансовых гарантий и цифровизацию государственного реестра.

Ключевые слова: накопленный экологический вред, экологическая безопасность, правовое регулирование, охрана окружающей среды, государственный реестр.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION FOR THE PREVENTION OF ACCUMULATED ENVIRONMENTAL DAMAGE DURING THE LIQUIDATION AND CONSERVATION OF INDIVIDUAL PRODUCTION FACILITIES

Stepan Romanovich Denisov

an assistant lawyer, studying

Chashkin Pyotr Vladimirovich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Business and Labor Law

Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MSAL)

Russia, Orenburg

Abstract. The article analyzes the legal regulation of prevention and remediation of accumulated environmental damage in the Russian Federation. It examines current conditions characterized by a significant volume of environmental harm resulting from long-term industrial activities and the inefficiency of previously existing environmental control mechanisms. The study reviews key legislative provisions, including the Federal Law “On Environmental Protection” and related regulations aimed at establishing a system for accounting and eliminating accumulated damage sites. Based on statistical data, the scale of the problem and the contradictory trends in its resolution during 2024–2026 are identified. Particular attention is paid to practical challenges in the implementation of state programs at both federal and regional levels. The paper highlights major shortcomings of the legal framework, such as insufficient funding, gaps in liability mechanisms, and fragmented accounting of damage sites. A comprehensive mechanism for preventing accumulated environmental damage is proposed, including mandatory environmental audits, financial guarantee instruments, and digitalization of the state registry.

Keywords: accumulated environmental damage, environmental safety, legal regulation, environmental protection, state registry.

Актуальность исследования обусловлена тем, что российская промышленная история оставила после себя значительный экологический след, а унаследованные механизмы государственного надзора не обеспечивали должного учёта и контроля объектов накопленного вреда. В этих условиях вопросы ликвидации последствий прошлой хозяйственной деятельности выходят на уровень приоритетных направлений экологической политики. Особую актуальность данная проблема приобретает в контексте реализации национальных целей развития и федеральных проектов, направленных на обеспечение экологического благополучия.

Нормативная база, регламентирующая меры по предупреждению и устранению НЭВ, формируется в первую очередь экологическим законодательством. Ключевым актом выступает ФЗ от 10.01.2002 № 7-ФЗ, определяющий порядок ведения учёта, проведения инвентаризации и организации работ по ликвидации объектов, внесённых в государственный реестр [1]. В частности, в законе предусмотрено ведение государственного реестра объектов НЭВ, формируемого на основе результатов инвентаризации [1].

В 2023 г. принят ряд подзаконных актов, конкретизирующих процедуру работ с объектами НЭВ [2]. В частности, установлены сроки и поэтапный порядок их выявления, обследования и разработки программ приведения в безопасное состояние, рассчитанный на период до 2030 г [4].

Статистические данные подтверждают масштаб рассматриваемой проблемы. Данные реестра на начало 2024 г. свидетельствуют о том, что в него внесено 921 объект, подавляющее большинство которых (87%) — это несанкционированные свалки твердых коммунальных отходов [6]. При этом, несмотря на реализацию федерального проекта «Чистая страна», в рамках которого было ликвидировано 272 объекта НЭВ в 2019–2024 гг. [7], сохраняется значительное количество нерешенных экологических проблем.

Актуальные данные за 2025–2026 гг. демонстрируют противоречивую динамику: с одной стороны, реализуются масштабные государственные программы, с другой — фиксируется рост числа несанкционированных свалок (8 674 объектов в 2025 году) [8]. Кроме того, по данным Минприроды России, в 2026 году в ряде регионов наблюдаются системные проблемы с реализацией мероприятий по ликвидации НЭВ, включая дефицит финансирования и срыв сроков [9].

Приоритетность данного направления подтверждается неоднократными публичными заявлениями главы государства о необходимости масштабной «генеральной уборки» территории и приведения в безопасное состояние наиболее опасных экологических объектов [10]. В своих выступлениях Президент

указывает на необходимость «генеральной уборки» территории страны и ликвидации наиболее опасных экологических объектов. По словам В.В. Путина, в безопасное состояние приведены территории полигона «Красный бор», Байкальского ЦБК и «Усолья-Сибирского». Президент призвал довести начатые мероприятия до конца, а работу по ликвидации объектов с высоким экологическим риском в целом по стране продолжить.

На региональном уровне проблема также проявляется достаточно остро. На примере Оренбургской области видно, что региональная экологическая повестка включает как ликвидацию бесхозных промышленных территорий, так и устранение стихийных свалок. Местные власти одними из первых в стране провели полномасштабную инвентаризацию таких объектов [11]. В Оренбургской области проводится планомерная работа по ликвидации несанкционированных свалок. Регион один из первых в стране провёл их полную детализированную оценку и анализ. Реализация федерального проекта „Чистая страна” столкнулась с объективными сложностями, обусловленными масштабностью и технологической сложностью задач. По состоянию на ноябрь 2024 года часть работ требовала завершения: наиболее сложные объекты потребовали перепроектировки и дополнительного времени. В ряде случаев отмечались организационные проблемы, включая задержки со стороны подрядчиков и необходимость проведения дополнительных инженерных изысканий. Тем не менее, к ноябрю 2025 года все работы были завершены: ликвидированы 191 свалка и 88 опасных объектов, результаты верифицированы Росприроднадзором [12].

В свалках вблизи городов Медногорск и Новотроицкое при рекультивации не предусмотрена система вывода накопившихся газов, система сбора талых и дождевых вод, нет ограждений. Бытовые отходы продолжают отравлять жизнь людей и окружающую среду.

Несмотря на развитие законодательства [3], в научной среде отсутствует единое мнение относительно эффективности действующих механизмов. Так, ряд ученых указывают на недостаточную проработанность процедур финансирования и распределения ответственности [6]. Другие исследователи отмечают необходимость усиления превентивных мер на стадии консервации и ликвидации предприятий. Так, Болтыров В.Б., Стороженко Л.А. и Сапсай М.А. в своём исследовании «Накопленный экологический вред территорий размещения горнопромышленных отходов прошлых лет» подчёркивают, что при ликвидации и консервации объектов, в составе которых имеются накопители отходов сухого складирования и гидротехнические сооружения, необходимо проектировать и выполнять комплекс работ по обеспечению долговременной устойчивости накопителей, защите поверхности от водной и ветровой эрозии, изоляции токсичных и радиоактивных пород от инфильтрации атмосферных осадков, а также защите оснований от подтопления и размыва паводковыми водами [5].

Анализ действующего правового регулирования позволяет выделить ключевые проблемы:

1. недостаточность финансирования мероприятий по ликвидации НЭВ;
2. отсутствие четкого механизма привлечения бывших собственников предприятий к ответственности;
3. фрагментарность учета объектов НЭВ;
4. слабая интеграция экологических требований на стадии ликвидации и консервации производственных объектов.

В целях совершенствования правового регулирования представляется необходимым разработать комплексный механизм предупреждения накопленного экологического вреда, включающий следующие элементы.

Во-первых, необходимо внедрение обязательного экологического аудита при ликвидации и консервации производственных объектов за исключением отдельных опасных производственных объектов с формированием «экологического паспорта» объекта. Процедура предполагает, что до старта работ по ликвидации или консервации уполномоченная организация формирует документ, фиксирующий характер и степень загрязнения, а также потенциальные риски для окружающей среды. Данный документ прилагается к проекту и является обязательным условием для получения разрешительной документации на прекращение эксплуатации объекта.

Во-вторых, целесообразно законодательно закрепить механизм финансовых гарантий на всех стадиях жизненного цикла объекта за исключением отдельных опасных производственных объектов, включая период эксплуатации, консервации и ликвидации, а также в случае прекращения деятельности предприятия, смены собственника или банкротства [1]. Финансовое обеспечение предлагается осуществлять через ежегодные отчисления в целевой резервный фонд либо путём заключения договора

экологического страхования. Средства резервируются на отдельном счёте и могут быть израсходованы исключительно на мероприятия по рекультивации территории после прекращения деятельности, что исключает риск отсутствия ответственного лица или его несостоятельности.

В-третьих, требуется совершенствование института государственного реестра объектов накопленного экологического вреда путём его цифровизации и межведомственной интеграции [1] с другими государственными информационными системами. Техническое решение заключается в межведомственном обмене данными: информация из реестра НЭВ синхронизируется с ЕГРН, реестром юридических лиц и автоматизированной системой контроля Росприроднадзора. Это обеспечивает оповещение контролирующих органов об изменении правового статуса объекта или смене собственника и позволяет планировать проверки заблаговременно.

Таким образом, развитие правового регулирования предупреждения накопленного экологического вреда должно осуществляться на основе комплексного подхода, сочетающего совершенствование нормативной базы, развитие финансовых инструментов и усиление ответственности хозяйствующих субъектов. Только при условии реализации предложенного механизма возможно достижение устойчивого экологического развития и минимизация последствий прошлой хозяйственной деятельности.

Подводя итог, следует сказать, что проблема накопленного экологического вреда в Российской Федерации сохраняет высокую актуальность, несмотря на реализуемые государственные программы. Современное законодательство формирует основу для ее решения, однако требует дальнейшего развития, прежде всего в части превентивных механизмов и финансового обеспечения. Предложенный комплекс мер позволит повысить эффективность ликвидации НЭВ и обеспечить экологическую безопасность на долгосрочную перспективу.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» : [ред. от 31.07.2025] // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.
2. Постановление Правительства РФ от 27.12.2023 № 2323 «Об утверждении Правил организации ликвидации накопленного вреда окружающей среде» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 1 (ч. I). — Ст. 15.
3. Постановление Правительства РФ от 16.09.2014 № 948 «Об утверждении Правил организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 38. — Ст. 5106.
4. Письмо Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 7 августа 2025 г. № 19-50/15014-ОГ «О направлении информации о национальном проекте «Экологическое благополучие»» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. — 2025. — 23 сентября. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412600807/> (дата обращения: 01.05.2026).
5. Болтыров, В.Б. Накопленный экологический вред территорий размещения горнопромышленных отходов прошлых лет / В.Б. Болтыров, Л.А. Стороженко, М.А. Сапсай // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). — 2021. — № 5-2. — С. 202–217.
6. Мухлынина, М.М. Формирование национальной модели правового регулирования экологических отношений в современной России / М.М. Мухлынина // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 12 (240). — С. 139–142.
7. В рамках «Чистой страны» ликвидировали 272 объекта накопленного вреда // НИА «Экология» [Электронный ресурс]. — 2025. — 19 февраля. — URL: <https://nia.eco/2025/02/19/98291/> (дата обращения: 30.04.2026).
8. Росприроднадзор сформировал официальную статистику по несанкционированным свалкам за 2025 год // Официальный сайт Росприроднадзора [Электронный ресурс]. — 2026. — 9 апреля. — URL: <https://rpn.gov.ru/regions/52/news/rosprirodnadzor-sformiroval-ofitsialnuyu-statistiku-pone-sanktsionirovannym-svalkam-za-2025-god-5973306.html> (дата обращения: 01.05.2026).
9. Объекты накопленного вреда окружающей среде в 2026 году: реестр, критерии, ликвидация // Труд и охрана труда [Электронный ресурс]. — 2025. — 24 декабря. — URL: <https://www.trudohrana.ru/article/104291-23-m3-nakoplennyy-vred-okrujayushchey-srede> (дата обращения: 01.05.2026).
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (29 февраля 2024 г.) // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 30.04.2026).

11. Оренбуржье вошло в тройку лидеров среди регионов по числу несанкционированных свалок // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. — 2026. — 9 апреля. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8572482> (дата обращения: 01.05.2026).
12. Укрепление экологической безопасности: Минприроды подвело итоги 2025 года / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации [Электронный ресурс]. — 2025. — 23 декабря. — URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/ukreplenie_ekologicheskoy_bezopasnosti_minprirody_podvelo_itogi_2025_goda/ (дата обращения: 13.05.2026).

УДК 349.4

ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

Ерополова Виктория Игоревна

Прянишникова Анастасия Евгеньевна

студентки 3 курса

научный руководитель: Чашкин Пётр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург

Аннотация. Исследование посвящено комплексному анализу правовых последствий самовольной постройки и выявлению проблем, возникающих в теории и правоприменительной практике. В работе впервые систематизированы критерии квалификации объектов строительства как самовольных, а также предложены механизмы их легализации. Кроме того, в исследовании раскрыты ключевые теоретические противоречия в рассматриваемой области.

Ключевые слова: самовольная постройка, правовые последствия, признание права.

LAND AND LEGAL CONSEQUENCES OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTION

Yeropova Victoria I., Pryanishnikova Anastasia E.

3rd year students

supervisor: Chashkin Petr V.

candidate of Law, Associate Professor, Department of Business and Labor Law, Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Russia, Orenburg

Abstract. This study provides a comprehensive analysis of the legal consequences of unauthorized construction and identifies problems arising in theory and law enforcement practice. For the first time, the paper systematizes the criteria for classifying construction projects as unauthorized and proposes mechanisms for their legalization. Furthermore, the study uncovers key theoretical contradictions in this area.

Keywords: unauthorized construction, legal consequences, recognition of rights.

В соответствии с действующим гражданским законодательством Российской Федерации правовой режим самовольной постройки регламентируется положениями ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Согласно п. 1 ст. 222 ГК РФ, под самовольной постройкой понимается объект недвижимого имущества, в т. ч. жилой дом, иные строения и сооружения, возведенные на земельном участке, не отведенном для данных целей в порядке, установленном законодательством, либо без получения необходимых разрешительных документов, либо с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил [1].

На основе приведённого нормативно-правового определения можно выделить три ключевых квалифицирующих признака самовольной постройки. Первый — несоответствие земельного участка целевому назначению, т. е. участок не был предоставлен для строительства в установленном законом порядке. Второй — отсутствие необходимой разрешительной документации на возведение объекта. Третий — существенное нарушение градостроительных и строительных норм и правил при создании строения. Законодатель устанавливает альтернативный характер данных признаков: для квалификации объекта в качестве самовольной постройки достаточно наличия хотя бы одного из указанных нарушений.

Таким образом, самовольная постройка представляет собой объект, обладающий физическими признаками недвижимости, но созданный с нарушением установленных правовых норм. Правонарушение возникает в результате несоблюдения застройщиком требований законодательства на одном из этапов градостроительной деятельности: на этапе землеотвода — строительство на участке, не предназначенном для данных целей; на этапе подготовки к строительству — отсутствие необходимых разрешений; на этапе строительства — несоблюдение градостроительных и строительных норм. Указанные нарушения обуславливают особый правовой статус самовольной постройки, который влечёт за собой специальные правовые последствия, предусмотренные действующим законодательством.

Одним из основных последствий возведения самовольной постройки является прекращение прав на земельный участок. Уполномоченные органы вправе расторгнуть договор аренды земельного участка (в т. ч. досрочно) на основании ст. 46 Земельного кодекса Российской Федерации [2]. В случае, если земельный участок находится в собственности лица, осуществившего самовольную постройку, возможно его изъятие в порядке, предусмотренном ст. 285 ГК РФ и ст. 54 ЗК РФ, если использование участка осуществляется с грубым нарушением правил землепользования [1][2].

Судебная практика по делам о самовольных постройках играет ключевую роль в толковании норм ст. 222 ГК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 разъясняет, что снос самовольной постройки — основная мера реагирования, а ее сохранение возможно только в исключительных случаях при одновременном соблюдении нескольких условий [3]. Ключевые позиции: отсутствие прав на земельный участок исключает возможность легализации постройки; существенное нарушение градостроительных норм является безусловным основанием для сноса; добросовестность застройщика не является основанием для сохранения самовольной постройки; при рассмотрении требований о сносе постройки, возведенной с нарушением ограничений использования земельного участка, суду необходимо установить, знало ли лицо о наличии таких ограничений — если лицо не знало и не могло знать о них (например, из-за отсутствия сведений в ЕГРН или наличия разрешения от уполномоченного органа), постройка не может быть признана самовольной; суду следует оценить существенность нарушения градостроительных и строительных норм и правил — к существенным нарушениям относятся, например, возведение объекта с превышением предельного количества этажей или высоты, а также нарушения, влияющие на безопасность объекта и его конструкций.

Конституционный Суд РФ также сформулировал важные правовые позиции: в Определении от 11.11.2021 № 48-П подтверждается, что снос постройки, сохранение которой невозможно, возведенной добросовестным лицом, производится при условии предварительного полного возмещения собственнику причиненных убытков; Определение от 28.03.2017 № 609-О указывает на защиту имущественных интересов застройщиков, которые при создании объектов недвижимости не выходили за рамки незначительных формальных нарушений, не влияющих на права третьих лиц и не создающих угрозу для жизни и здоровья граждан.

Анализ конкретных судебных дел демонстрирует разнообразие подходов судов: квалификация объекта как самовольной постройки зависит от его капитального характера — в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 08.08.2022 № Ф06-21065/2022 по делу № А65-11883/2021 суд не признал объект самостроем, так как он представлял собой временное, разбираемое и переносимое сооружение; назначение объекта может влиять на квалификацию — в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.10.2022 № Ф08-10974/2022 по делу № А32-32953/2021 суд признал здание хозблока вспомогательным строением по отношению к жилому дому и отказал в признании его самостроем; возможность признания права собственности при соблюдении условий — в решении Арбитражного суда Алтайского края от 21.11.2023 № А03-13661/2023 суд удовлетворил иск о признании права собственности на склад, построенный без разрешительных документов — экспертиза подтвердила, что постройка соответствует градостроительным требованиям, не угрожает жизни и здоровью граждан, а также не нарушает права третьих лиц; участок находился у компании на праве собственности, а постройка соответствовала его назначению.

Наличие на участке самовольной постройки влечёт ограничение оборотоспособности земельного участка. Согласно ст. 27 ЗК РФ, сделки с земельными участками, использование которых нарушает законодательство, ограничены [2]. Это делает невозможным совершение сделок с землей до устранения нарушения, что существенно ограничивает права собственника или арендатора.

Законодательство устанавливает обязанность лица, осуществившего самовольную постройку, привести земельный участок в первоначальное состояние. В соответствии с п. 2 ст. 222 ГК РФ, такое лицо обязано: снести объект за свой счет; восстановить земельный участок в прежнем состоянии (провести рекультивацию, устранить загрязнения и т. д.) [1]. Неисполнение данной обязанности может повлечь дополнительные санкции, включая принудительное исполнение через службу судебных приставов.

Возведение самовольной постройки может влечь административную ответственность. В частности: по ч. 1 ст. 9.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях — за строительство без разрешения; по ст. 8.8 КоАП РФ — за нецелевое использование земельного участка [4]. Санкции по указанным статьям предусматривают наложение административного штрафа, размер которого зависит от статуса нарушителя (физическое, должностное или юридическое лицо) и кадастровой стоимости земельного участка.

Лица, ранее допустившие самовольное строительство, могут столкнуться с отказом в предоставлении новых земельных участков. Согласно п. 4 ст. 39.16 ЗК РФ, уполномоченный орган вправе отказать в предоставлении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, если заявитель ранее допускал нарушения земельного законодательства [2].

Факт самовольного строительства может послужить основанием для изменения категории земельного участка или его разрешённого использования в целях предотвращения аналогичных нарушений в будущем. Это регулируется положениями Градостроительного кодекса Российской Федерации, в т. ч. ст. 37, устанавливающей порядок изменения разрешенного использования земельных участков [5].

Действующее законодательство предусматривает механизмы минимизации негативных последствий самовольного строительства. Во-первых, возможна легализация постройки через судебное признание права собственности (п. 3 ст. 222 ГК РФ) при условии: если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта; если на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям; если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан [1]. Во-вторых, допускается приведение постройки в соответствие с нормами — реконструкция объекта для устранения нарушений. В-третьих, возможно изменение разрешенного использования земельного участка в установленном порядке (ст. 37 ГрК РФ) [5].

Особо следует отметить публично-правовые ограничения, связанные с самовольным строительством. В соответствии с Федеральным законом от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», самовольная постройка, возведенная на землях особо охраняемых территорий или в зонах с особыми условиями использования, подлежит обязательному сносу без возможности легализации [6]. Аналогичные ограничения установлены для объектов, расположенных в охранных зонах инженерных коммуникаций, объектов культурного наследия и т. д.

Кроме того, муниципальные правовые акты могут устанавливать дополнительные меры воздействия на лиц, допустивших самовольное строительство. Например, местные администрации вправе: вводить повышенные ставки земельного налога для участков с самовольными постройками; ограничивать подключение таких объектов к инженерным сетям; инициировать публичные слушания по вопросу сноса самовольных построек в густонаселенных районах.

Таким образом, земельно-правовые последствия самовольной постройки носят комплексный характер и затрагивают как статус самого объекта, так и правовой режим земельного участка. Основными последствиями являются: прекращение прав на землю, ограничение её оборотоспособности, обязанность восстановления участка, административная ответственность и сложности с дальнейшим использованием территории. Совершенствование правового регулирования в данной сфере должно быть направлено на усиление превентивных мер (контроль на этапе проектирования), упрощение процедур легализации объектов, не представляющих угрозы, и повышение ответственности за систематические нарушения. Это позволит снизить количество самовольных построек и минимизировать их негативное влияние на земельно-имущественные отношения.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025). — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026). — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О применении судами положений Гражданского кодекса Российской Федерации о самовольной постройке». — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026). — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026). — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025). — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ КЕМПИНГОВ

Зотова Ксения Антоновна

студентка бакалавриата

Кузьмина Мария Вячеславовна

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правового регулирования туристских кемпингов в России. Рассматриваются их правовой статус и положение в системе средств размещения, требования к размещению и эксплуатации (земельные, градостроительные, санитарные, пожарные, экологические нормы), ответственность организаторов (в том числе вопросов детского отдыха), вопросы безопасности, лицензирования и разрешительной деятельности, а также налоговые и трудовые аспекты. Анализ опирается на действующие федеральные законы, Постановления Правительства РФ, санитарные правила, нормы экологического законодательства, нормы земельного и градостроительного права, правила туристской деятельности, а также позиции учёных-правоведов. Выявляются правовые пробелы и коллизии (отсутствие чёткого определения «кемпинга» в законах, несовершенство норм инфраструктуры, налогообложения и др.). Приведены рекомендации по совершенствованию регулирования, включая разработку комплексного нормативного акта.

Кемпинги (включая глэмпинги) становятся всё более популярным форматом туризма в России. По оценкам экспертов, к октябрю 2024 года в стране насчитывалось около 700 глэмпингов и 300 кемпингов³⁰. Эти объекты роста получили развитие в первую очередь за счёт интереса к отдыху на природе после пандемии. В отличие от классических гостиниц, кемпинги представляют собой некатегорийные средства размещения, обычно обустроенные на открытых территориях с ограниченным комфортом. Национальный стандарт ГОСТ Р 58187-2018 даёт следующее определение: в «кемпинг – это огороженная территория с контролируемым доступом для размещения туристов на палатках с предоставлением услуг для комфортного проживания и отдыха». Глэмпинг рассматривается как комфортная разновидность кемпинга (некатегорийное модульное размещение). Несмотря на растущую значимость кемпингов, до настоящего времени отсутствовало единое исчерпывающее законодательное регулирование этой сферы, и вопросы правового статуса и норм применения зачастую остаются невыяснёнными. Статья систематизирует действующие нормы и анализирует взгляды учёных на пробелы в регулировании, а также даёт сравнительный анализ ключевых норм (таблица). Цель – выработать рекомендации для совершенствования правового регулирования кемпингов в интересах устойчивого развития туристской инфраструктуры.

Ключевые слова: правовое регулирование кемпингов, туристская деятельность, объекты туристской инфраструктуры, кемпинг, средства размещения, туристские услуги, земельное законодательство, санитарно-эпидемиологические требования, противопожарная безопасность, государственное регулирование туризма, правовой статус кемпингов, организация отдыха, туристская индустрия, нормативно-правовое обеспечение, экологические требования.

³⁰ Лукьянова И. Д., Айрапетян В. Г. Перспективы правового регулирования организации функционирования объектов глэмпинга и кемпинга в условиях модернизации туристской инфраструктуры России // Вестник науки. 2025. №11 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-pravovogo-regulirovaniya-organizatsii-funktsionirovaniya-obektov-glempinga-i-kempinga-v-usloviyah-modernizatsii> (дата обращения: 17.05.2026).

LEGAL REGULATION OF CAMPING FACILITIES

Ksenia Antonovna Zotova

undergraduate student

Kuzmina Maria Vyacheslavovna

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Business and Labor Law Law
Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal regulation of tourist campsites in Russia. Their legal status and position in the system of accommodation facilities, requirements for accommodation and operation (land, urban planning, sanitary, fire, environmental standards), responsibility of organizers (including issues of children's recreation), safety issues, licensing and licensing activities, as well as tax and labor aspects are considered. The analysis is based on current federal laws, Resolutions of the Government of the Russian Federation, sanitary rules, norms of environmental legislation, norms of land and urban planning law, rules of tourist activity, as well as the positions of legal scholars. Legal gaps and conflicts are identified (lack of a clear definition of "camping" in the laws, imperfect standards of infrastructure, taxation, etc.). Recommendations for improving regulation, including the development of a comprehensive regulatory act, are given.

Camping (including glamping) is becoming an increasingly popular tourism format in Russia. According to experts, by October 2024, there were about 700 glamping sites and 300 camping sites in the country. These growth facilities were developed primarily due to the interest in outdoor recreation after the pandemic. Unlike classic hotels, campsites are non-categorical accommodation facilities, usually set up in open areas with limited comfort. The national standard GOST R 58187-2018 defines it as follows: "camping is a fenced area with controlled access to accommodate tourists at pitches with the provision of services for comfortable living and recreation." Glamping is considered as a comfortable type of camping (non-categorical modular accommodation). Despite the growing importance of camping sites, until now there has been no single comprehensive legislative regulation of this area, and issues of legal status and application standards often remain unclear. The article systematizes the current norms and analyzes the views of scientists on regulatory gaps, as well as provides a comparative analysis of key norms (table). The aim is to develop recommendations for improving the legal regulation of campsites in the interests of sustainable development of tourist infrastructure.

Keywords: legal regulation of campsites, tourism activities, tourist infrastructure facilities, camping, accommodation facilities, tourist services, land legislation, sanitary and epidemiological requirements, fire safety, state regulation of tourism, legal status of campsites, recreation, tourism industry, regulatory support, environmental requirements.

Правовое регулирование кемпингов в России базируется на сочетании туристского, земельного, градостроительного, санитарного, пожарного, экологического и налогового законодательства.

Прежде всего, в федеральном законодательстве кемпинги относятся к средствам размещения. В частности, Федеральный закон «Об основах туристской деятельности» (132-ФЗ) предусматривает организацию туризма с привлечением средств размещения различного типа, включая «некапитальные строения». Национальный стандарт ГОСТ Р 58187-2018 (утв. Правительством РФ) также определяет кемпинг как тип туристского размещения. Однако прямо в законах понятие «кемпинг» не закреплено, а глэмпинг как отдельный термин впервые введён только в 2025 году (определён как «модульное некапитальное средство размещения» в новом ГОСТе). В результате правовой статус кемпинга формально вытекает из норм о туризме, гостиницах и «иных средствах размещения», а также из стандартов и отраслевых правил.

Земельные и водно-лесные нормы. Размещение кемпинга связано с особыми требованиями к земле и природным ресурсам. Земельный кодекс РФ выделяет рекреационные земли – предназначенные для туризма, спорта и отдыха (ст.98).³¹ Кемпинг должен размещаться на таком участке или аналогичной целевой категории. Сельскохозяйственные земли законом строго защищены: согласно п.1 ст.78 ЗК РФ они предназначаются для сельхозпроизводства и не могут использоваться под туристические объекты (за

³¹ Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 года №136-ФЗ (ред. от 30 января 2026 года) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — №44. — Ст. 4147.

исключением отдельных норм по «сельскому туризму» в виноградарстве).³² Таким образом, на землях сельхозназначения кемпинг возможен только после перевода в зону рекреации. Лесной кодекс РФ позволяет обустраивать на лесных землях базы отдыха, но при этом ограничивает капитальное строительство на участке лесного фонда: не более 20 % площади (не более 1 га) можно использовать под помещения для проживания и отдыха (ст.41 ЛК РФ).³³ Кемпинги в лесах размещаются на основе договора лесопользования или аренды лесного участка, с обязательным соблюдением требований пожарной безопасности и сохранения лесного покрова. Водный кодекс РФ устанавливает особый режим прибрежных защитных полос и водоохранных зон (ст.65 ВК РФ): в полосе прилегающей к воде вводятся дополнительные ограничения хозяйственной деятельности. Кемпинг, близкий к водоёму, должен соблюдать эти водоохранные нормы (отступать от воды, не захламлять её, обеспечивать санитарный сброс стоков в установленном порядке).³⁴

Кроме того, необходимо учитывать положения Градостроительного кодекса РФ (ГрК РФ) и строительных норм. Для капитальных объектов кемпинга требуется оформление разрешительной документации: получение градостроительного плана земельного участка (ГПЗУ), проведение государственной экспертизы проектной документации и выдача разрешения на строительство/реконструкцию. Строительные нормы и правила (СП) предъявляют требования к сооружениям общественного назначения, в том числе к гостиницам и курортам (например, по отоплению, вентиляции, электробезопасности). Для временных или модульных объектов тоже могут применяться особые правила (например, СП 60.13330 «Гостиницы и дома отдыха»), а также ППБ (правила пожарной безопасности). Обязательными являются и нормативы санитарного законодательства – см. ниже.

Санитарно-эпидемиологические и пожарные нормы. Санитарно-эпидемиологические требования к кемпингам определяются общими федеральными правилами. Для услуг размещения (включая кемпинг) действует Закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (52-ФЗ) и соответствующие СанПиНы. До 2021 года действовали специальные СанПиНы для палаточных детских лагерей (2.4.4.3048-13), но они были отменены постановлением Правительства РФ № 1631 от 08.10.2020. Таким образом, специфических санитарных норм для кемпингов больше нет, и владельцы кемпингов должны соблюдать общие правила (по питьевой воде, по сбору и утилизации отходов, по детоксикации поверхностей и пр.). В частности, необходимо иметь подтверждённую возможность доступа к чистой воде (для питья, купания), устройства для сбора и очистки стоков, нормированную плотность посещения, медицинский контроль состояния отдыхающих и т.д. Нарушение санитарных требований может повлечь административную ответственность и остановку работы кемпинга.

Пожарные требования диктуются Федеральным законом «О пожарной безопасности» (123-ФЗ) и техническим регламентом о пожарной безопасности, а также Правилами противопожарного режима в РФ. Кемпинги обычно относятся к объектам категорий Ф1.2–Ф1.3 («временное проживание и гостиницы»), поэтому должны быть обеспечены автоматическими системами оповещения, средствами тушения пожара, планом эвакуации, соблюдены нормы расстояний между постройками (не менее 3–6 м) и запреты на разведение огня вне специальных мест. Ответственность за соблюдение пожарной безопасности возлагается на организаторов кемпингов, при грубом нарушении возможны крупные штрафы (по КоАП РФ и УК РФ, ст.168 УК – «Нарушение правил пожарной безопасности»).

Экологические требования. Экологическое законодательство регулирует размещение кемпингов в природных зонах и особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (7-ФЗ) и КоАП РФ запрещают действия, вредящие природе (несанкционированные вырубki, загрязнение водоёмов и почвы и др.). При размещении кемпинга вблизи водоёмов, лесов или в заповедниках необходимо учитывать ограничения. Так, в границах ООПТ (нацпарков, заповедников, заказников) создание каких-либо объектов отдыха требует специальных разрешений: с 2023 года вступил в силу закон № 77-ФЗ (18.03.2023), который стимулирует развитие рекреационной инфраструктуры в ООПТ и определяет особенности строительства (ограничения по плотности застройки, обязательный учёт

³² Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 года №136-ФЗ (ред. от 30 января 2026 года) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — №44. — Ст. 4147. — Ст. 78.

³³ Лесной кодекс РФ от 4 декабря 2006 года №200-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года, изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2026 года) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — №50. — Ст. 5278. — Ст. 41.

³⁴ Водный кодекс РФ от 3 июня 2006 года №74-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года, с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2026 года) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — №23. — Ст. 2311. — Ст. 65.

экологической безопасности). В целом организатор кемпинга обязан обеспечить охрану природы (например, оборудовать места для сбора мусора, запрещать сбор растений, беречь воду). Нарушения экологических норм могут повлечь уголовную и административную ответственность (ст. 258 УК – загрязнение почвы, ст. 252 УК – нарушение природоохранного режима, КоАП за сброс сточных вод и др.).

Лицензирование, разрешения и классификация. Для кемпингов не требуется специальная лицензия на гостиничную деятельность: в соответствии с законом о техническом регулировании услуги проживания в гостиницах и аналогичных средствах классифицируются, но лицензирование отменено. Тем не менее, деятельность по размещению туристов должна регистрироваться как предпринимательская (ИП или юрлицо). Если организатор предлагает туристические услуги (экскурсии, трансферы и пр.), он обязан соблюдать правила турбизнеса (регистрация туроператора в реестре, финансовое обеспечение). Для работы в сфере общественного питания (на кемпинге) нужна санитарно-эпидемиологическая проверка кухни и персонала по общим правилам.

Обязательной процедурой является регистрация в государственных реестрах при предоставлении услуг для детского отдыха. В частности, незаконно организовывать детские палаточные лагеря без включения в Единый государственный реестр организаторов детского отдыха (ч.9 ст.10 Закона о туризме; КоАП РФ ст.14.65 – штрафы до 500–1 000 тыс. руб. за невключение в реестр).³⁵ Хотя данная норма предназначена прежде всего для детских лагерей, она подчёркивает ответственность организатора кемпинга перед детьми. При отсутствии постоянного адреса (мобильные кемпинги) возникают сложности с миграционным учётом гостей, о чем отмечали в экспертной среде (см. ниже).

Порядок размещения кемпингов и их разграничение по категориям в настоящее время не урегулирован единообразно на федеральном уровне. Некоторые регионы разрабатывают собственные требования (например, к доступу к инфраструктуре, обязательным услугам). Однако единый реестр средств размещения (ЕРОМС) после изменений в 2024–2025 годах содержит сведения о классифицированных объектах (гостиницы, дома отдыха, аккредитованные кемпинги можно вносить в реестр классифицированных средств размещения), что пока носит рекомендательный характер. Комплексная классификация кемпингов законодательством пока не введена (хотя эксперты РСТ предлагают закрепить в законе понятие кемпинга и систему добровольной классификации).

Ответственность организаторов и потребительская защита. Организатор кемпинга выступает в роли исполнителя туристских и гостиничных услуг, на него распространяются общие нормы защиты прав потребителей. Согласно Закону РФ «О защите прав потребителей» (2300-I), он обязан обеспечить заявленное качество проживания, безопасность предоставляемых услуг (питание, развлечения, медицинскую помощь) и информировать клиентов о всех условиях. За нарушение прав отдыхающих (например, невыполнение условий договора, некачественное оборудование бытовых мест) предусмотрена гражданско-правовая ответственность (возмещение ущерба, штрафы по п.6 ст.13 ЗоЗПП) и административная (арбитражные штрафы, предписания Роспотребнадзора).

Специально для детского отдыха ответственность особо строга. Нарушение условий содержания детей в лагерях (в том числе палаточных) влечёт санкции вплоть до уголовных (при причинении вреда здоровью – ст.238 УК «Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», штраф до 500 тыс. руб. и лишение права заниматься деятельностью до 3 лет). Административная ответственность за несоблюдение обязательного допуска или перевозки детей в осложнённых условиях также предусматривается КоАП. За несвоевременную сдачу отчётов о гостях милиции (миграционный учёт) могут налагаться штрафы до 300–500 тыс. руб. (ч.4 ст.18.8 КоАП – непредставление сведений об иногородних гостях).

Российские учёные отмечают, что развитие отрасли кемпингов тормозит несовершенство правового регулирования. Так, Луканова и Айрапетян выделяют три основные проблемы: недостаточную ясность налогового режима, отсутствие стандартов инфраструктуры и слабую защиту потребителей. Они указывают, что в современной нормативной базе почти не выделены ниши для кемпингов и глэмпингов, отсутствует единый системный подход к их регулированию (опираются главным образом на ГОСТы и общие законы о туризме). По мнению авторов, возникающая кумуляция правовых пробелов требует разработки «комплексного нормативного акта»,

³⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года №195-ФЗ (ред. от 09 апреля 2026 года, с изм. от 29 апреля 2026 года, вступ. в силу с 10 мая 2026 года) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — №1 (ч. 1). — Ст. 1. — Ст. 14.65.

охватывающего все аспекты функционирования кемпингов.³⁶

Учёные отмечают конкретные недостатки. К ним относятся: отсутствие чёткого перечня документов для расчёта туристического налога и подтверждения льгот, неопределённость сбора персональных данных и целей расходования средств туристского сбора. В сфере инфраструктуры указываются пробелы в энергоснабжении и отоплении удалённых кемпингов (нет нормативов по бесперебойному питанию), а также в Санитарных правилах – например, недоработки в санитарном обеспечении временных объектов ведут к неудовлетворительному состоянию душевых и туалетов. К проблемам безопасности исследований относят неурегулированность вопросов телекоммуникаций в удалённых лагере, недостатки в нормировании шума и охраны тишины на природе.

Таким образом, позиций учёных сходны в выводе о необходимости доработки законодательства. Они рекомендуют формализовать в законе понятие кемпинга, включив его в перечень средств размещения (как это сделано, например, для сельского и агротуризма), а также создавать специальные региональные и федеральные программы поддержки (например, инвестиционные стимулы для обустройства инфраструктуры кемпингов). Широким резонансом пользовалась резолюция РСТ (2024), в которой профильные специалисты призывают «закрепить понятие «кемпинг» как вид коллективного средства размещения» и «актуализировать национальный стандарт» для этой сферы (однако это обращение пока остаётся рекомендацией, а не нормативным актом).

Анализ действующей нормативной базы и научных разработок показывает, что состояние правового регулирования кемпингов в России остаётся фрагментарным и неполным. Существуют разрозненные нормы, которые лишь частично охватывают различные аспекты деятельности кемпингов: земельное и градостроительное право, нормы по безопасности и экологии, общие туристические и потребительские правила. Отдельные «узкие» требования (например, по детским лагерям или потребительской защите) дублируют общие. При этом ряд вопросов вовсе не решен на федеральном уровне: отсутствует единое определение «кемпинга» в законах, нет специальных санитарных регламентов и чётких критериев классификации, не урегулирована система сбора туристического налога для данного сегмента.

Как отмечают учёные, совокупность этих пробелов порождает «значительные барьеры для устойчивого развития» кемпинговой отрасли. Существующие нормативы в вопросах налогообложения, административных процедур, а также инженерного обеспечения зачастую противоречивы или нечётки. Региональные и муниципальные органы также не всегда имеют ясные указания: например, у одних субъектов РФ или муниципалитетов могут быть собственные требования к оборудованию кемпингов (аварийный выход к реке, охрана парка и т.п.), но единых стандартов нет.

В этой связи вывод очевиден: требуется систематизация и доработка законодательства. Необходимо принять комплексный нормативный акт (федеральный закон или постановление), объединяющий требования к кемпингам по всем ключевым аспектам. Среди практических рекомендаций – следующее:

- Закрепить в федеральном законодательстве определение кемпинга как вида средства размещения (включить в Закон о туризме или отдельным законом), указав минимальные характеристики (расчётные площади, инфраструктура, услуги). Ввести понятие «глэмпинг» в нормативы с учётом его отличий (как «модульный кемпинг повышенной комфортности»).
- Уточнить земельно-градостроительные нормы: предусмотреть возможность использования дополнительных категорий земли (например, сельскохозяйственных – для «сельского туризма») при соблюдении требований экологии и санитарии. Разработать типовые схемы обустройства кемпингов в лесах и у воды, включить в правила зонирования территорий (региональные программы развития туризма).
- Разработать специальные санитарные правила для кемпингов (тем более, что Роспотребнадзор отменил ранее действующие нормы). Включить в них требования к водоснабжению, уборке, уборочным инвентарём, питанию и медицинскому обеспечению в кемпингах.
- Сбалансировать пожарную безопасность с потребностями загородного размещения: разъяснить нормы при открытом ландшафте (например, предусмотреть особые требования к оборудованию

³⁶ Лукьянова И. Д., Айрапетян В. Г. Перспективы правового регулирования организации функционирования объектов глэмпинга и кемпинга в условиях модернизации туристской инфраструктуры России // Вестник науки. 2025. №11 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-pravovogo-regulirovaniya-organizatsii-funktsionirovaniya-obektov-glempinga-i-kempinga-v-usloviyah-modernizatsii> (дата обращения: 17.05.2026).

мест для костров и очагов, к доступности противопожарной техники).

- Уточнить налоговые правила: разработать методику администрирования туристического налога в отношении кемпингов, определить, какие льготы могут применяться (например, малый бизнес в туристической сфере)[4]. Обеспечить прозрачность использования средств (в том числе на развитие инфраструктуры).
- Повысить ответственность операторов: например, конкретизировать ответственность за травмы и несчастные случаи (дополнить закон об ответственности за услуги с учётом условий кемпинга). Упорядочить сбор и передачу данных о гостях органам (миграционный учёт) – это особенно актуально для мобильных кемпингов без адреса.
- Создать условия для развития инфраструктуры: ввести меры государственной поддержки (льготные кредиты, субсидии на строительство подъездных дорог, энергоснабжения), стимулировать частные инвестиции. Важна и система профессиональной подготовки кадров (курсы для менеджеров кемпингов, инструкторов по безопасности).

С учётом вышесказанного можно заключить, что правовое регулирование кемпингов должно объединять нормы туристического, земельного, градостроительного, санитарного, пожарного и экологического законодательства. Реализация предложенных мер поможет вывести российскую кемпинговую отрасль на более высокий уровень развития, обеспечив безопасность отдыхающих и защиту окружающей среды.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.
5. О туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.
6. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.
7. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3579.
8. Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1853 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 47. Ст. 7521.
9. ГОСТ Р 58187–2018. Туристские услуги. Кемпинги. Общие требования. – М.: Стандартинформ, 2018.
10. ГОСТ Р 51185–2014. Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования. – М.: Стандартинформ, 2015.
11. Биржаков М.Б. Введение в туризм. – СПб.: Герда, 2021. – 544 с.
12. Александрова А.Ю. Международный туризм. – М.: КноРус, 2020. – 470 с.
13. Сенин В.С. Организация международного туризма. – М.: Финансы и статистика, 2019. – 400 с.
14. Квартальнов В.А. Туризм: теория и практика. – М.: Финансы и статистика, 2020. – 320 с.
15. Косолапов А.Б. Правовое регулирование туристской деятельности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 112–119.
16. Писаревский Е.Л. Туристское право России: современное состояние и перспективы развития. – М.: Юрайт, 2022. – 356 с.
17. Малько А.В. Правовая политика в сфере туристской деятельности // Государство и право. 2020. № 6. С. 95–101.
18. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 2021. – 847 с.

19. Ершова И.В. Правовое обеспечение предпринимательской деятельности в сфере туризма // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 44–52.
20. Комментарий к Федеральному закону «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» / под ред. Е.Л. Писаревского. – М.: Норма, 2023. – 288 с.

УДК 346.9

ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНЫХ (НАДЗОРНЫХ) МЕРОПРИЯТИЙ

Ильиных Евгений Сергеевич

студент

научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется трансформация института профилактического визита в системе государственного контроля (надзора) Российской Федерации в условиях цифровизации финансовых отношений. Обосновывается, что в результате изменений правового регулирования данный институт утрачивает превентивную направленность и приобретает признаки самостоятельного контрольного мероприятия. Особое внимание уделено проблеме размывания предмета контроля, усиливающейся в связи с внедрением цифрового рубля и развитием дистанционных форм надзора. Делается вывод о необходимости нормативного ограничения контрольных полномочий и формулируется концепция предметно-цифрового иммунитета как инструмента обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), профилактический визит, цифровой рубль, предпринимательская деятельность, дистанционный надзор, пределы контроля.

PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS IN THE COURSE OF CONTROL (SUPERVISORY) ACTIVITIES

Ilyinykh E. Sergeevich

student

supervisor: **Kuzmina Maria Vyacheslavovna**

PhD in Law, Associate Professor

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The article examines the transformation of the preventive visit institution within the system of state control (supervision) in the Russian Federation under the conditions of financial digitalization. It is substantiated that, as a result of changes in legal regulation, this institution loses its preventive nature and acquires features of an independent control measure. Particular attention is paid to the problem of the blurring of the subject matter of control, which is intensified by the introduction of the digital ruble and the development of remote forms of supervision. The author concludes that it is necessary to establish regulatory limits on control powers and formulates the concept of “subject-digital immunity” as a tool for ensuring a balance between public and private interests.

Keywords: state control (supervision), preventive visit, digital ruble, entrepreneurial activity, remote supervision, limits of control.

Обеспечение законных интересов и прав субъектов предпринимательской деятельности является приоритетным направлением в функционировании государственных институтов и органов публичной власти. Однако, в условиях современной экономической реальности, процессы формирования и развития среднего и малого бизнеса сталкиваются с рядом значимых барьеров. К числу ключевых факторов, ограничивающих предпринимательскую активность, относятся монополизация рынков, экономический протекционизм, ограничительная конкурентная политика, а также несовершенство нормативно-правовой базы, призванной регулировать предпринимательские правоотношения.

Следует отметить, что проблема усугубляется некорректным толкованием и, как следствие, ненадлежащим применением действующего законодательства, а также высоким уровнем коррупции, что создает неблагоприятную институциональную среду для предпринимательской деятельности. Эти и

другие факторы оказывают комплексное негативное влияние на предпринимательский климат, ограничивая возможности для устойчивого развития малого и среднего бизнеса и, как следствие, замедляя экономический рост и инновационное развитие страны. [1]

Современное развитие государственного контроля (надзора) в Российской Федерации происходит в условиях одновременного действия двух взаимосвязанных факторов — институциональной перестройки контрольной деятельности и ускоренной цифровизации экономических процессов. С одной стороны, законодатель последовательно декларирует снижение административной нагрузки на бизнес, внедрение риск-ориентированного подхода и развитие профилактических механизмов. С другой стороны, цифровизация, особенно в финансовой сфере, объективно расширяет инструментарий государственного воздействия, создавая предпосылки для более глубокого и постоянного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов.

В этой связи особое значение приобретает институт профилактического визита, который в первоначальной модели рассматривался как форма превентивного взаимодействия между государством и предпринимателем. Его функциональное назначение заключалось в предупреждении правонарушений посредством консультирования, разъяснения обязательных требований и формирования практики их добровольного соблюдения. Однако действующая редакция законодательства демонстрирует существенное смещение правовой природы данного института. Участие в профилактическом визите фактически приобретает обязательный характер, поскольку отказ от взаимодействия способен повлечь инициирование полноценного контрольного мероприятия. Результаты визита фиксируются в официальном акте, а выявленные нарушения могут стать основанием для выдачи обязательных предписаний. Дополнительным фактором является отсутствие необходимости согласования с органами прокуратуры, что снижает уровень внешнего процессуального контроля.

В совокупности указанные элементы свидетельствуют о трансформации профилактического визита в особую форму квазиконтрольного воздействия, сочетающую признаки как консультативного, так и принудительного инструмента. При этом он не сопровождается тем объемом гарантий, который характерен для классических проверок, что создает ситуацию нормативной асимметрии: расширение полномочий контрольного органа не корреспондирует с усилением правовой защищенности предпринимателя.

Данная проблема приобретает дополнительное измерение в условиях внедрения цифрового рубля. Формирование цифровой денежной инфраструктуры означает, что объектом контроля становится не только традиционная хозяйственная деятельность, но и техническая среда ее осуществления. Предприниматели вынуждены интегрировать программные решения, обеспечивать взаимодействие с платежными платформами и поддерживать устойчивость цифровых процессов. В результате возникает новая категория контроля — проверка цифровой готовности. [2]

Специфика цифровых систем заключается в их способности к дистанционной верификации. Контрольные органы получают возможность доступа к данным и мониторинга операций без непосредственного контакта с проверяемым субъектом. Это повышает эффективность контроля, однако одновременно создает риск его функционального расширения. Доступ к цифровой информации позволяет извлекать сведения, выходящие за пределы первоначальной цели проверки, включая данные о финансовых потоках, структуре доходов и характере хозяйственных связей.

В таких условиях ключевое значение приобретает категория предмета контроля как юридического ограничителя вмешательства. Тем не менее практика демонстрирует тенденцию к его размыванию. Проверка, инициированная в связи с конкретным техническим вопросом, способна трансформироваться в анализ смежных аспектов деятельности. Это происходит как за счет широкой интерпретации требований, так и вследствие использования цифровых данных вне их функционального назначения. В результате предмет контроля утрачивает определенность, а границы допустимого вмешательства становятся подвижными.

Подобная ситуация имеет ряд негативных последствий. Во-первых, увеличивается административная нагрузка на предпринимателя, поскольку объем проверяемых вопросов фактически не ограничен. Во-вторых, возрастает вероятность выявления формальных нарушений, не имеющих прямого отношения к цели мероприятия. В-третьих, снижается предсказуемость поведения контрольных органов, что противоречит принципу правовой определенности. Наконец, нарушается баланс публичных и частных интересов, поскольку вмешательство приобретает несоразмерный характер.

Указанные обстоятельства позволяют говорить о формировании системной проблемы, требующей концептуального разрешения. В качестве одного из возможных подходов представляется обоснованным введение категории предметно-цифрового иммунитета. Ее сущность заключается в нормативном закреплении жесткой связи между основанием контроля и допустимым объемом проверочных действий. Иными словами, контрольное воздействие должно быть функционально обусловлено и ограничено конкретной целью, в рамках которой оно инициировано.

Реализация данной концепции предполагает, что при проведении мероприятий, связанных с цифровой инфраструктурой, контрольные органы вправе проверять исключительно технические аспекты, непосредственно относящиеся к предмету проверки. Использование полученной информации для анализа иных сторон деятельности должно быть исключено. В случае выявления признаков иных нарушений необходимо инициирование самостоятельного контрольного мероприятия с соблюдением всех предусмотренных процедурных требований. Существенным элементом является также обеспечение полной фиксации действий контрольного органа в цифровой среде, что создает условия для их последующей проверки и обжалования.

Таким образом, предметно-цифровой иммунитет выступает не как ограничение эффективности контроля, а как инструмент его правовой структуризации. Он позволяет сохранить потенциал цифровых технологий, одновременно предотвращая их использование в целях избыточного вмешательства.

В целом можно констатировать, что трансформация профилактического визита и внедрение цифрового рубля формируют новую конфигурацию контрольной деятельности, в которой традиционные механизмы защиты прав предпринимателей оказываются недостаточными. Размывание предмета контроля становится одним из ключевых вызовов, требующих нормативного реагирования. Формирование четких процессуальных границ и разработка новых правовых конструкций, таких как предметно-цифровой иммунитет, представляются необходимыми условиями обеспечения баланса интересов государства и бизнеса в условиях цифровой экономики.

Список литературы:

1. Никитенко, И.В. Обеспечение прав предпринимателей посредством реализации контрольно-надзорных функций государства / Бабак О.В. — 2021 — С. 150-153.
2. Невидайло, Л.К. Охрана и защита прав предпринимателей в контрольно-надзорной сфере / Рябов А.А. «Закон» — 2021 — URL: <https://ilan-ric.ru/wp-content>.
3. Растегаева, Ф. С. Цифровизация системы внутреннего контроля / Ф. С. Растегаева, Р. Р. Нафикова // Креативная экономика. — 2022. — URL: <https://1economic.ru/lib/116283>.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ BIG DATA В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Казиев Аманжол Гайнулович

студент факультета «Юриспруденция»

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е.Кутафина» Оренбургский институт (филиал) г. Оренбург

Аннотация. Представленная научная статья посвящена комплексному теоретико-правовому и практическому исследованию проблем, возникающих в процессе использования технологий больших данных (Big Data) субъектами предпринимательской деятельности. В работе анализируется правовая природа больших данных в контексте гражданского законодательства Российской Федерации, исследуются коллизии между технологиями машинной обработки информации и императивными нормами законодательства о персональных данных, а также рассматриваются антимонопольные аспекты концентрации данных в руках крупных цифровых платформ. Особое внимание уделяется научным трудам ведущих российских правоведов, исследовавших проблемы цифрового права. Делается вывод о необходимости формирования сбалансированного правового режима, который, с одной стороны, обеспечит защиту конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, а с другой — создаст понятные и стабильные условия для коммерциализации данных и развития инновационного предпринимательства.

Ключевые слова: большие данные, предпринимательская деятельность, цифровое право, персональные данные, защита конкуренции, объекты гражданских прав, правовой режим информации, цифровая экономика.

LEGAL PROBLEMS OF USING BIG DATA IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

Kaziev Amanzhol Gainulovich

student of the faculty "Jurisprudence"

FSAEI HE "Moscow State Law University named after O.E. Kutafin" Orenburg Institute (branch), Orenburg

Abstract. The presented scientific article is devoted to a comprehensive legal and practical study of the problems arising in the process of using Big Data technologies by business entities. The paper analyzes the legal nature of big data in the context of the civil legislation of the Russian Federation, examines conflicts between information processing technologies and imperative norms of personal data legislation, and also examines the antitrust aspects of data concentration in the hands of large digital platforms. Particular attention is paid to the scientific works of leading Russian lawyers who have studied the problems of digital law. It is concluded that it is necessary to form a balanced legal regime, which, on the one hand, will ensure the protection of the constitutional rights of citizens to privacy, and on the other, will create understandable and stable conditions for the commercialization of data and the development of innovative entrepreneurship.

Keywords: big data, entrepreneurial activity, digital law, personal data, competition protection, civil rights objects, legal information regime, digital economy.

Стремительный переход глобальной и российской экономики к цифровой парадигме развития кардинальным образом изменил ландшафт предпринимательской деятельности. Информационные технологии перестали быть просто вспомогательным инструментом и превратились в основу для создания новых бизнес-моделей. В авангарде этой трансформации находятся технологии больших данных, позволяющие собирать, хранить и анализировать колоссальные объемы структурированной и неструктурированной информации. Для современного бизнеса способность эффективно использовать большие данные означает возможность точного прогнозирования потребительского поведения, оптимизации логистических цепочек, персонализации маркетинговых предложений и минимизации финансовых рисков. Однако активное внедрение данных технологий в коммерческий оборот обнажило целый комплекс правовых проблем, связанных с отсутствием адекватного нормативного регулирования, что требует глубокого доктринального осмысления и законодательных реформ.

Первоочередной и наиболее фундаментальной проблемой является неопределенность правовой природы самих больших данных. В действующем российском законодательстве, в частности в базовом Федеральном законе от 27.07.2006 года №149 [3], до сих пор отсутствует легальное определение понятия «большие данные». Законодатель оперирует традиционными категориями «информация», «информационная система», «база данных», которые не в полной мере отражают специфику Big Data. В юридической доктрине, как справедливо отмечает исследователь А.И. Савельев в своих работах, посвященных направлению развития гражданского права в условиях цифровизации, большие данные представляют собой не просто статичный набор сведений, а динамичную систему, ценность которой заключается не в самих разрозненных фактах, а в неочевидных связях между ними, выявляемых с помощью алгоритмов предиктивной аналитики. Отсутствие легальной дефиниции приводит к тому, что субъекты предпринимательской деятельности не могут четко определить правовой режим используемых ими массивов информации, что порождает риски признания их деятельности незаконной. Попытки законодательного закрепления этого понятия предпринимались, однако они сталкивались с критикой из-за размытости формулировок, которые могли бы привести к избыточному регулированию любых процессов обработки информации.

Второй, не менее острой проблемой является соотношение технологий больших данных и института защиты персональных данных. Использование Big Data в маркетинге, банковском скоринге или страховании неизбежно связано с обработкой колоссальных массивов информации о физических лицах. Федеральный закон от 27.07.2006 года №152 [4] базируется на принципах, которые концептуально противоречат самой сути технологий больших данных. Статья пятая указанного закона устанавливает принцип целевого ограничения, согласно которому обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Кроме того, закон требует соблюдения принципа минимизации данных, запрещая обработку избыточной информации. В противовес этому, парадигма больших данных предполагает сбор максимально возможного объема информации без заранее определенной конкретной цели, поскольку ценность данных может проявиться лишь на этапе алгоритмического анализа в будущем.

Российские правоведы, в частности Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, исследуя право в условиях цифровой реальности, подчеркивают, что традиционный механизм получения согласия субъекта на обработку его персональных данных в эпоху Big Data становится фикцией. Предприниматели предлагают пользователям объемные и сложные для понимания пользовательские соглашения, согласие с которыми является обязательным условием получения услуги. Более того, технологии больших данных позволяют с высокой степенью точности деанонимизировать информацию. Даже если бизнес собирает обезличенные данные, перекрестный анализ нескольких баз данных позволяет восстановить личность человека, что автоматически переводит информацию в категорию персональных данных и требует применения строгих мер защиты. Это создает для предпринимателей постоянную угрозу привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства в области персональных данных, штрафы за которое в последнее время существенно возросли.

Третий блок правовых проблем лежит в плоскости гражданско-правового оборота больших данных и определения прав на них. Коммерциализация данных предполагает возможность их продажи, передачи в пользование или внесения в качестве вклада в уставный капитал. Однако статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], перечисляющая объекты гражданских прав, не содержит такого самостоятельного объекта, как информация или данные. В связи с этим предприниматели вынуждены использовать суррогатные правовые конструкции для защиты своих инвестиций в сбор и обработку данных. Наиболее распространенным подходом является защита больших данных как базы данных. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, база данных охраняется как объект авторского права по критерию творческого подбора и расположения материалов, а также как объект смежных прав при условии существенных финансовых затрат на ее создание.

Однако правовой режим базы данных, как отмечает в своих исследованиях В.В. Архипов, не идеален для защиты Big Data. Смежное право изготовителя базы данных защищает от несанкционированного извлечения и использования существенной части материалов, но в контексте больших данных ценность зачастую представляет алгоритм анализа или результаты этого анализа, а не сами сырые данные. Альтернативным способом защиты является режим коммерческой тайны, предусмотренный Федеральным законом от 29.07.2004 года №98 «О коммерческой тайне». Предприниматель может ввести в отношении собранного массива данных режим секретности. Тем не менее, этот подход применим далеко не всегда, так как значительная часть больших данных собирается из открытых источников путем парсинга, и соблюсти требование о неизвестности информации третьим лицам бывает практически невозможно. В результате возникает ситуация «фактической монополии», когда лицо контролирует данные фактически, не имея на то четких юридических оснований, что тормозит развитие рынка данных и создание прозрачных механизмов их обмена между участниками предпринимательской деятельности.

Четвертая значимая проблема использования больших данных в предпринимательстве связана с антимонопольным регулированием. Концентрация колоссальных массивов данных в руках крупнейших IT-корпораций, так называемых цифровых экосистем, создает непреодолимые барьеры для выхода на рынок новых игроков. Данные становятся важнейшим фактором рыночной власти. Чем больше данных собирает компания, тем лучше становятся ее алгоритмы, что привлекает больше пользователей и, как следствие, позволяет собирать еще больше данных. Этот сетевой эффект приводит к монополизации цифровых рынков.

Долгое время антимонопольное законодательство не было адаптировано к реалиям цифровой экономики. Однако принятие так называемого «пятого антимонопольного пакета» поправок к Федеральному закону от 26.07.2006 года №135 «О защите конкуренции» [5], вступивших в силу в две тысячи двадцать третьем году, стало важным шагом в решении этой проблемы. Законодатель ввел критерии доминирующего положения владельцев цифровых платформ, учитывая наличие сетевых эффектов. Тем не менее, на практике правоприменителям еще предстоит выработать эффективные механизмы оценки того, как именно владение эксклюзивным доступом к большим данным влияет на состояние конкуренции, и каким образом следует обеспечивать недискриминационный доступ к данным для субъектов малого и среднего предпринимательства. Отсутствие четких критериев злоупотребления доминирующим положением посредством использования Big Data создает риски необоснованного вмешательства государства в деятельность успешных технологических компаний.

Кроме того, нельзя игнорировать отраслевые проблемы применения больших данных. В банковской сфере использование алгоритмов на основе Big Data для принятия решений о выдаче кредитов поднимает вопросы дискриминации и непрозрачности алгоритмов (так называемая проблема черного ящика). Если алгоритм отказывает субъекту в предоставлении услуги на основе анализа его цифрового следа, субъект не имеет возможности оспорить это решение из-за того, что логика работы искусственного интеллекта и предиктивной аналитики скрыта и представляет собой коммерческую тайну банка. Это нарушает базовые принципы гражданского законодательства о добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений, требуя разработки правовых механизмов обеспечения объяснимости алгоритмических решений.

Проведенный анализ показывает, что использование технологий больших данных в предпринимательской деятельности в Российской Федерации сопряжено с серьезными правовыми барьерами и неопределенностью. Действующее правовое поле, формировавшееся в доцифровую эпоху, не способно адекватно регулировать отношения, возникающие по поводу сбора, обработки и коммерциализации колоссальных массивов информации. Отсутствие легальной дефиниции больших данных, непреодолимые противоречия с жесткими конструкциями законодательства о персональных данных, отсутствие самостоятельного объекта гражданских прав для оборота данных и сложность антимонопольного контроля цифровых платформ создают существенные риски для бизнеса.

Решение выявленных правовых проблем требует системного подхода со стороны законодателя. Во-первых, назрела необходимость концептуального пересмотра законодательства о персональных данных с переходом от формального принципа согласия на обработку к принципу оценки рисков для прав субъектов данных и повышения ответственности операторов за обеспечение информационной безопасности. Во-вторых, целесообразно рассмотреть вопрос о введении в гражданский оборот новой категории объектов прав, отражающей специфику обезличенных и агрегированных данных, либо о существенной модернизации смежного права изготовителя базы данных. В-третьих, необходимо продолжить совершенствование антимонопольного регулирования для предотвращения монополизации данных крупными экосистемами без ущерба для их инновационного развития. Только создание гибкой, прозрачной и сбалансированной правовой среды позволит российскому бизнесу в полной мере реализовать экономический потенциал больших данных, обеспечив при этом надежную защиту конституционных прав и свобод граждан в цифровом пространстве.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».
5. Законодательство о защите конкуренции (упоминается обсуждение так называемого «пятого антимонопольного пакета», который вступил в силу как Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ, регулирующий доминирующее положение цифровых платформ).
6. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (упоминается как программный документ, задающий вектор развития).
7. Общий регламент защиты персональных данных Европейского Союза (General Data Protection Regulation, GDPR) (упоминается в контексте трансграничной передачи данных и двойных стандартов комплаенса).
8. Вайпан В.А. — исследования, посвященные проблемам неопределенности правовой природы больших данных и сложностям квалификации сделок, объектом которых они выступают.
9. Савельев А.И. — труды, критикующие возможность применения классической вещно-правовой триады (владение, пользование, распоряжение) к информации и массивам данных из-за их нематериальной природы.
10. Рожкова М.А. — публикации, анализирующие противоречия между жесткими требованиями российского законодательства к определенности целей обработки персональных данных и спецификой перекрестного анализа в Big Data.

11. Габов А. В. — исследования смежных прав изготовителей баз данных в контексте Гражданского кодекса РФ и обоснование необходимости введения права «sui generis» (особого рода) для массивов неструктурированной информации, собранной автоматизированными методами (web scraping).
12. Амбарцумов Р.А. Правовое регулирование технологии «Big Data» в Российской Федерации // Вопросы Российской Юстиции. 2019. № 4. С. 6–11.
13. Рожкова М.А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data.
14. Соснин К.А. Правовое регулирование Больших данных: зарубежный и отечественный опыт // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 25. С. 30–42 URL : Правовое регулирование.

ХИМИЯ В СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: МЕТОДЫ ДЕТЕКЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Карабаева Ширин Данияровна

студент

Шакурова Айнагуль Алтынбековна

преподаватель

Колледжа права имени Н.С. Киселевой, г. Москва

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что развитие аналитической химии значительно расширило возможности судебной медицины. Высокоточные методы исследования позволяют обнаруживать минимальные концентрации токсических веществ в организме человека.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, интерпретация результатов.

CHEMISTRY IN FORENSIC MEDICAL EXAMINATION: DETECTION METHODS AND INTERPRETATION OF RESULTS

Shirin Daniyarovna Karabaeva

student

Ainagul Altynbekovna Shakurova

lecturer

N.S. Kiseleva College of Law, Moscow

Abstract. The relevance of this topic is due to the fact that the development of analytical chemistry has significantly expanded the capabilities of forensic medicine. High-precision research methods make it possible to detect minimal concentrations of toxic substances in the human body.

Keywords: forensic medical examination, interpretation of results.

Кроме того, результаты химических исследований нередко становятся ключевыми доказательствами в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Судебно-медицинская химия представляет собой раздел прикладной химии, изучающий методы обнаружения, идентификации и количественного определения химических веществ в биологических объектах и вещественных доказательствах.

Основная задача химического анализа в судебной медицине заключается в установлении:

- наличия токсических веществ;
- причин отравления;
- содержания алкоголя и наркотических средств;
- химического состава неизвестных веществ;
- следов биологических жидкостей;
- времени и механизма воздействия вещества на организм.

Особое значение химические методы приобретают при расследовании преступлений против жизни и здоровья личности. Согласно ст. 196 УПК РФ проведение судебной экспертизы обязательно при установлении причины смерти и характера вреда здоровью³⁷.

Одним из наиболее распространённых методов судебно-химического анализа является *хроматография*. Данный метод основан на разделении компонентов смеси между подвижной и неподвижной фазами. В судебно-медицинской практике применяются газовая хроматография, жидкостная хроматография и тонкослойная хроматография.

Газовая хроматография особенно эффективна при исследовании летучих веществ: алкоголя, растворителей, наркотических соединений и ядов. Метод позволяет определять даже минимальные концентрации веществ в крови, моче и тканях организма.

Исследователи отмечают высокую эффективность газохроматографического анализа при выявлении алифатических спиртов, лекарственных препаратов и пестицидов³⁸. Тонкослойная хроматография применяется как сравнительно простой и быстрый способ предварительного анализа веществ.

Масс-спектрометрия – один из наиболее точных методов современной судебной химии. Она позволяет определить молекулярную массу вещества и его структуру. Чаще всего в экспертной практике используется комбинация хроматографии и масс-спектрометрии (ГХ-МС).

Такая технология обеспечивает высокую точность идентификации веществ и применяется при расследовании дел, связанных с наркотиками, отравлениями и незаконным оборотом психоактивных соединений. Метод ГХ-МС активно используется при выявлении синтетических каннабиноидов и их метаболитов в биологических образцах человека³⁹. Значение масс-спектрометрии заключается в возможности исследования сложных смесей веществ и определения соединений в микроскопических концентрациях. Данный метод широко применяется в токсикологии, антидопинговом контроле и криминалистике.

Спектрофотометрия основана на способности веществ поглощать электромагнитное излучение определённой длины волны. Метод используется для количественного определения веществ в растворах. Преимущества метода:

- относительная простота;
- высокая скорость анализа;
- доступность оборудования.

В судебной химии спектрофотометрия применяется для анализа лекарственных препаратов, алкалоидов и токсинов. Однако спектрофотометрические методы обладают меньшей специфичностью по сравнению с масс-спектрометрией, поэтому чаще используются как вспомогательные⁴⁰.

Иммунохимические тесты основаны на взаимодействии антигена и антитела. Наиболее известным методом является иммуноферментный анализ.

Преимуществом метода является высокая скорость получения результата. Недостатком – вероятность ложноположительных результатов, требующих дополнительного подтверждения.

К объектам химического исследования относятся кровь, моча, волосы, слюна, ткани внутренних органов, содержимое желудка, лекарственные препараты, неизвестные порошки и жидкости и биологические следы.

Одним из наиболее сложных этапов судебно-медицинской экспертизы является *интерпретация полученных результатов*. Интерпретация результатов судебно-медицинской экспертизы представляет собой сложный аналитический процесс, направленный на научное осмысление, оценку и объяснение данных, полученных в ходе экспертного исследования. Данный этап является неотъемлемой частью судебно-медицинской деятельности, поскольку именно посредством интерпретации осуществляется

³⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 // (дата обращения 23.05.2026)

³⁸ Мансурова Р. Г. Опыт внедрения физико-химических методов анализа в судебно-химических исследованиях. // Казанский медицинский журнал. 1994. Т. 75. № 4. С. 304–307. DOI: 10.17816/kazmj90392.

³⁹ Катаев С. С., Дворская О. Н., Гофенберг М. А. Идентификация метаболитов каннабимиметика MDMB(N)-073F в моче методом газовой хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием // Фармация и фармакология. 2019. Т. 7. № 2. С. 70–83. DOI: 10.19163/2307-9266-2019-7-2-70-83.

⁴⁰ Кормишин В. А., Воронин А. В., Шаталаев И. Ф. Денситометрический анализ эфедрина и верапамила в судебно-химической экспертизе // Вестник СамГУ. 2013. №6 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/densitometricheskij-analiz-efedrina-i-verapamila-v-sudebno-himicheskoy-ekspertize> (дата обращения: 23.05.2026).

переход от фактических экспертных данных к формированию обоснованных выводов, имеющих доказательственное значение для органов предварительного расследования и суда.

Судебно-медицинская экспертиза включает исследование биологических объектов, телесных повреждений, причин смерти, механизмов травмообразования, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного, гражданского или административного судопроизводства. Однако сами по себе результаты лабораторных, морфологических, токсикологических, генетических и иных исследований не обладают самостоятельной юридической значимостью без их квалифицированного научного толкования. В этой связи интерпретация выступает завершающим и наиболее ответственным этапом экспертного исследования.

Основной задачей интерпретации является установление объективной взаимосвязи между обнаруженными признаками и обстоятельствами исследуемого события. Эксперт анализирует совокупность выявленных данных, сопоставляет их с современными научными знаниями, нормативными критериями и фактическими обстоятельствами дела. При этом важное значение имеет соблюдение принципов объективности, полноты, научной обоснованности и доказательности⁴¹.

Интерпретация результатов судебно-медицинской экспертизы основывается на комплексном подходе. Эксперт не ограничивается изолированным анализом отдельных признаков, а рассматривает их во взаимосвязи. Например, при исследовании телесных повреждений оцениваются их локализация, характер, давность образования, механизм возникновения, степень тяжести вреда здоровью и возможные орудия причинения травмы. Аналогично при установлении причины смерти учитываются данные наружного и внутреннего исследования трупа, результаты гистологических, химико-токсикологических и иных лабораторных исследований.

Особую роль интерпретация играет в случаях, когда результаты исследования носят вероятностный или неоднозначный характер. Судебно-медицинский эксперт обязан учитывать возможность альтернативных объяснений выявленных признаков, исключать влияние случайных факторов и формулировать выводы с указанием степени их достоверности. Недопустимы категорические заключения при отсутствии достаточной доказательной базы, поскольку это может привести к судебным ошибкам и нарушению принципа справедливости.

Важным аспектом интерпретации является использование междисциплинарных знаний. Современная судебная медицина тесно взаимодействует с криминалистикой, биологией, химией, генетикой, патологической анатомией и другими науками. Комплексный анализ данных позволяет повысить точность экспертных выводов и обеспечить более полное восстановление обстоятельств происшествия.

Кроме того, интерпретация результатов судебно-медицинской экспертизы должна учитывать процессуальные требования законодательства. Экспертное заключение должно быть изложено ясно, логично и аргументированно, чтобы его содержание было понятным не только специалистам, но и участникам судебного процесса, не обладающим специальными медицинскими знаниями. Каждое заключение должно опираться на конкретные результаты исследования и содержать мотивированное объяснение сделанных выводов.

При оценке результатов химического анализа большое значение имеет принцип допустимости доказательств. Поскольку эксперт обязан дать объективное и научно обоснованное заключение, а также указать применённые методы исследования. Кроме того, эксперт должен учитывать вероятность ошибок анализа. Возможны:

- загрязнение образцов;
- разрушение вещества при хранении;
- перекрёстные реакции;
- ложноположительные результаты.

Для минимизации ошибок используются контрольные образцы, стандарты и повторные исследования.

⁴¹ Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"
// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 22.05.2026).

Несмотря на высокий уровень развития аналитической химии, судебно-медицинская практика сталкивается с рядом проблем.

1. Существует проблема появления новых синтетических веществ, которые отсутствуют в официальных базах данных. Это затрудняет их идентификацию и правовую оценку;
2. Дорогостоящее оборудование доступно не всем экспертным учреждениям. Современные масс-спектрометры требуют значительных финансовых затрат и высокой квалификации персонала.
3. Сохраняется проблема стандартизации экспертных методик. Различные лаборатории могут использовать разные подходы к анализу, что влияет на сопоставимость результатов.

Кроме того, в судебной практике нередко возникают споры относительно достоверности экспертных заключений. Это связано как с человеческим фактором, так и с ограничениями используемых методов.

Развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта открывает новые возможности для судебной химии. Современные компьютерные системы позволяют автоматически сравнивать спектры веществ с международными базами данных и ускорять идентификацию соединений.

Перспективными направлениями являются:

- развитие высокоразрешающей масс-спектрометрии;
- использование нанотехнологий;
- внедрение автоматизированных экспертных систем;
- развитие молекулярной токсикологии.

Таким образом, химия играет ключевую роль в современной судебно-медицинской экспертизе. Использование высокоточных методов анализа позволяет устанавливать важнейшие обстоятельства уголовных дел, выявлять токсические вещества, наркотики и яды, а также обеспечивать объективность судебного разбирательства.

Развитие хроматографии, масс-спектрометрии и иммунологических методов значительно повысило точность экспертных исследований. Вместе с тем интерпретация результатов требует высокой квалификации экспертов и строгого соблюдения требований законодательства Российской Федерации.

Современная судебно-химическая экспертиза продолжает активно развиваться, адаптируясь к новым вызовам, связанным с появлением новых химических соединений и совершенствованием преступных способов сокрытия следов.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12.12.1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) Консультант Плюс. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.05.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ // (дата обращения 23.05.2026).
3. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 22.05.2026).
4. Катаев С. С., Дворская О. Н., Гофенберг М. А. Идентификация метаболитов каннабимиметика MDMA(N)-073F в моче методом газовой хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием // Фармация и фармакология. 2019. Т. 7. № 2. С. 70–83. DOI: 10.19163/2307-9266-2019-7-2-70-83.
5. Кормишин В. А., Воронин А. В., Шаталаев И. Ф. Денситометрический анализ эфедрина и верапамила в судебно-химической экспертизе // Вестник СамГУ. 2013. №6 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/densitometricheskiy-analiz-efedrina-i-verapamila-v-sudebno-himicheskoy-ekspertize> (дата обращения: 23.05.2026).
6. Мансурова Р. Г. Опыт внедрения физико-химических методов анализа в судебно-химических исследованиях. // Казанский медицинский журнал. 1994. Т. 75. № 4. С. 304–307. DOI: 10.17816/kazmj90392.

ЭВОЛЮЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ НОРМ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**Карагулова Диана**

студент

научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**

к.ю.н., доцент

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматривается эволюция строительных норм в области пожарной безопасности в России. Выделяется три ключевых этапа: дореволюционный, советский (с его централизованными СНиПами) и современный, связанный с принятием Федерального закона № 123-ФЗ и переходом к риск-ориентированному подходу. Особое внимание уделяется смягчению требований в 2010-2020-х годах, когда большинство сводов правил и ГОСТов утратили обязательный характер. Отмечается, что либерализация норм открыла новые архитектурные возможности, но одновременно породила проблемы контроля за безопасностью. Также анализируются резонансные пожары.

Ключевые слова: пожарная безопасность, строительные нормы, СНиП, технический регламент, риск-ориентированный подход, эволюция законодательства, контроль.

THE EVOLUTION OF BUILDING CODES FOR FIRE SAFETY**Karagulova Diana**

student

supervisor: **Kuzmina Maria Vyacheslavovna**

PhD in Law, Associate Professor

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. This article examines the evolution of building codes for fire safety in Russia. Three key stages are identified: pre-revolutionary, Soviet (with its centralized SNiPs), and modern, associated with the adoption of Federal Law No. 123-FZ and the transition to a risk-based approach. Particular attention is paid to the easing of requirements in the 2010s-2020s, when most codes and GOSTs ceased to be mandatory. It is noted that the liberalization of regulations has opened up new architectural opportunities, but has also created challenges in safety oversight. High-profile fires are also analyzed.

Keywords: fire safety, building codes, SNiP, technical regulations, risk-based approach, legislative evolution, oversight.

Современные правила безопасности не возникли на пустом месте, а являются ответной реакцией законодателя на уже случившиеся происшествия, с целью их недопущения в будущем. Именно поэтому как в процессе создания объекта незавершенного строительства, так и уже в выстроенном здании должны соблюдаться и обеспечиваться требования пожарной безопасности, поскольку они тесно взаимосвязаны друг с другом.

На данный момент очевидна параллель между строительными нормами, изданными **Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации**, и многочисленными регламентами в сфере обеспечения пожарной безопасности, которые регулируются положениями Федерального закона от 21 декабря 1994 года № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»⁴². Кроме того, современные строительные нормы содержат разделы, которые подробно описывают правила пожарной безопасности.

Если обратиться к истории, можно увидеть, что активное развитие законодательства в данной области начинается с советского периода, хотя некоторые исследователи выделяют и нормы дореволюционной России. Например, некоторые правила пожарной безопасности требовали от населения разжигать печи только на пустырях и запрещали топить бани летом. Уже при правлении Петра I появился Указ от 2 апреля 1718 года «О строении», который требовал делать отступки от стен, использовать широкие трубы для печи и крыть крышу черепицей, а не досками. Самостоятельные Уставы появились в России только в 1832 году и вошли в «Свод законов Российской Империи». И Строительный Устав, и Пожарный Устав регламентировали правила строительства зданий, работу печей, безопасное обращение с огнем и прочее.

⁴² Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 26.12.1994. № 35. Ст. 3649.

На указанный исторический этап исследователи⁴³ обращают меньше внимания, поскольку в это время не существовало централизованного источника права, который мог бы обобщить нормы и урегулировать отношения в данной области. Более пристальное внимание уделяется именно советскому периоду, так как система нормативных документов, издаваемых в советские годы, отличалась своей кодификацией и стандартизацией.

Строительство в советские годы являлось частью государственной системы стандартизации, а первые нормы появились в 1939 году после введения ОСТ 90015-39⁴⁴. Именно в данном акте содержались как нормы строительства, так и противопожарные требования. Позднее появились строительные нормы (далее – СНИПы), которые имели общеобязательный характер и подробно регулировали правила в данной сфере, недопуская альтернативного подхода. Например, в СНИПе II-Г.3 от 1955 года⁴⁵ появилось требование по обязательному устройству в зданиях внутренних противопожарных водопроводов, а в 1962 году взамен него появилось уже два новых СНИПа и в каждом из них содержались требования о необходимости оборудовать здания внутренним противопожарным водопроводом. Наибольшее значение имеет СНИП 21-01-97 «Пожарная безопасность зданий и сооружений», изданный в 1997 году⁴⁶, в котором были урегулированы требования об огнестойкости и путях эвакуации, которые следовало учитывать при строительстве.

Неизвестно как развивалось бы законодательство дальше, но на смену Советскому Союзу пришло российское государство, и многие законы претерпели изменения или были отменены. В то время законодатель стремился обновить нормы в короткие сроки и в 2002 году был разработан и принят Федеральный закон от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании»⁴⁷, целью которого является выделение и систематизация обязательных требований к безопасности при проектировании объектов. Однако так быстро поменять всю систему нормативного регулирования было просто невозможно. Поэтому в период с момента прекращения действия Советского Союза и до комплексного обновления законодательства в 2009 году, возникла противоречивая ситуация, когда издаваемые нормативные правовые акты противоречили ранее действующим СНИПам, а новые нормы еще не появились.

Ситуация изменилась в 2009 году после разработки Федерального закона от 22 июля 2008 года № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»⁴⁸. Именно в нем появились требования о расчете пожарных рисков, классификации зон и эвакуации, что было необходимо учитывать еще на этапе строительства. Также на смену СНИПам пришли своды правил (далее – СП), которые детально урегулировали то, как необходимо реализовать требования закона и многочисленные ГОСТы. По данным на 2026 год действует примерно 140 ГОСТов, регулирующих строительство и еще 45 СП, которые касаются противопожарной защиты.

Современные СП и ГОСТы преимущественно являются добровольными (в отличие от законодательства советского периода), поскольку на основании них застройщик в основном стремится доказать безопасность созданного здания, предоставляя расчет рисков. Смягчение законодательства очевидно и потому, что еще в 2010 году из массива существующих ГОСТов и СП обязательно применялись 8, а в 2022 году осталось всего 5 обязательных документов. Это позволяет застройщикам и проектировщикам отступить от строгих правил, если в последствии они смогут доказать, что уровень безопасности при строительстве и последующей эксплуатации объекта не снижается. Такое послабление законодателя свидетельствует о переходе к риск-ориентированному подходу в сфере применения данных норм и правил⁴⁹.

⁴³ Етумян А. С., Новикова А. В., Григорьева Е. М., Сафонова-Шихова Н. В. Развитие стандартизации и нормирования в области пожарной безопасности в системе государственного управления // Актуальные вопросы пожарной безопасности. 2021. № 4 (10). С. 55-59.

⁴⁴ Общесоюзные противопожарные нормы строительного проектирования промышленных предприятий от 1939 года. URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293773/4293773490.pdf> (дата обращения: 22.04.2026).

⁴⁵ СНИП II-Г.3 Внутренний водопровод и канализация. URL: 01.01.1955 <https://meganorm.ru/Index2/1/4293808/4293808431.htm> (дата обращения: 22.04.2026).

⁴⁶ СНИП 21-01-97 Пожарная безопасность зданий и сооружений. URL: <https://47.mchs.gov.ru/deyatelnost/> (дата обращения: 22.04.2026).

⁴⁷ Федеральный закон от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // СЗ РФ. 30.12.2002. № 52 (Часть 1). Ст. 5140.

⁴⁸ Федеральный закон от 22 июля 2008 года № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 28.07.2008. № 30 (Часть 1). Ст. 3579.

⁴⁹ Коробко В. Б. Парадоксы первой редакции проекта свода правил «Здания и комплексы высотные. Требования пожарной безопасности» // Пожаровзрывобезопасность. 2017. № 8. С. 88-92.

Также в статье 2 Федерального закона от 22 июля 2008 года № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» законодатель ввел термин «индивидуальный пожарный риск», что означает, что современная пожарная безопасность многих современных зданий требует не столько формального соблюдения норм, сколько расчета вероятности гибели человека при пожаре. Если эта вероятность не превышает одну миллионную в год – то здание считается безопасным для эксплуатации, что открывает больше архитектурных возможностей. Однако такие послабления не касаются, например, высотных зданий или помещений с высоким классом.

Подобное послабление законодателя нередко критикуется исследователями. Причинами критики выступают массовые трагедии, спровоцированные пожарами, как, например, довольно резонансное происшествие, произошедшее в торговом центре «Зимняя вишня» в 2018 году. Смерть 37 детей была вызвана неисправной системой пожаротушения⁵⁰.

Еще одна актуальная проблема возникает из-за того, что многие здания, построенные еще в советские годы, не меняют под современные требования строительства и пожарной безопасности, так как закон в данной области обратной силы не имеет. Можно выделить Определение Верховного суда Российской Федерации от 16 апреля 2019 года № 306-КГ18-21677⁵¹, из которого следует, что организации было выдано пожарное предписание из-за несоблюдения требований закона (нет системы оповещения людей об эвакуации и пожарной сигнализации).

Ответчик оспаривал дело, утверждая, что здание было построено в 1966 году и с тех пор не было ни его реконструкции, ни капитального ремонта, а потому у него нет обязанности соблюдать современные правила. Верховный суд Российской Федерации посчитал иначе, так как расчет рисков возникновения пожара указывает на высокую вероятность пожара, а значит, данное здание необходимо обеспечить современными мерами безопасности.

Одним из таких примеров является произошедший пожар в здании научного института «Платан». Помещение сдавали в аренду, но в нем не было системы пожаротушения, сигнализации, системы оповещения, а проверки не проводились с 2017 году. Хотя в 2017 году в нем выявили 13 нарушений требований пожарной безопасности, никто не устранил их, в результате чего и вспыхнул пожар в 2024 году. Площадь пожара составила 5 000 кв.м., что потребовало привлечения 100 человек пожарных и вызова двух вертолетов для тушения, но, несмотря на это погибло 6 человек⁵².

Таким образом, проведенное исследования демонстрирует развитие строительных норм в сфере пожарной безопасности и позволяет выделить три ключевых периода: советский период развития законодательства (период зарождения нормы в данной области, представленных в СНиПах); переходный этап с 1991 по 2009 год (создание первых ГОСТов и СП, а также разработка нормативных правовых актов) и современный период, именуемый смягчением законодательства в данной области.

При этом, как смягчение требований и сокращение количества обязательных правил, так и отсутствие обратной силы закона в данной области, критикуется исследователями, а судебная практика подтверждает, что современный подход законодателя в данной области недостаточно эффективен. Необходимо обратить пристальное внимание, как на здание, спроектированные в советские годы и привести их в соответствии с современными требованиями пожарной безопасности, так и рассмотреть возможность усиления контроля в данной области для недопущения массовых трагедий.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 26.12.1994. – № 35. – Ст. 3649.
2. Федеральный закон от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 30.12.2002. – № 52 (Часть 1). – Ст. 5140.
3. Федеральный закон от 22 июля 2008 года № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 28.07.2008. – № 30 (Часть 1). – Ст. 3579.

⁵⁰ Главное о трагедии в Кемерово. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3591101> (дата обращения: 23.04.2026).

⁵¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2019 года № 306-КГ18-21677 по делу № А55-29347/2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11.

⁵² О пожаре в здании бывшего НИИ «Платан». URL: <https://cyclowiki.org/> (дата обращения: 23.04.2026).

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2019 года № 306-КГ18-21677 по делу № А55-29347/2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 11.
5. Етумян, А. С., Новикова, А. В., Григорьева, Е. М., Сафонова-Шишкова, Н. В. Развитие стандартизации и нормирования в области пожарной безопасности в системе государственного управления / А. С. Етумян // Актуальные вопросы пожарной безопасности. – 2021. – № 4 (10). – С. 55-59.
6. Коробко, В. Б. Парадоксы первой редакции проекта свода правил «здания и комплексы высотные. Требования пожарной безопасности» / В. Б. Коробко // Пожаровзрывобезопасность. – 2017. – № 8. – С. 88-92.
7. Главное о трагедии в Кемерово [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3591101>.
8. О пожаре в здании бывшего НИИ «Платан» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyclowiki.org/wiki/Пожар_в_здании_бывшего_НИИ_«Платан».
9. Общесоюзные противопожарные нормы строительного проектирования промышленных предприятий от 1939 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293773/4293773490.pdf>.
10. СНиП 21-01-97 Пожарная безопасность зданий и сооружений [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://47.mchs.gov.ru/deyatelnost/stranicy-s-glavnoy/zakonodatelstvo/normativno-pravovye-dokumenty-po-pozharnoy-bezopasnosti/snip-21-01-97-pozharnaya-bezopasnost-zdaniy-i-sooruzheniy>.
11. СНиП II-Г.3 Внутренний водопровод и канализация от 1955 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://meganorm.ru/Index2/1/4293808/4293808431.htm>.

УДК 34

ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ И ВЫКУП ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ КАК СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОБСТВЕННИКОВ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ЗОУИТ

Климова Екатерина Сергеевна

студентка

научный руководитель: Кузьмина Мария Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. ЗОУИТ призваны обеспечить защиту жизни и здоровья граждан, охрану окружающей среды, безопасность эксплуатации объектов транспорта, энергетики и связи. Однако установление ЗОУИТ нередко приводит к существенным ограничениям прав собственников земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости. Возникают риски снижения рыночной стоимости имущества, запрета на строительство или реконструкцию, а в отдельных случаях — угрозы сноса уже возведённых построек. Цель данной статьи — проанализировать правовые механизмы защиты собственников при установлении ЗОУИТ, выявить существующие проблемы.

Ключевые слова: ЗОУИТ, ЕГРН, права граждан.

COMPENSATION FOR DAMAGES AND THE PURCHASE OF LAND PLOTS AS METHODS OF ENSURING THE LEGAL SECURITY OF OWNERS WHEN ESTABLISHING A LAND USE TAX (ZOUIT)

Ekaterina Sergeevna Klimova

student

supervisor: Kuzmina Maria Vyacheslavovna

PhD in Law, Associate Professor

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. ZSOUT are designed to ensure the protection of citizens' lives and health, environmental safety, and the safe operation of transport, energy, and communication facilities. However, the establishment of ZSOUT often leads to significant restrictions on the rights of landowners and property owners. There are risks of a decrease in the market value of property, prohibitions on construction or renovation, and, in some cases, the

threat of demolition of existing buildings. The purpose of this article is to analyze the legal mechanisms for protecting property owners when establishing ZOUIT, identify existing problems.

Keywords: ZOUIT, EGRN, rights of citizens.

Согласно пункту 1 части 2 статьи 56 Земельного кодекса Российской Федерации, одним из ограничений прав на землю является ограничения использования земельных участков в ZOUIT. Прежде всего, отметим, что законодатель определяет ZOUIT через перечисление видов таких зон с их открытым перечнем [1]. В пункте 4 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации закреплено, что зоны с особыми условиями использования территорий - охранные, санитарно-защитные зоны, зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее - объекты культурного наследия), защитные зоны объектов культурного наследия, водоохранные зоны, зоны затопления, подтопления, зоны санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, зоны охраняемых объектов, приаэродромная территория, иные зоны, устанавливаемые в соответствии с законодательством Российской Федерации. ZOUIT в зависимости от их специфики могут быть разделены на две группы: 1) зоны, которые устанавливаются в силу соответствующего закона и возникновение которых не требует принятия какого-либо отдельного акта органа власти. Причиной их установления является факт существования конкретного объекта. В данную группу можно включить водоохранные зоны, прибрежные защитные полосы, защитные зоны объектов культурного наследия; 2) зоны, которые возникают вследствие принятия решения правомочным органом. К данной группе относят все иные ZOUIT [2].

В соответствии с частью 1 статьи 102 Земельного кодекса Российской Федерации, ZOUIT устанавливаются в таких целях как: 1) защита жизни и здоровья граждан; 2) безопасная эксплуатация объектов транспорта, связи, энергетики, объектов обороны страны и безопасности государства; 3) обеспечение сохранности объектов культурного наследия, геодезических пунктов государственной геодезической сети, нивелирных пунктов государственной нивелирной сети и гравиметрических пунктов государственной гравиметрической сети; 4) охрана окружающей среды, в том числе защита и сохранение природных лечебных ресурсов, предотвращение загрязнения, засорения, заиления водных объектов и истощения их вод, сохранение среды обитания водных биологических ресурсов и других объектов животного и растительного мира; 5) обеспечение обороны страны и безопасности государства. Таким образом, установление ZOUIT всегда обусловлено необходимостью достижения общественно значимых результатов. Данная целевая направленность детерминирует внутреннее содержание института, что находит свое отражение в его специфических свойствах.

Характерными признаками ZOUIT являются: 1) Устанавливаются в связи с существованием определённых природных, строительных, территориальных объектов (например, объектов культурного наследия, инженерных коммуникаций, транспортных объектов, водных объектов, природных территорий, опасных производств); 2) Направлены на обеспечение безопасности граждан, сохранность указанных объектов, корректность их эксплуатации, охрану окружающей среды, содействие обороне государства или отдельных субъектов. 3) Создают ограничения прав на земельные участки, попадающие в зону с особыми условиями использования; 4) Имеют пространственные границы, которые должны быть определены и внесены в ЕГРН [3].

Первый способ защиты прав собственников предусматривает, в соответствии со статьей 57.1 Земельного кодекса Российской Федерации, особенности возмещения убытков при ограничении прав в связи с установлением или изменением ZOUIT. Согласно этой статье, убытки, включая упущенную выгоду, причинённые ограничением прав лиц, подлежат возмещению в полном объёме с учётом особенностей, предусмотренных данной нормой.

Возмещение убытков регулируется соглашением между лицом, имеющим право на возмещение, и правообладателем объекта, в связи с которым введены ограничения на использование недвижимого имущества, согласно пункту 12 статьи 57.1 ЗК РФ. Основанием для заключения соглашения является направление требования о возмещении убытков в течение 5 лет со дня установления или изменения ZOUIT либо со дня, когда лицо узнало или должно было узнать об этом, в соответствии с частью 13 статьи 57.1 ЗК РФ. Если соглашение не заключено, вопрос о возмещении убытков может быть разрешён в судебном порядке. Таким образом, нормативно закреплённый механизм возмещения убытков, причинённых установлением или изменением ZOUIT (ст. 57.1 ЗК РФ), сочетает диспозитивные и императивные элементы.

В состав убытков, причинённых включением участка в ЗОУИТ, входят: Реальный ущерб — фактические расходы, понесённые правообладателем. Например, выплаченная арендная плата, затраты на освоение участка, штрафы и неустойки, возникшие из-за невозможности исполнения обязательств перед третьими лицами. Упущенная выгода — доходы, которые правообладатель получил бы, если бы участок не был обременён ЗОУИТ. Дискуссии в доктрине и судебной практике вызывает методика оценки убытков, особенно в части упущенной выгоды. Рыночная стоимость земельного участка после его попадания в границы ЗОУИТ (например, подзону приаэродромной территории) может упасть в несколько раз из-за запрета на высотное строительство. Оценка реального ущерба в виде разницы стоимости «до» и «после» установления зоны поддается стандартной независимой экспертизе. Однако расчет упущенной выгоды лиц, лишившихся возможности реализовать инвестиционный проект, остается крайне субъективным. Суды требуют от истца высокой степени вероятности получения дохода, подтвержденной не просто планами, а выданными разрешениями на строительство и заключенными договорами, что существенно сужает реальный объем правовой защиты собственника.

Вторым способом, согласно пункту 7 статьи 107 Земельного кодекса, является выкуп земельного участка и/или объекта недвижимости. Данное положение предусматривает, что если установление или изменение ЗОУИТ приводит к невозможности использовать земельный участок и (или) расположенный на нём объект недвижимого имущества, правообладатель вправе потребовать выкупа такого участка и (или) объекта у правообладателей зданий, сооружений, в связи с размещением которых принято решение об установлении или изменении ЗОУИТ, застройщиков, органов государственной власти, органов местного самоуправления [4]. Пункт 8 статьи 107 касается возмещения за прекращение прав на земельный участок, если он находится в государственной или муниципальной собственности и его использование невозможно в связи с установлением или изменением ЗОУИТ. Размер возмещения определяется по правилам, предусмотренным пунктами 1–4, 6–9 статьи 56.8 ЗК РФ. При этом учитывается вид разрешённого использования земельного участка на день, предшествующий дню принятия решения об установлении или изменении ЗОУИТ.

Условия для выкупа отличаются в зависимости от того, когда появилась ЗОУИТ.

Если ЗОУИТ появилась после вступления в силу поправок в Земельный кодекс Российской Федерации (после 03.08.2018), условия для выкупа следующие (п. 7, 8 ст. 107 ЗК РФ): земельный участок и недвижимость на нем — в собственности; появление ЗОУИТ делает невозможным использование земли и недвижимости в соответствии с их разрешенным использованием; объект не является самовольной постройкой; требование заявляет правообладатель участка; убытки в связи с установлением ЗОУИТ не возмещались.

Требование о выкупе можно направить не позднее, чем через 5 лет со дня, когда ЗОУИТ установили или правообладатель об этом узнал.

Потребовать выкупа можно и в том случае, если ЗОУИТ установили до изменений в ЗК РФ (до 03.08.2018). В этом случае условия для выкупа следующие (ч. 25 ст. 26 Федерального закона от 03.08.2018 № 342-ФЗ): земельный участок и недвижимость на нем приобретены до появления ЗОУИТ либо в правоустанавливающих документах не было информации о ней; объект не является самовольной постройкой; убытки в связи с установлением ЗОУИТ не возмещались; использование земельного участка или недвижимости на нем невозможно из-за того, что они находятся в границах ЗОУИТ, указанной в ч. 27 ст. 26 Федерального закона от 03.08.2018 № 342-ФЗ [5].

Обратимся к примеру из практики. В деле №8810808/2022 истец владел земельным участком площадью 400 м² в категории земель населённых пунктов с разрешённым использованием для ведения личного подсобного хозяйства. На участке также находилась хозяйственная постройка. В мае 2019 года в связи с введением в эксплуатацию взлётно-посадочной полосы в Международном аэропорту Шереметьево была установлена санитарно-защитная зона (СЗЗ), в которую попал участок истца. Это сделало невозможным использование земли по назначению, что привело к снижению её стоимости и утере экономической ценности для собственника. Истец обратился в Росавиацию с требованием о выкупе участка, но получил отказ. Основанием для отказа стало отсутствие объектов на участке, что, по мнению ответчика, исключало возможность выкупа за счёт субсидии. Кроме того, истец сообщил, что неизвестные лица демонтировали его хозяйственную постройку, что подтверждается заявлением в полицию. Так, в деле, рассмотренном Вторым кассационным судом общей юрисдикции, суд установил, что невозможность застройки участка домом связана с объектом Росавиации, в связи с размещением которого установлена санитарно-защитная зона, поэтому орган госвласти должен был приобрести землю [6].

Зоны с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ) предсталяют собой значимый инструмент государственного регулирования, обеспечивающий безопасность населения, охрану окружающей среды и надёжную эксплуатацию объектов критической инфраструктуры. Вместе с тем установление или расширение ЗОУИТ влечёт для собственников земельных участков и объектов недвижимости существенные ограничения в использовании имущества. Правовая безопасность собственника определяется эффективностью доступных ему механизмов защиты интересов, предусмотренных земельным законодательством. Ключевыми способами такой защиты выступают: 1) возмещение убытков, причинённых введением ограничений – данный механизм де-юре гарантирует полное покрытие ущерба, но де-факто нивелируется сложностью доказывания упущенной выгоды (особенно на стадии планирования девелоперских проектов. 2) выкуп земельного участка государством либо правообладателем объекта, в связи с которым была установлена ЗОУИТ – данный институт, являясь исключительным способом защиты (*ultima ratio*), на практике блокируется размытостью оценочного критерия «невозможности использования участка по целевому назначению», затяжными судебными спорами о выкупной цене и отсутствием оперативных административных процедур.

Список литературы:

1. Башаева Ирина Юрьевна (2020). Понятие зон с особыми условиями использования территорий и их отличительные признаки. Отечественная юриспруденция, (2 (41)), 13-18
2. Тихонова К. В., Калининченко А. О., Калининченко Е. О., & Судиловский Е. В. (2020). Правовое регулирование отношений, связанных с установлением зон с особыми условиями использования территорий и определением границ таких зон. Экономика и экология территориальных образований, (1), 77-84.
3. ЗОУИТ на карте Росреестра – что это, расшифровка и виды / Kriston Kadastr. — Москва. — URL: <https://kriston-kadastr.ru/articles/zouit> (дата обращения: 17.05.2026). — Текст : электронный.
4. Что такое ЗОУИТ: правовые аспекты и большая реформа / ФинКонт : [сайт]. — Москва, 2024. — URL: <https://www.finkont.ru/blog/chto-takoe-zouit-pravovye-aspekty-i-bolshaya-reforma/> (дата обращения: 17.05.2026). — Текст : электронный.
5. Особенности внесения сведений о ЗОУИТ в ЕГРН / ЛенКадатр : [сайт]. — Санкт-Петербург, 2025. — URL: <https://lenkadastr.ru/news?id=2068> (дата обращения: 17.05.2026). — Текст : электронный.
6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 мая 2022 г. №8810808/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 17.05.2026)

УДК 347.6

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ЗАВЕЩАНИЯ И ИНСТИТУТА ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДОЛИ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Козина Анастасия Алексеевна

студентка

Бегинина Ольга Юрьевна

студентка

Залавская Ольга Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г.Оренбург

Аннотация. В статье исследуется проблема соотношения принципа свободы завещания и института обязательной доли в наследственном праве Российской Федерации. Анализируется нормативное содержание статей 1119 и 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], раскрывается правовая природа обязательной доли как социально-охранительного ограничения свободы завещания. Особое внимание уделяется проблемам формализации критериев нетрудоспособности и отсутствия оценки фактической нуждаемости наследников, что приводит к ограничению автономии воли наследодателя.

В работе рассматриваются актуальные тенденции судебной практики Верховного Суда РФ 2025 - 2026 годов, направленные на усиление принципа соразмерности и приоритетное удовлетворение обязательной доли из незавещанного имущества. Проводится анализ правоприменительных проблем,

возникающих при перераспределении наследственной массы, а также оценивается баланс между частноправовой автономией и социальной функцией наследственного права.

Сформулирован вывод о необходимости дальнейшей индивидуализации подхода к определению права на обязательную долю и расширения судебного усмотрения при оценке конкретных обстоятельств наследственных споров.

Ключевые слова: наследственное право; свобода завещания; обязательная доля; Гражданский кодекс РФ; наследование по завещанию; судебная практика; Верховный Суд РФ; нетрудоспособные наследники; соразмерность; автономия воли; наследственные споры; защита прав наследников; ограничение свободы завещания.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF PROBATE AND THE INSTITUTION OF A MANDATORY SHARE IN THE INHERITANCE LAW OF RUSSIA

Anastasia Alekseevna Kozina

student

Beginina Olga Yurievna

student

Zalavskaya Olga Mikhailovna

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private Law Sciences Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Orenburg

Abstract. The article examines the problem of the correlation between the principle of freedom of probate and the institution of a mandatory share in the inheritance law of the Russian Federation. The normative content of Articles 1119 and 1149 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation) [1] is analyzed, and the legal nature of the mandatory share as a socially protective restriction on the freedom of probate is revealed. Special attention is paid to the problems of formalizing criteria for disability and the lack of assessment of the actual need of heirs, which leads to a limitation of the autonomy of the testator's will. hereditary mass is carried out, as well as the balance between private legal autonomy and the social function of inheritance law is assessed.

The paper examines current trends in the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in 2025-2026, aimed at strengthening the principle of proportionality and prioritizing satisfaction of the mandatory share of non-inherited property. The analysis of the law enforcement problems arising from the redistribution of the hereditary mass is carried out, as well as the balance between private legal autonomy and the social function of inheritance law is assessed.

The author concludes that it is necessary to further individualize the approach to determining the right to a mandatory share and expand judicial discretion in assessing the specific circumstances of inheritance disputes.

Keywords: inheritance law; freedom of probate; compulsory share; Civil Code of the Russian Federation; inheritance by will; judicial practice; Supreme Court of the Russian Federation; disabled heirs; proportionality; autonomy of will; inheritance disputes; protection of the rights of heirs; restriction of freedom of probate.

Наследственное право Российской Федерации представляет собой системно сложный институт гражданского права, в котором переплетаются частноправовые и социально-охранительные начала. Его ключевая особенность заключается в необходимости постоянного баланса между автономией воли собственника и публично значимыми ограничениями, направленными на защиту социально уязвимых категорий граждан.

Центральное противоречие современного наследственного права проявляется в соотношении принципа свободы завещания (статья 1119 ГК РФ) и института обязательной доли (статья 1149 ГК РФ). Данный конфликт носит не только юридико-технический, но и концептуальный характер, поскольку затрагивает пределы диспозитивности гражданского права и допустимость посмертного вмешательства государства в волю собственника.

Актуальность темы усиливается устойчивым ростом числа наследственных споров, связанных с перераспределением наследственной массы вопреки завещанию. Практика показывает, что обязательная доля нередко становится инструментом частичного «переписывания» завещания судом, что вызывает вопрос о пределах допустимого ограничения частной автономии

Особое значение имеет развитие судебной практики Верховного Суда РФ в 2025 - 2026 годах, в рамках которой формируется тенденция к более строгому толкованию оснований вмешательства в завещательные распоряжения. В частности, в Определении Верховного Суда РФ от 14.01.2025 № 4-КГ24-73-К1 [2] подчеркивается необходимость приоритетного удовлетворения обязательной доли из незавещанного имущества, что снижает уровень вторжения в волю наследодателя.

Обеспечивает ли действующее регулирование обязательной доли в наследстве справедливый и юридически последовательный баланс между принципом свободы завещания и социальной защитой обязательных наследников, либо приводит к системному ограничению автономии воли наследодателя?

Предполагается, что действующая модель обязательной доли в российском наследственном праве основана преимущественно на формальном критерии нетрудоспособности наследника, что приводит к недостаточной индивидуализации правового регулирования и в ряде случаев - к непропорциональному ограничению свободы завещания.

Объектом являются общественные отношения, возникающие при наследовании по завещанию и реализации права на обязательную долю.

Предметом выступают нормы гражданского законодательства РФ, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ и судебная практика применения ст. 1149 ГК РФ

Рассмотрим принцип свободы завещания, закрепленный в статье 1119 ГК РФ. Он выражает возможность наследодателя самостоятельно определять юридическую судьбу имущества на случай смерти. Его правовая природа производна от права собственности и принципа диспозитивности гражданского права[5].

Свобода завещания включает несколько элементов:

1. свободу выбора наследников;
2. свободу определения долей;
3. свободу лишения наследства;
4. свободу включения завещательных распоряжений.

Однако данный принцип не является абсолютным. Его ограничение обусловлено необходимостью защиты социально уязвимых лиц и сохранения минимального уровня имущественной стабильности в семье наследодателя.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что право наследования имеет комплексный характер и включает в себя как право наследодателя распорядиться принадлежащим ему имуществом на случай смерти, так и право наследников на получение наследственного имущества. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 марта 2025 г. № 14-П указано, что в совокупности данные правомочия вытекают из конституционного права собственности и составляют основу свободы наследования.[4].

Институт обязательной доли закреплен в статье 1149 ГК РФ и представляет собой законодательное ограничение свободы завещания, выражающееся в гарантированном минимуме наследственных прав определенного круга лиц.

К числу обязательных наследников относятся:

- несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя;
- нетрудоспособный супруг;
- нетрудоспособные родители;
- нетрудоспособные иждивенцы.

Размер обязательной доли составляет половину законной доли наследника.

Правовая природа данного института является дискуссионной. В доктрине выделяются три подхода:

1. социально-обеспечительный (защита нуждающихся);
2. семейно-правовой (сохранение семейной солидарности);
3. ограничительный (прямое вмешательство в свободу завещания).

На практике российская модель сочетает все три подхода, однако доминирующим остается формально-социальный критерий.

Ключевой недостаток действующего регулирования заключается в том, что право на обязательную долю возникает автоматически при наличии юридического статуса нетрудоспособности, без оценки реальной материальной нуждаемости.

Это приводит к ряду системных проблем:

- получение обязательной доли обеспеченными наследниками;
- отсутствие учета фактических семейных отношений;
- игнорирование поведения наследника при жизни наследодателя;
- конфликт с принципом автономии воли.

Таким образом, институт обязательной доли функционирует как формально-правовой механизм, а не как инструмент реальной социальной защиты.

Современная судебная практика демонстрирует постепенный отход от жесткого формализма.

В Определении Верховного суда РФ от 14.01.2025 № 4-КГ24-73-К1[2] указано, что обязательная доля должна удовлетворяться преимущественно из незавещанной части имущества, и только при ее недостаточности допускается вмешательство в завещание.

Данная позиция имеет ключевое значение, поскольку:

- ограничивает вмешательство в волю наследодателя;
- усиливает приоритет завещания;
- снижает риск дробления имущества.

Также в Обзоре судебной практики Верховного суда РФ за 2025 год подчеркивается необходимость индивидуальной оценки обстоятельств дела при применении ст. 1149 ГК РФ, включая имущественное положение сторон и последствия перераспределения наследства [3].

Однако важно отметить, что данные изменения носят эволюционный, а не революционный характер: законодательная модель обязательной доли остается прежней.

Несмотря на социальную направленность, институт обязательной доли может вступать в противоречие с принципом справедливости в его индивидуальном измерении [6].

Основные проблемные ситуации:

- обязательная доля нарушает волю наследодателя без учета личных обстоятельств;
- создается долевая собственность между конфликтующими наследниками;
- увеличивается количество судебных споров;
- наследственное имущество теряет экономическую целостность.

В результате обязательная доля в ряде случаев перестает выполнять исключительно защитную функцию и превращается в инструмент перераспределения имущества вне воли наследодателя.

В зарубежных же правовых порядках наблюдается более гибкая модель ограничения свободы завещания.

В ряде стран допускается:

- учет поведения наследника при жизни наследодателя;
- возможность лишения обязательной доли при недобросовестности;
- дифференцированный подход к размеру защиты.

Это позволяет достигать более индивидуализированного баланса между автономией воли и социальной защитой.

Российская же модель в сравнении выглядит более формализованной и менее адаптивной.

Для повышения эффективности института обязательной доли целесообразно:

1. Ввести критерий фактической нуждаемости, наряду с нетрудоспособностью.
2. Расширить судебное усмотрение при оценке конкретных обстоятельств дела.
3. Учитывать поведение наследника при жизни наследодателя.
4. Закрепить возможность частичного лишения обязательной доли при злоупотреблении правом.
5. Разработать методику оценки соразмерности вмешательства в завещание.

Данные меры позволили бы перейти от формальной модели защиты к более справедливой и индивидуализированной системе.

Итак, институт обязательной доли в наследственном праве Российской Федерации выполняет важную социальную функцию, обеспечивая минимальные гарантии для уязвимых категорий наследников. Вместе с тем его современная конструкция основана преимущественно на формальных критериях, что в отдельных случаях приводит к чрезмерному ограничению свободы завещания.

Судебная практика 2025 - 2026 годов демонстрирует постепенное стремление к восстановлению баланса между автономией воли наследодателя и социальной защитой наследников. Однако без изменения законодательной модели этот баланс остается нестабильным.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждается: действующее регулирование обязательной доли нуждается в уточнении и большей индивидуализации, поскольку в текущем виде оно не всегда обеспечивает справедливое соотношение интересов участников наследственных правоотношений.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552;
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.01.2025 N 4-КГ24-73-К1 // URL:<https://www.consultant.ru/>;
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1. 2025. // URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504065/;
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2025 № 14-П. // URL:<https://www.consultant.ru>.
5. Михеева Л.Ю. Наследственное право: современные тенденции развития // Журнал российского права. 2024. № 8.;
6. Блинков О.Е. Наследственное право России. М., Норма. 2023.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЗАПРЕТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Куйшина Самира Кайратовна

студент

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье на основе анализа конституционных положений (ст. 37 Конституции РФ) и норм Трудового кодекса РФ раскрывается содержание принципа запрета принудительного труда как одного из фундаментальных элементов правового статуса личности в России. Выявляется доктринальное противоречие между императивным характером отдельных норм Трудового кодекса РФ (ст. 142, 72.1) и конституционным принципом свободы труда, исключающим обязанность работать без вознаграждения под угрозой наказания. Автор обосновывает необходимость перехода от императивно-разрешительной к диспозитивно-координационной модели регулирования, предполагающей согласование интересов работника, работодателя и профсоюзной организации. Делается вывод о том, что эффективная реализация конституционного права на труд требует не только нормативного закрепления запретов, но и системного контроля, устранения легализованных механизмов недобровольного труда и усиления роли коллективно-договорного регулирования.

Ключевые слова: конституционное право на труд, запрет принудительного труда, свобода труда, принудительный труд, Трудовой кодекс Российской Федерации, ст. 37 Конституции РФ, ст. 142 ТК РФ, ст. 72.1 ТК РФ, невыплата заработной платы, перемещение работника без согласия, диспозитивное регулирование, профсоюзная организация, сравнительно-правовой анализ, германский опыт, юридическая ответственность работодателя.

CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PROHIBITING FORCED LABOR IN THE RUSSIAN FEDERATION: IMPLEMENTATION PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

Samira Kairatovna Kuyshina,

student

Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The article, based on an analysis of constitutional provisions (Article 37 of the Constitution of the Russian Federation) and the norms of the Labor Code of the Russian Federation, reveals the essence of the principle of the prohibition of forced labor as one of the fundamental elements of the legal status of an individual in Russia. The author identifies a doctrinal contradiction between the imperative nature of certain norms of the Labor Code of the Russian Federation (Articles 142, 72.1) and the constitutional principle of freedom of labor, which excludes the obligation to work without remuneration under threat of punishment. The article substantiates the need for a transition from an imperative-permissive to a dispositive-coordination model of regulation, implying the coordination of interests of the employee, the employer, and the trade union organization. It is concluded that the effective implementation of the constitutional right to work requires not only the normative consolidation of prohibitions, but also systemic control, the elimination of legalized mechanisms of involuntary labor, and the strengthening of the role of collective bargaining regulation.

Keywords: constitutional right to work, prohibition of forced labor, freedom of labor, forced labor, Labor Code of the Russian Federation, Article 37 of the Constitution of the Russian Federation, Article 142 of the Labor Code, Article 72.1 of the Labor Code, non-payment of wages, transfer of an employee without consent, dispositive regulation, trade union organization, comparative legal analysis, German experience, employer's legal liability.

Конституционное право на труд, закреплённое в ст. 37 Конституции Российской Федерации, является фундаментальным элементом правового статуса личности в любом демократическом правовом государстве. Свобода труда и запрет принудительного труда выступают в качестве базовых принципов, определяющих характер трудовых отношений в современной России. Как справедливо отмечают исследователи, «труд свободен, и каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию»⁵³. Однако, несмотря на конституционную декларацию и развитие соответствующих положений в Трудовом кодексе РФ (ст. 4), практика реализации указанных норм сталкивается с серьёзными вызовами.

Доктринальная проблема заключается в теоретически неразрешимом противоречии между императивным характером отдельных норм Трудового кодекса РФ, формально направленных на защиту прав работника, и конституционным принципом свободы труда, исключаящим любую обязанность работать без вознаграждения под угрозой наказания. В теории трудового и конституционного права отсутствует единое понимание границ допустимого государственного и договорного регулирования «недобровольных элементов» в трудовых отношениях, что порождает легализацию скрытых форм принудительного труда через формально правомерные механизмы.

Анализ научной литературы и правоприменительной практики, представленный в работах Сапентьевой Е.О., Статовской В.В., а также Тишкова Д.С., свидетельствует о наличии устойчивого разрыва между нормативными предписаниями и фактическими трудовыми отношениями. Принудительный труд в России принимает латентные формы: от невыплаты заработной платы и принудительных переводов до дискриминации по возрасту, расе и социальному положению, эксплуатации мигрантов, а в крайних проявлениях — похищения людей и использования рабского труда.

Конституция РФ в ст. 37 провозглашает: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещён». Данное положение корреспондирует со ст. 4 Трудового кодекса РФ, которая раскрывает содержание этого запрета и определяет виды деятельности, не признаваемые принудительным трудом⁵⁴. К последним относятся: работа, выполняемая в условиях чрезвычайного положения или военного положения; работа по приговору суда под надзором государственных органов; военная и альтернативная гражданская служба.

Международно-правовую основу составляют Конвенция МОТ № 29 «О принудительном или обязательном труде» 1930 года и Конвенция МОТ № 105 «Об упразднении принудительного труда» 1957 года, которые, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, являются составной частью правовой системы России⁵⁵. В соответствии с Конвенцией № 29, принудительный труд определяется как «всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг».

Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, даже наличие столь чётких дефиниций не препятствует воспроизводству нарушений в силу несовершенства отраслевого законодательства.

Первая и наиболее значимая проблема заключается в наличии в самом Трудовом кодексе РФ норм, которые легализуют отдельные формы недобровольного труда, вступая тем самым в противоречие со ст. 37 Конституции РФ и ст. 4 ТК РФ.

⁵³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. Ст. 37.

⁵⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3, 4, 72.1, 142.

⁵⁵ Конвенция МОТ № 29 относительно принудительного или обязательного труда (Женева, 28.06.1930) // Конвенции и рекомендации МОТ. Т. I. Женева: МБТ, 1991. С. 45–58.

Статья 142 ТК РФ предоставляет работнику право приостановить работу в случае задержки выплаты заработной платы только по истечении 15 дней с момента невыплаты. В течение указанного срока работник фактически обязан выполнять свою трудовую функцию без получения какого-либо вознаграждения, что является классическим примером принудительного труда, поскольку работа осуществляется под угрозой применения наказания. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19.03.2019 № 12-П указал, что правовое регулирование должно исключать ситуацию, когда работник вынужден выполнять трудовую функцию без получения заработной платы в течение длительного времени, поскольку это противоречит существу конституционного права на свободный труд⁵⁶. Однако законодатель до сих пор не устранил указанный императивный срок.

Вторая проблема связана с положениями ст. 72.1 ТК РФ, которые наделяют работодателя правом перемещать работника на другое рабочее место, в другое структурное подразделение, расположенное в той же местности, а также поручать ему работу на другом механизме или агрегате без получения его письменного согласия. При этом законодатель ограничивается указанием на то, что подобные действия не должны влечь изменения определённых сторонами условий трудового договора, однако не конкретизирует, какие именно условия не подлежат изменению. Отсутствие чётких критериев создаёт широкое поле для злоупотреблений и скрытого принуждения к труду, когда работник фактически вынужден выполнять несвойственную ему работу под угрозой увольнения.

Кроме того, ст. 113 ТК РФ допускает привлечение к работе в выходные и нерабочие праздничные дни без согласия работника в ряде случаев (предотвращение катастрофы, несчастного случая), однако на практике работодатели нередко расширительно толкуют данные основания, что также порождает элементы принуждения.

Помимо легализованных норм, существуют фактические проявления принудительного труда, не имеющие формального закрепления, но широко распространённые. Как показывают исследования, трудовые договоры зачастую не содержат обязательных условий: сведений об оплате труда, условиях труда, правах и обязанностях сторон, компенсациях и льготах за работу во вредных условиях⁵⁷. Работодатели нередко привлекают работника к труду, не имеющему ничего общего с его должностными обязанностями, используют сверхурочный труд без оплаты.

Следующая проблема заключается в формальном характере гарантий защиты от дискриминации в сфере труда. Хотя ст. 3 ТК РФ провозглашает, что «никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений», на практике работодатели нередко устанавливают возрастные ограничения при приёме на работу (например, «от 25 до 35 лет»), что исключает возможность трудоустройства для лиц старшего возраста.

В качестве научного способа решения выявленных проблем предлагается переход от императивно-разрешительной модели регулирования к диспозитивно-координационной модели, основанной на принципе согласования интересов работника, работодателя и представительного органа работников (профсоюза). В теоретическом плане это означает:

- 1) смещение акцента с односторонне установленных государством сроков и запретов на механизмы коллективного выбора поведения сторонами трудового договора;
- 2) признание за работником и его представителями права оперативно реагировать на нарушения (например, задержку зарплаты) без обязательного ожидания формально установленного периода;
- 3) введение в доктрину трудового права категории «обоснованного отказа от работы без утраты гарантий» как самостоятельного элемента принципа свободы труда.

Такой подход позволяет устранить нормативно обусловленное принуждение, сохранив баланс между защитой прав работника и производственной необходимостью.

В обоснование предлагаемого перехода представляет интерес опыт Федеративной Республики Германия. Согласно параграфу 273 Гражданского уложения Германии и сложившейся судебной практике Федерального трудового суда, работник при невыплате заработной платы вправе отказаться от

⁵⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2019 № 12-П* по делу о проверке конституционности ст. 142 ТК РФ // Российская газета. 2019. № 65.

⁵⁷ Сапентьева Е.О., Статовская В.В. Проблемы реализации принципа запрета принудительного труда в Российской Федерации // Трудовое право. 2023. № 4. С. 45–52.

выполнения работы без предварительного срока ожидания, причём такой отказ не рассматривается как нарушение трудовой дисциплины. Данный подход основан на принципе «без вознаграждения — нет обязанности трудиться», что исключает легализацию принудительного труда⁵⁸.

В отличие от германского подхода, российское законодательство сохраняет императивный 15-дневный срок, что подтверждает актуальность перехода к диспозитивному регулированию, позволяющему работнику и профсоюзной организации определять момент приостановления работы с учётом конкретных обстоятельств.

На основе проведённого анализа предлагается комплекс конкретных изменений в законодательство.

1) Необходимо внесение изменений в ст. 142 ТК РФ путём исключения императивного характера указанной нормы и замены её диспозитивным механизмом. Вопрос о продолжении работы или её приостановлении в случае задержки заработной платы должен решаться по соглашению между работодателем и первичной профсоюзной организацией на основе учёта мнения работников и финансово-экономического положения конкретного предприятия.

2) Следует изменить ст. 72.1 ТК РФ: законодательно закрепить исчерпывающий перечень условий трудового договора, которые не могут быть изменены работодателем в одностороннем порядке, а также ввести обязательное согласование любых перемещений с первичной профсоюзной организацией.

3) Необходимо установление юридической ответственности за принудительный труд в административном и уголовном законодательстве. В настоящее время отсутствуют специальные составы административных и уголовных правонарушений, квалифицирующих принуждение к труду как самостоятельное противоправное деяние. Предлагается дополнить КоАП РФ и УК РФ нормами, устанавливающими ответственность за принуждение к труду, в том числе совершённое с использованием угрозы увольнения, задержки заработной платы, применения физического насилия или иных форм принуждения⁵⁹.

4) Требуется усиление контрольно-надзорных функций государства за содержанием трудовых договоров и условиями труда. Необходимо осуществление систематических проверок по типу аудита на соответствие трудовых договоров требованиям действующего законодательства. При выявлении нарушений работодатель должен привлекаться к юридической ответственности.

5) Для борьбы с особо опасными формами принудительного труда требуется усиление межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, трудовой инспекции, миграционной службы и правозащитных организаций, а также создание доступных механизмов для обращения жертв принудительного труда за защитой, включая возможность получения временного убежища и юридической помощи.

Конституционный принцип запрета принудительного труда в Российской Федерации, закреплённый в ст. 37 Конституции РФ и развитый в ст. 4 ТК РФ, не обеспечивается в полной мере эффективными механизмами реализации, что приводит к сохранению латентных форм принудительного труда, включая невыплату заработной платы, принудительные переводы без согласия работника, сверхурочные работы без оплаты, дискриминацию, эксплуатацию мигрантов.

Действующая редакция ст. 142 ТК РФ, предоставляющая работнику право приостановить работу только по истечении 15 дней задержки заработной платы, фактически легализует принудительный труд в указанный период, поскольку работник обязан выполнять трудовую функцию без вознаграждения. Данная норма требует изменения путём исключения императивного характера и введения диспозитивного порядка, предполагающего согласование с первичной профсоюзной организацией.

Положения ст. 72.1 ТК РФ, позволяющие работодателю перемещать работника на другое рабочее место без его согласия при отсутствии чёткой конкретизации условий трудового договора, создают риск злоупотреблений и скрытого принуждения к труду.

В Российской Федерации отсутствует эффективная юридическая ответственность за применение принудительного труда. Работодатели, принуждающие работников к труду под угрозой увольнения, задержки заработной платы или иных санкций, не несут соразмерного наказания, что способствует

⁵⁸ Германское Гражданское уложение (BGB) § 273 «Право удержания» // Федеральный вестник законов. 2002. Т. 1. С. 42, 2909 ; Решение Федерального трудового суда Германии от 12.08.2015 № 5 AZR 490/14 // Новая журнал трудового права. 2016. С. 89.

⁵⁹ Тишков Д.С. Принудительный труд как правовая категория: вопросы квалификации и ответственности // Российский судья. 2024. № 2. С. 27–31.

воспроизводству нарушений трудовых прав.

Совершенствование законодательства о запрете принудительного труда должно идти по пути внедрения механизмов коллективно-договорного регулирования, включая обязательное участие профсоюзных организаций при решении вопросов о порядке осуществления трудовой деятельности в условиях задержки заработной платы и о переводах без согласия работника.

Только при реализации указанных мер конституционный принцип запрета принудительного труда перестанет быть декларацией и станет реально действующей нормой, обеспечивающей свободу труда и достоинство личности в сфере трудовых отношений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 2020. – № 144. – Ст. 37.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ : (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3, 4, 72.1, 142.
3. Конвенция МОТ № 29 относительно принудительного или обязательного труда : (Женева, 28.06.1930) // Конвенции и рекомендации Международной организации труда. – Т. I. – Женева : Международное бюро труда, 1991. – С. 45–58.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2019 № 12-П по делу о проверке конституционности ст. 142 ТК РФ // Российская газета. – 2019. – № 65.
5. Германское Гражданское уложение (BGB) : § 273 «Право удержания» : [федеральный закон] // Федеральный вестник законов (BGBl. I). – 2002. – Т. I. – С. 42, 2909.
6. Решение Федерального трудового суда Германии от 12.08.2015 № 5 AZR 490/14 // Новая журнал трудового права (NZA). – 2016. – С. 89.
7. Сапентьева Е.О. Проблемы реализации принципа запрета принудительного труда в Российской Федерации / Е.О. Сапентьева, В.В. Статовская // Трудовое право. – 2023. – № 4. – С. 45–52.
8. Тишков Д.С. Принудительный труд как правовая категория: вопросы квалификации и ответственности / Д.С. Тишков // Российский судья. – 2024. – № 2. – С. 27–31.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ

Куктеубаева Элина Максатовна

3 курс, студентка

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В данной статье рассматривается конституционное право граждан на тайну переписки, закрепленное в части 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации. Обращается внимание на отсутствие законодательной конкретизации данного понятия, что порождает сложности в правоприменительной практике. Также приводятся примеры актуальной судебной практики 2025–2026 годов.

Ключевые слова: тайна переписки, конституционное право, судебная практика, метаданные, правовая неопределенность, защита информации.

ON THE RIGHT OF CITIZENS TO THE PRIVACY OF CORRESPONDENCE

Elina Maksatovna Kukteubaeva

3rd-year student

Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. This article examines the constitutional right of citizens to the privacy of correspondence, enshrined in Part 2 of Article 23 of the Constitution of the Russian Federation. It draws attention to the lack of legislative definition of this concept, which creates difficulties in law enforcement. Examples of current judicial practice from 2025–2026 are also provided.

Keywords: privacy of correspondence, constitutional law, judicial practice, metadata, legal uncertainty, information protection.

По мере развития современных технологий у человека появляется всё больше возможностей для обмена информацией, в том числе в формате переписки. Однако, поскольку из года в год ускоряются

способы передачи данных, закономерно растет статистика по утечке информации из мессенджеров (15% за 2025 год), и возникают новые сложности в сфере обеспечения права граждан на тайну переписки.

Если обратиться к законодательству, можно увидеть, что основной закон российского государства, Конституция Российской Федерации в части 2 статьи 23 закрепляет право граждан на тайну телефонных переговоров, переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Имеется лишь одно основание для ограничения данного права – судебное решение; иное же нарушение данного права будет признано уголовным преступлением.

Так, в апреле 2026 года было возбуждено уголовное дело о нарушении права гражданина на тайну переписки и неправомерном получении доступа к его данным. Из материалов дела следует, что гражданин проверил телефон своей супруги, прочитал ее личную переписку, сфотографировал данные и распространил эти материалы далее, в сети Интернет. Это стало поводом для возбуждения уголовного преследования.

Однако ни норма Конституции Российской Федерации, ни федеральное законодательство более подробно не раскрывают то, что входит в понимание термина «тайна переписки», не конкретизируют, какие именно сведения могут быть признаны объектом конституционной защиты. При этом из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 года № 345-О следует, что тайну телефонных переговоров составляют те, сведения, которые охраняются и передаются при помощи телефонной аппаратуры. По убеждению Ю. А. Бокова, в контексте переписки тайну составляют любые сведения, полученные при ведении переписки. Однако, данное мнение довольно лаконично и не имеет достаточной конкретики.

В основном исследователи склоняются к тому, что информация, составляющая тайну переписки, представляет собой совокупность сведений, которые передаются либо могут быть получены с помощью сети Интернет. И действительно с учетом тенденций современности, переписка в основном происходит в сети Интернет, однако, не следует забывать и о почтовых отправлениях.

Также в своих исследованиях М. А. Мещерякова предлагает использовать более широкое понятие, чем «тайна переписки» и заменить его на термин «право на тайну коммуникации», который, по мнению автора, лучше отражает содержание части 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации. Автор пишет, что конституционное право на тайну коммуникации – это гарантированная государством возможность личности самостоятельно определять судьбу своей непубличной коммуникации (осуществляемой как в вербальной, так и в невербальной формах) и иных сведений об актах коммуникации, свободно, без вмешательства извне осуществлять коммуникацию, а также защищать свое коммуникационное пространство от любых форм контроля, кроме установленных на основании закона и судебного решения».

В таком случае право на тайну переписки становится юридической гарантией для остальных прав, представленных в статье 23 Конституции Российской Федерации (неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, защита чести и доброго имени). Данное мнение автора заслуживает внимания, так как нарушение тайны переписки, безусловно, нарушает и право на неприкосновенность частной жизни, однако, обратное не всегда верно.

Из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 года № 345-О КС РФ следует, что защите подлежат не только содержание разговоров и сообщений, но и такие сведения, которые касаются времени, длительности звонка или сообщения. Данное мнение действительно позволяет комплексно взглянуть на понимание термина «тайна переписки».

Это же утверждает и В. А. Вайпан: «информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации... тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи». Судебная практика подтверждает это, возбуждая уголовные дела против операторов связи, незаконно получающих детализацию звонков.

Следовательно, на сегодняшний день существует конституционная норма (часть 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации), направленная на защиту тайны переписки, как конституционное право граждан, однако отсутствует конкретизация данного положения. В результате возникают сложности в правоприменении нормы и реализации данного права. Это усугубляется и технологическим прогрессом, который приводит к возникновению новых противоречивых ситуаций, касающихся защиты переписки.

Например, в декабре 2025 года одна гражданка пожаловалась на нарушение её конституционных прав, так как она при помощи Интернет-портала пожаловалась на действия своих соседей-чиновников, охарактеризовав их как «позор общества и угрозу для него». За подобное утверждение против нее было

возбуждено уголовное дело о клевете. Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что электронная коммуникация предполагает соблюдение общих конституционных гарантий, включая право на тайну переписки, гарантируемое частью 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации. По результатам рассмотрения дела Конституционный Суд защитил права гражданки и указал на необходимость соблюдения конституционной гарантии, согласно которой любая информация в переписке должна быть сохранена в тайне вне зависимости от того, кто является адресатом: частное лицо, должностное лицо или орган публичной власти.

Приведенный судебный пример демонстрирует важность разъяснений со стороны судебного органа для обеспечения права гражданина на тайну переписки. Данное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2025 года № 43-П положительно оценивается правоведами и практикующими юристами, подчеркивается, что оно позволило восстановить гарантии безопасности гражданина.

Однако, само по себе право гражданина на тайну переписки по-прежнему остается довольно уязвимым, как из-за размытости самой формулировки. Именно поэтому считаем необходимым дополнить Федеральный закон от 07 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» статьей 63.1 следующего содержания: «тайной переписки, телефонных переговоров и иных сообщений признаются любые сведения, передаваемые с использованием сетей электросвязи и почтовой связи, включая содержание сообщений, а также метаданные: данные о факте, времени, длительности, участниках соединения, об адресатах и отправителях, об используемых устройствах.

Указанные сведения подлежат защите в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, и могут быть ограничены только на основании судебного решения». Считаем, что именно конкретизация данного понятия позволит реализовывать данное конституционное право должным образом и далее, вне зависимости от дальнейшего развития информационного прогресса.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 07 июля 2003 года № 126-ФЗ (ред. от 20 февраля 2026 года) «О связи» // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 14.07.2003. – № 28. – Ст. 2895.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 года № 345-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 1.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2025 года № 43-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Роговой Лилии Геннадьевны» // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 15.12.2025. – № 50. – Ст. 7968.
4. Бакланова, Н. А., Боков, Ю. А. Право на тайну переписки и неприкосновенность жилища как конституционно-правовые рамки, характеризующие право на защиту персональных данных / Ю. А. Боков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 12-2. – С. 8-14.
5. Вайпан, Г. Трудно быть богом: Конституционный Суд России и его первое дело о возможности исполнения решения Европейского Суда по правам человека / Г. Вайпан // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 4 (13). – С. 107-124.
6. Мещерякова, М. А. Конституционное право на тайну коммуникации: понятие и содержание / М. А. Мещерякова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – № 3 (53). – С. 88-92.
7. Прокуратура Виноградовского района направила в суд уголовное дело о нарушении тайны переписки и неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_29/mass-media/news/regional/e8482677/.
8. ФСБ установила причастность жительницы Запорожской области к утечке данных связи [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iz.ru/2078734/fsb-ustanovila-prichastnost-zhitelnitsy-zaporozhia-k-utechke-dannykh-sviasi-izi>

СООТНОШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ

Куктеубаева Элина Максатовна

студентка

научный руководитель: Кузьмина Мария Вячеславовна

к.ю.н., доцент

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье анализируется проблема соотношения земельного и градостроительного законодательства при разрешении земельных споров. Изучаются ключевые точки пересечения двух отраслей права и формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства

Ключевые слова: земельное законодательство, градостроительное законодательство, земельные споры, виды разрешённого использования, самовольная постройка.

THE RELATIONSHIP BETWEEN LAND AND URBAN PLANNING LEGISLATION IN RESOLVING LAND DISPUTES

Kukteubaeva Elina Maksatovna

student

academic Supervisor: Kuzmina Maria Vyacheslavovna

PhD (Law), Associate Professor

Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. This article analyzes the relationship between land and urban planning legislation in resolving land disputes. Key intersections between the two branches of law are examined and proposals for improving current legislation are formulated.

Keywords: land legislation, urban planning legislation, land disputes, types of permitted use, unauthorized construction.

Одной из особенностей современных земельно-имущественных отношений можно назвать то, что нормы земельного и градостроительного права и законодательства тесно взаимосвязаны друг с другом, что обуславливает необходимость их концептуального единства при разрешении аналогичных правовых коллизий. Если земельное право в основном направлено на правовое урегулирование вопросов в сфере владения, пользования и распоряжения земельными участками, то для градостроительного законодательства ключевое значение имеют вопросы планирования и проведения застроек.

Однако, несмотря на необходимость поддержания единого подхода по ключевым вопросам с целью избегания возможных противоречий и сведения к минимуму правовых споров – все еще существуют сложные аспекты, связанные с разными трактовками одних и тех же понятий и сложными, часто обжалуемыми судебными разбирательствами. Это можно проследить даже в определении такого ключевого термина, как земельный участок. Данный термин, как следует из статьи 6 ЗК РФ⁶⁰: «недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить её в качестве индивидуально определённой вещи», однако, в то время, как положения Градостроительного кодекса⁶¹ хоть и не дают легального определения термину, но как следует из статьи 36 ГрК РФ существенно расширяют его, дополняя его такими важными понятиями, как высота и глубина, что расширяет понятие земельного участка для целей строительства.

Как определено в исследовании В.В. Москаленко⁶²: «градостроительное законодательство является межотраслевым и регулирует земельные отношения в комплексе». Однако в некоторых земельных спорах судебный орган может отдать приоритет именно градостроительным нормам права, нежели положениям земельного законодательства.

⁶⁰ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // СЗ РФ. 29.10.2001. № 44. Ст. 4147.

⁶¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. 03.01.2005. № 1 (Часть 1). Ст. 16.

⁶² Москаленко В.В., Дубровский А.В. Анализ требований земельного и градостроительного законодательства для целей организации эффективного землепользования // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. № 1. С. 55-59.

Это можно увидеть на конкретных судебных примерах. Одной из наиболее острых тем земельного права являются споры о самовольных постройках. Противоречия начинаются с того, что правовая природа самовольной постройки (статья 222 ГК РФ⁶³), одновременно должна защитить и интересы собственника земельного участка, и интересы того лица, которое совершило самовольное строительство. Для первого создание самовольной постройки – правонарушение, против законных и охраняемых земельных отношений; однако для второго речь может идти о возникновении права собственности. Однако, не все так однозначно и на это указывает судебная практика.

По делу⁶⁴ на арендованном у муниципалитета земельном участке на основании выданного разрешения на строительство было выстроено двухэтажное здание под магазин, затем были возведены две пристройки и в момент их регистрации орган власти расценил их, как самовольные. Только после ряда обжалований Верховный суд Российской Федерации пояснил, что это объекты вспомогательного использования, что регулируется ст. 51 ГК РФ и разрешение на их строительство не нужно.

В другом деле⁶⁵ действуя в рамках договора аренды, был получен договор на аренду земельного участка для использования его в целях строительства многоквартирных домов от 3 до 9 этажей. Однако, не было получено разрешение на строительство (что делает такую постройку самовольной), но это было обнаружено уже на этапе застройки. По общему правилу требовалось снести все здания, но суд постановил снести только одну из двух построек, ту, что выше 4 этажа, поскольку строительство зданий выше 4 этажа на данном участке было запрещено.

Также в судебной практике часто встречаются споры о праве использовать часть участка не по назначению. В статье 7 ЗК РФ определен перечень видов целевого назначения земель (категории земель) и обязанность землепользователя использовать земельный участок в соответствии с его целевым назначением; статья 37 ГК РФ устанавливает, что разрешенное использование земельных участков и объектов капитального строительства может быть трех видов: основные виды разрешенного использования; условно разрешенные виды использования; вспомогательные виды разрешенного использования, допустимые только в качестве дополнительных по отношению к основным видам разрешенного использования и условно разрешенным видам использования и осуществляемые совместно с ними.

Такая правовая конструкция нередко становится предметом судебного разбирательства, когда правообладатель использует участок способом, формально выходящим за пределы основного вида разрешенного использования. В рамках судебного спора по делу № А40-155810/2019⁶⁶ Верховный Суд Российской Федерации решал возможно ли размещение автотехцентра и магазина на земельном участке с разрешенным видом использования «под объекты размещения помещений и технических устройств многоэтажных и подземных гаражей, стоянок» (суд посчитал, что допустимо).

Наиболее знаковым в данном вопросе можно назвать дело № 5-АД20-134, в котором спор возник из-за того, что участок имеет вид разрешенного использования «для эксплуатации административного здания» (код 4.1 «деловое управление»), а фактически в здании размещен Многофункциональный центр предоставления государственных услуг (и это должно быть «общественное управление»). В выводах, представленных в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2021 г. по делу № 5-АД20-134⁶⁷, суд считает, что положения статьи 85 ЗК РФ отсылаются к градостроительному регламенту, подчеркивая, что земельное законодательство не является автономным, поскольку признаёт приоритет градостроительного зонирования.

Также Суд указывает: «поскольку ГК РФ в рамках статьи 37 легализует вспомогательный вид разрешенного использования земельного участка, это позволяет фактическое использование, формально не совпадающее с основным видом разрешенного использования по ЗК РФ, без изменения документов. Данный судебный пример отчетливо демонстрирует взаимосвязь между двумя кодексами и ГК РФ не только дополняет ЗК РФ, но и корректирует применение земельно-правовых норм.

⁶³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 25.03.2026) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

⁶⁴ Решение Арбитражного суда Ростовской области от 14.07.2021 г. по делу № А53-3413/2019. URL: www.kad.arbitr.ru (дата обращения: 01.05.2026).

⁶⁵ Постановление Шестнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 16.12.2020 г. по делу № А63-2078/2016. URL: www.kad.arbitr.ru (дата обращения: 02.05.2026).

⁶⁶ Определение Верховного Суда РФ от 22.02.2022 г. № 305-ЭС20-15893 по делу № А40-155810/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22022022-n-305-es20-15893-po-delu-n-a40-1558102019/> (дата обращения: 02.05.2026).

⁶⁷ Постановление Верховного Суда РФ от 18.01.2021 г. № 5-АД20-134. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=653284#K2QgUIVh10m6jZ28> (дата обращения: 02.05.2026).

Таким образом, земельное и градостроительное законодательство находятся в состоянии тесной взаимосвязи, поскольку ЗК РФ определяет правовой режим земель через категории и целевое назначение; ГрК РФ через градостроительное зонирование и регламенты, конкретизируя допустимые параметры использования. Исследование показало, что некорректно говорить об абсолютном приоритете того или иного законодательства, так как это напрямую зависит от характера спора. Например, в рамках исследования были изучены споры, связанные с несоответствием вида разрешённого использования, и в данном случае суды отдают приоритет правилам землепользования и застройки как актам, утверждённым в публичных интересах, что напрямую следует из ст. 85 ЗК РФ.

Поскольку таких судебных разбирательств становится все больше считаем верным, дополнить ч. 1 ст. 37 ГрК РФ положением о том, что вспомогательный вид разрешённого использования не требует внесения сведений в ЕГРН и не может квалифицироваться как нарушение целевого назначения по ст. 42 ЗК РФ. В завершении хочется подчеркнуть, что соотношение земельного и градостроительного законодательства при разрешении земельных споров характеризуется не конкуренцией, а взаимодополнением двух отраслей, и исследование подчеркивает необходимость корректировки и дополнения норм обеих отраслей права в дальнейшем при выявлении спорных и противоречивых моментов.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 29.10.2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 03.01.2005. – № 1 (Часть 1). – Ст. 16.
4. Постановление Верховного Суда РФ от 18.01.2021 г. № 5-АД20-134 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>.
5. Определение Верховного Суда РФ от 22.02.2022 г. № 305-ЭС20-15893 по делу № А40-155810/2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legalsacts.ru/>
6. Постановление Шестнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 16.12.2020 г. по делу № А63-2078/2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.kad.arbitr.ru.
7. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 14.07.2021 г. по делу № А53-3413/2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.kad.arbitr.ru.
8. Москаленко, В.В., Дубровский, А.В. Анализ требований земельного и градостроительного законодательства для целей организации эффективного землепользования / В.В. Москаленко // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2021. – № 1. – С. 55-59.

УДК 4414

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ: ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Кулумбаева Даяна Азаматовна

студент 3 курса факультет Юриспруденция

Оренбургский Институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется проблема ограничения права на неприкосновенность частной жизни внедрением системы биометрической идентификации в Российской Федерации. Целью работы является выявление фундаментального противоречия между заявленной целью обеспечения общественной безопасности и фактическим результатом — возникновением «охлаждающего эффекта» на свободу передвижения и ассоциаций, а также рисками тотального цифрового контроля над личностью. Методологическую основу составили диалектический, сравнительно-правовой и системный подходы. Проанализированы полярные доктринальные позиции, представленные радикально-критическим и реформистским направлениями, а также международные рекомендации Совета Европы и экспертного сообщества. В результате исследования обоснована необходимость перехода от императивного и повсеместного сбора биометрических данных к дифференцированной, риск-ориентированной системе регулирования. Автором предложены четыре конкретных законодательных механизма: введение

исчерпывающего перечня целей сбора биометрии, создание трехуровневой системы конфиденциальности (уведомительный, контрольный и запретительный уровни), замена принципа «подразумеваемого согласия» на явное и информированное согласие в публичных пространствах и применение критерия технологической нейтральности.

Ключевые слова: биометрическая идентификация, неприкосновенность частной жизни, охлаждающий эффект, правовая неопределенность, пропорциональность ограничений, персональные данные.

RESTRICTION OF THE RIGHT TO PRIVACY BY BIOMETRIC IDENTIFICATION: THE HUMAN RIGHTS COMPLIANCE ISSUE

Kulumbaeva Dayana Azamatovna,

student 3 term faculty of jurisprudence

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (MSAL)

Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the problem of restricting the right to privacy through the implementation of a biometric identification system in the Russian Federation. The study aims to identify the fundamental contradiction between the stated goal of ensuring public security and the actual result — the emergence of a "chilling effect" on freedom of movement and association, as well as the risks of total digital control over the individual. The methodological framework is based on dialectical, comparative-legal, and systemic approaches. Polar doctrinal positions represented by radical-critical and reformist directions are analyzed, as well as international recommendations from the Council of Europe and expert community. As a result of the study, the necessity of transitioning from imperative and ubiquitous collection of biometric data to a differentiated, risk-oriented regulatory system is substantiated. The author proposes four specific legislative mechanisms: the introduction of an exhaustive list of purposes for biometric data collection, the creation of a three-tier privacy system (notification, control, and prohibitive levels), the replacement of the principle of "implied consent" with explicit and informed consent in public spaces, and the application of the criterion of technological neutrality.

Keywords: biometric identification, privacy, chilling effect, legal uncertainty, proportionality of restrictions, personal data.

Вопрос о допустимых пределах вмешательства государства в сферу частной жизни человека традиционно относится к числу наиболее чувствительных для правосознания граждан. Статья 23 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а статья 24 прямо запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия [1]. Однако правовая реальность цифровой эпохи демонстрирует появление механизмов массового сбора биометрических данных, которые, не будучи оформленными как прямое вторжение в жилище, создают условия тотального мониторинга повседневной жизни человека. Речь идет о Единой биометрической системе (далее — ЕБС) и повсеместном внедрении систем распознавания лиц. Ключевая проблема заключается в том, что институт биометрической идентификации эволюционирует из вспомогательного инструмента предоставления государственных услуг в средство потенциального цифрового контроля над обществом: возникает фундаментальное несоответствие между заявленной государством целью — повышением безопасности и удобства граждан — и фактическим результатом — риском несоразмерного ограничения приватности и свободы личности.

Целью настоящего исследования является не только выявление обозначенного противоречия, но и критическое осмысление сложившихся доктринальных подходов, а также обоснование необходимости перехода от императивной бинарной модели сбора биометрии к дифференцированной трехуровневой системе регулирования, позволяющей восстановить баланс между интересами национальной безопасности и гарантиями неприкосновенности частной жизни.

Материалом исследования послужили нормативные положения Конституции Российской Федерации [1], федеральное законодательство о персональных данных, включая Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] и Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» [3], доктринальные источники (работы Н.Ю. Чельшевой, З.О. Митянова, А.В. Баннова и др.), а также международные стандарты в области защиты данных, включая

Общий регламент по защите данных (GDPR) Европейского союза. Методологическую базу составили диалектический метод познания правовой действительности, сравнительно-правовой анализ российского и европейского законодательства, системный подход, а также формально-юридический метод, позволивший оценить используемые законодателем формулировки с точки зрения правовой определенности.

Проведенный анализ научной литературы позволяет выделить два принципиально различных подхода к проблеме соотношения биометрической идентификации и права на частную жизнь.

Первый, радикально-критический, сформулирован Н.Ю. Чельшевой. Исследователь настаивает на необходимости выработки действенного механизма защиты граждан от неправомерного и недобросовестного вмешательства в частную жизнь в результате применения биометрических технологий. Ключевой проблемой автор видит не столько наличие систем как таковых, сколько возможность алгоритмической ошибки или иных форм некорректной работы технологии, влекущей нарушение прав граждан без эффективных средств правовой защиты. Решение проблемы автору видится в создании механизма компенсации морального вреда гражданам, чьи личные неимущественные права и интересы были нарушены в результате сбоев технологий распознавания лиц, примененных по решению органов государственной власти либо иных лиц [4].

Второй подход — реформистский — представлен З.О. Митяновым. Анализируя ЕБС, автор не ставит под сомнение саму ее легитимность, но акцентирует внимание на институциональных ограничениях публично-правовой защиты биометрии. Исследователем выделяются такие проблемы, как ограниченность круга биометрических идентификаторов, обрабатываемых в рамках ЕБС, а также неполнота законодательных дефиниций в части регулирования таких биометрических техник, как распознавание и категоризация. В качестве решения предлагается унификация всех разновидностей и техник обработки биометрии в рамках ЕБС, ужесточение правил обращения с биометрией в случае ее обработки вне ЕБС в течение переходного периода и выработка единого риск-ориентированного подхода [5].

При внешней противоположности оба подхода сходятся в главном: текущее регулирование порождает правовую неопределенность и оказывает значительное влияние на реализацию конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Вместе с тем сама постановка дискуссии — между критикой системы и ее точечной корректировкой — представляется недостаточной, поскольку упускает из виду более глубокую проблему. По моему убеждению, корень проблемы кроется в бинарной конструкции, заложенной в саму философию регулирования: существует только два состояния — гражданин либо находится вне поля зрения государства, либо попадает под тотальный автоматизированный контроль, который де-факто осуществляется без его реального, осознанного согласия.

Именно эта бинарность порождает «охлаждающий эффект»: ограничение частной жизни достигается не прямыми запретами, а созданием таких технических и правовых условий, при которых человек осознает высокую вероятность быть идентифицированным и отслеженным в любой точке пространства. При таком положении вещей индивид вынужден корректировать свое поведение, отказываясь от реализации законных прав на свободное передвижение и самовыражение. Аналогичные опасения высказывает Ю.С. Меркулова, подчеркивающая, что биометрический контроль подрывает саму суть конституционной неприкосновенности частной жизни [7].

С точки зрения принципа пропорциональности такое положение недопустимо: вред, причиняемый праву на частную жизнь, явно несоразмерен абстрактной цели обеспечения безопасности, особенно когда критерии допустимости вмешательства остаются размытыми. Подтверждение данной оценки можно найти в международных экспертных позициях. Так, А.В. Банновым был выявлен парадокс нормативной неопределенности, который заключается в том, что, несмотря на формальный запрет обработки биометрии без согласия субъекта, предусмотренный статьей 11 Федерального закона № 152-ФЗ, массовое внедрение систем распознавания лиц в публичных пространствах де-факто лишает граждан реальной возможности выбора [6].

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 13-П от 15.05.2018 сформулировал универсальные критерии законности, необходимости и соразмерности вмешательства в частную жизнь, подчеркнув требование минимальности, обоснованности и проверяемости такого вмешательства, а также значение судебного контроля [9]. Этот подход полностью коррелирует с международными стандартами, закрепленными, в частности, в Общем регламенте по защите данных (GDPR) [8], а также в отчетах

Венецианской комиссии, подчеркивающих необходимость строгой пропорциональности при использовании технологий слежения [10]. Для восстановления баланса между национальной безопасностью и правом на неприкосновенность частной жизни необходимо перейти от императивного сбора биометрии к дифференцированной, риск-ориентированной модели. Автором разработаны следующие законодательные механизмы.

Первый механизм — устранение правовой неопределенности целей сбора. Вместо использования расплывчатых формулировок, допускающих расширительное толкование, следует ввести исчерпывающий перечень конкретных, социально значимых целей, для достижения которых допускается применение биометрической идентификации в публичных пространствах. Этот перечень должен включать исключительно розыск лиц, подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также противодействие непосредственным террористическим угрозам. К примеру, использование камер с функцией распознавания лиц для выписывания штрафов за переход дороги в неположенном месте или для отслеживания посещения гражданами массовых мероприятий не может считаться соразмерным вмешательством в частную жизнь.

Второй механизм — введение трехуровневой системы конфиденциальности: уведомительный уровень — для общественных пространств с низким уровнем риска (улицы, парки, торговые центры). Здесь допустимо простое видеонаблюдение без применения технологий распознавания лиц и привязки к личности. Граждане должны информироваться о ведении видеозаписи, однако получаемые данные не подлежат интеграции в системы идентификации личности; контрольный уровень — для объектов критической инфраструктуры (вокзалы, аэропорты, станции метрополитена). Здесь применение биометрической идентификации допустимо, но исключительно в режиме реального времени для сверки с базами разыскиваемых лиц. Данные не подлежат хранению, за исключением случаев совпадения с критериями розыска. Срок хранения таких записей должен быть ограничен 30 сутками, после чего они подлежат автоматическому уничтожению; запретительный уровень — для пространств, где у человека есть обоснованное ожидание приватности (туалетные комнаты, примерочные, медицинские кабинеты, жилые помещения). В этих местах любой сбор биометрических данных должен быть категорически запрещен, а нарушение этого запрета должно влечь уголовную ответственность.

Третий механизм — замена принципа «подразумеваемого согласия» на явное и информированное. Действующая практика, при которой нахождение гражданина в публичном пространстве автоматически приравнивается к его согласию на биометрическую обработку, противоречит самой сути конституционной гарантии. Необходимо ввести четкий стандарт информирования: в зонах действия биометрических систем должны размещаться хорошо видимые предупреждающие знаки, а любому лицу должно быть гарантировано право отказаться от взаимодействия с биометрической системой в пользу альтернативных, менее инвазивных способов идентификации. Например, при входе в метрополитен гражданин должен иметь реальную возможность пройти через турникет по обычному проездному билету, не предоставляя биометрических данных.

Четвертый механизм — применение критерия технологической нейтральности как оценочного стандарта. Государство, внедряя биометрические системы, должно доказать, что менее инвазивные способы достижения той же цели безопасности (усиление патрулирования, повышение освещенности, тревожные кнопки) неспособны обеспечить сопоставимый уровень защиты. Примером несоразмерного ограничения может служить установка камер с функцией распознавания лиц в городских парках под предлогом предотвращения вандализма, когда достижение той же цели возможно путем улучшения освещения и организации регулярных полицейских патрулей.

Проведенное исследование подтверждает, что существующая модель биометрической идентификации, основанная на логике тотального сбора данных, порождает несоразмерное вмешательство в сферу частной жизни. Если данное право гарантировано Конституцией, но его реализация сопряжена с риском постоянного негласного наблюдения и отсутствием реального выбора, оно остается пустой формальностью. Отвлеченная цель обеспечения безопасности не может быть важнее реального ущемления конституционного права на частную жизнь для миллионов граждан. Как свидетельствуют исследования, в частности работы Ю.С. Меркуловой [7], подобные регулятивные модели вызывают устойчивый «охлаждающий эффект», де-факто лишая граждан выбора и затрудняя реализацию фундаментальных прав. Выходом из сложившейся ситуации является не полный отказ от технологического прогресса, а создание соразмерной, многоступенчатой системы, основанной на ясных критериях допустимости вмешательства в частную жизнь, строгом целевом ограничении использования

биометрии, реальном информированном согласии и эффективной судебной защите прав граждан. Предложенная трехуровневая модель с описанными законодательными механизмами способна вернуть конституционному праву на неприкосновенность частной жизни его действительный, а не только декларированный смысл.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – 4 июля (№ 144).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.
3. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1 (ч. 1). – Ст. 16.
4. Чельшева Н.Ю. Проблемы защиты прав граждан при использовании технологий распознавания лиц органами государственной власти / Н.Ю. Чельшева // Право и цифровая экономика. – 2023. – № 4. – С. 31–40.
5. Митянов З.О. Ограничения публично-правовой защиты биометрии в рамках единой биометрической системы / З.О. Митянов // Сибирский юридический вестник. – 2025. – № 3 (110). – С. 34–39.
6. Баннов А.В. Биометрические данные как новый вызов для законодательства: безопасность и права человека / А.В. Баннов // Молодой ученый. – 2025. – № 24 (575). – С. 318–320.
7. Меркулова Ю.С. Проблемы биометрического контроля и конституционной неприкосновенности частной жизни / Ю.С. Меркулова // Молодой ученый. – 2025. – № 51 (602). – С. 566–569.
8. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. – 2016. – L 119. – P. 1–88.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.05.2018 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина А.И. Попова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 4.
10. Venice Commission. Report on a Rule of Law and Human Rights Compliant Regulation of Spyware, adopted by the Venice Commission at its 141st Plenary Session (Venice, 6-7 December 2024). – CDL-AD(2024) 043-e.

УДК 342.729

ПРАВО ПУБЛИЧНЫХ МИРНЫХ СОБРАНИЙ КАК ФОРМА НАРОДОВЛАСТИЯ

Курмангалиева Асель Ералыевна

студентка 3 курса

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется конституционное право граждан Российской Федерации на мирные публичные собрания как форма непосредственного народовластия. Анализируются существующие доктринальные подходы к пониманию данного института, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ. Обосновывается вывод о том, что сложившееся узкое толкование этого права преимущественно как инструмента политического протеста не соответствует его универсальной природе. На основе статистических данных демонстрируется многообразие социально позитивных целей публичных мероприятий. В связи с этим предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования, направленные на стимулирование неконфликтных форм публичной активности.

Ключевые слова: право на мирные публичные собрания, народовластие, прямая (непосредственная) демократия, публичные мероприятия, социально позитивные цели, неконфликтные формы публичной активности, конституционно-правовое регулирование, гражданское общество.

THE RIGHT OF PUBLIC PEACEFUL ASSEMBLY AS A FORM OF DEMOCRACY

Kurmagalieva Asel Yeralyevna

3rd year student

Orenburg Institute (branch) of the Kutafin University (MSAL)

Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the constitutional right of citizens of the Russian Federation to peaceful public assemblies as a form of direct democracy. The existing doctrinal approaches to understanding this institution, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, are analyzed. The author substantiates the conclusion that the current narrow interpretation of this right primarily as an instrument of political protest does not correspond to its universal nature. Based on statistical data, the variety of socially positive goals of public events is demonstrated. In this regard, measures are proposed to improve legal regulation aimed at stimulating non-conflicting forms of public activity.

Keywords: the right to peaceful public assembly, democracy, direct democracy, public events, socially positive goals, non-conflicting forms of public activity, constitutional and legal regulation, civil society.

Право на мирные публичные собрания является одним из фундаментальных элементов современного демократического общества. В Российской Федерации данное право получило закрепление в статье 31 Конституции РФ, которая гласит: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование» [1]. Указанная конституционная норма формирует правовую основу реализации гражданами одной из форм непосредственной (прямой) демократии, обеспечивая возможность публичного выражения коллективного мнения и обсуждения социально значимых интересов.

Более детально признаки и формы публичных мероприятий закреплены в статье 2 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». В соответствии с ним публичным мероприятием признается «открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств» [2]. Целью проведения мирных собраний является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны.

В российской юридической доктрине данный институт традиционно рассматривается в контексте народовластия. Так, С.А. Авакьян рассматривает право на публичные мероприятия как «один из институтов непосредственной (прямой) демократии, позволяющий гражданам осуществлять свою власть без посредничества представительных органов» [4]. В рамках этого подхода публичное собрание выступает не просто способом выдвижения требований, а является прямым действием граждан, легитимирующим коллективное волеизъявление. Д.В. Гаглов понимает под институтом публичных мероприятий «общественную деятельность с целью формирования позиций по главным вопросам социальной, экономической, политической сферы государства» [5], тем самым подчёркивая, что граждане не только выражают уже сложившееся мнение, но и вырабатывают его в ходе обсуждения друг с другом. Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин исходят из иного понимания: «посредством свободы собраний граждане воздействуют на процессы управления государством» [6]. Публичное мероприятие выступает легальным каналом влияния на решения органов власти - независимо от того, идёт ли речь о критике или поддержке.

Несмотря на различия в подходах, все названные авторы сходятся в том, что право на мирные собрания имеет публично-властную природу и служит формой реализации народовластия. Однако именно из этого положения вытекает основная теоретическая проблема - это устойчивое отождествление конституционной сущности данного права исключительно с инструментарием политического протеста (митингом оппозиции, шествием с политическими лозунгами, публичной демонстрацией недовольства действиями властей). В действительности же природа собрания как формы народовластия гораздо шире.

По своей природе публичное собрание является одной из прямых (непосредственных) форм народовластия, позволяющей гражданам осуществлять свою власть без посредничества представительных органов. Более того, право на собрания формирует особое коммуникативное пространство, где граждане перестают быть изолированными «избирателями» и превращаются в

коллективного субъекта - народ. Сам факт совместного присутствия в публичном пространстве и коллективного обсуждения значимых вопросов порождает общую волю, не равную простой совокупности индивидуальных позиций. К тому же потребности и интересы граждан многообразны и далеко не всегда имеют лишь политическое измерение. С равным основанием предметом публичного собрания могут выступать вопросы местного значения (благоустройство территории, организация досуга), экологические проблемы (защита парка от застройки), социальные инициативы (сбор средств на лечение) или культурные события.

Как справедливо отмечает А.В. Саленко, свобода мирных собраний имеет особую важность как «субъективное право, которое может быть реализовано меньшинством» [7]. Публичное собрание не обязательно должно выражать позицию большинства или требования оппозиции. Напротив, оно может быть способом самовыражения любой группы граждан, объединённой общей идеей - решением климатических проблем, популяризацией народных традиций, ремёсел, проведением донорских акций. Тем самым ценность права на собрания определяется не его протестным потенциалом, а способностью обеспечивать реальное публичное присутствие и коллективное действие для любых социально значимых целей.

Масштаб реализации данного права подтверждается статистическими данными. По итогам заседания Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики, в 2025 году учреждениями культуры, спорта, молодежной политики, образовательными организациями, ведомствами и другими структурами по всей стране проведено более 1 млн 827 тыс. публичных мероприятий. При этом только в культурно-досуговых учреждениях России (более 36 тыс.) за прошедший период года состоялось 6,6 млн культурно-массовых мероприятий, которые посетили почти 30 млн человек.

В качестве наглядного примера социально позитивного публичного мероприятия может служить ежегодная всенародная акция памяти «Бессмертный полк», проводимая в Российской Федерации. С юридической точки зрения это мероприятие соответствует всем критериям публичного собрания: оно мирное, массовое, организованное, проводится в общественных местах с уведомлением властей. Однако его целевая направленность принципиально иная, нежели у протестного митинга. Вместо выражения недовольства или выдвижения политических требований «Бессмертный полк» выполняет патриотические, объединяющие и воспитательные функции. Цель акции - сохранение памяти о ветеранах, демонстрация уважения к их подвигу, объединение поколений вокруг Дня Победы и вовлечение молодежи в историю страны через личное участие. Таким образом, не каждое публичное собрание граждан имеет исключительно политический характер.

Значимость свободы мирных собраний как формы народовластия неоднократно подчёркивалась и в решениях Конституционного Суда РФ. В постановлении от 17.05.2021 № 19-П закреплено, что «право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование является одним из основополагающих и неотъемлемых элементов правового статуса личности в России как демократическом правовом государстве» [3]. Реализуя предоставленное право, граждане оказывают влияние на деятельность органов публичной власти посредством поддержания цивилизованного мирного диалога между гражданским обществом и государством. Именно в этом диалогическом понимании и раскрывается подлинная ценность права на собрания - как механизма, позволяющего различным социальным группам (не только оппозиции, но и любым объединениям граждан) быть услышанными и участвовать в решении общезначимых вопросов без посредников. Тем самым Конституционный Суд фактически подтверждает, что мирные собрания являются не просто инструментом выражения недовольства, а универсальной формой прямой демократии, пригодной для самых разных целей.

Для преодоления сложившегося узкого толкования права публичных мирных собраний считаем необходимым дополнить статью 2 Федерального закона от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» открытым перечнем неконфликтных, социально позитивных целей. К таковым относятся: мемориальные, патриотические, культурно-просветительские, экологические, а также благотворительные и иные социальные цели. Кроме того, целесообразно предусмотреть упрощенный уведомительный порядок для мероприятий, заведомо не обладающих политическим потенциалом, в частности сократив сроки уведомления до 5-7 дней и освободив организаторов от излишних административных формальностей.

Предложенные меры не требуют коренной реформы правового регулирования. Однако несмотря на точечный характер изменений, они позволяют законодательно закрепить понимание публичного

собрания как универсальной, а не исключительно протестной формы народовластия, что в дальнейшем устранил существующее противоречие между узким правоприменительным толкованием и реальным многообразием гражданских инициатив.

Таким образом, право на мирные публичные собрания по своей конституционной природе является одной из ключевых форм непосредственного народовластия. Оно обеспечивает гражданам возможность коллективного присутствия в публичном пространстве, выработки общей воли и воздействия на управление государством без посредничества представительных органов. Многообразие целей и форм публичных мероприятий (от собраний и митингов до шествий и пикетирований) позволяет использовать данный институт не только для выражения политических требований, но и для решения многих позитивных общественно значимых задач. Именно в способности быть каналом мирного диалога между гражданским обществом и государством, а также в обеспечении права голоса для любых социальных групп (включая меньшинства) раскрывается подлинная ценность свободы мирных собраний как фундаментального элемента демократического правового государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2021 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 21. – Ст. 3682.
4. Авакьян С.А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. – 7-е изд. – Москва : Норма, 2021.
5. Гаглоев Д.В. Конституционно-правовое регулирование института публичных мероприятий в Российской Федерации и странах Европы на современном этапе: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2015.
6. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право : учебник для средних профессиональных учебных заведений. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрист, 2007.
7. Кравец И.А., Саленко А.В. Свобода мирных собраний и идея народных ассамблей как элементы коммуникативного конституционализма и непосредственного народовластия // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 512.

УДК 342

ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Лукашова София Леонидовна

студент

Ратовская Наталья Валентиновна

преподаватель

Колледж права имени Н.С. Киселевой, Россия, г. Москва

Аннотация. В статье анализируется правовой статус адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве РФ. Рассматриваются теоретические подходы к его роли, практические проблемы реализации полномочий на досудебной и судебной стадиях, включая адвокатский запрос, участие в допросе, отказ от защитника и оценку качества юридической помощи.

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, защитник.

THE INSTITUTE OF ADVOCACY IN THE RUSSIAN FEDERATION: ISSUES OF EXERCISING DEFENSE COUNSEL'S POWERS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sofia Leonidovna Lukashova

student

Natalia Valentinovna Ratovskaya

lecturer

N.S. Kiseleva College of Law, Russia, Moscow

Abstract. This article analyzes the legal status of defense counsel in criminal proceedings in the Russian Federation. It examines theoretical approaches to their role, practical issues of exercising their powers at the pre-trial and trial stages, including attorney requests, participation in interrogation, refusal of counsel, and assessment of the quality of legal assistance.

Keywords: advocacy, attorney, defense counsel.

Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ) в уголовном процессе реализуется через институт адвокатуры. На уголовные дела приходится около 40% от ежегодно оказываемых адвокатами более 5 миллионов услуг. Однако правоприменительная практика фиксирует проблемы: более 60% адвокатов испытывают сложности, а каждый третий сталкивается с необоснованным недопуском к участию в деле.

В науке сложились две концепции статуса защитника: как представителя обвиняемого и как автономного субъекта. Наиболее обоснована компромиссная позиция: адвокат - самостоятельный участник процесса, но его деятельность строится на доверии и согласовании с подзащитным. Защитник вправе обжаловать приговор вопреки желанию осужденного, если усматривает нарушения закона, но не может занимать позицию, противоречащую интересам доверителя.

С 2017 года упрощён порядок допуска адвоката к делу (ч. 4 ст. 49 УПК РФ): достаточно удостоверения и ордера. Основные полномочия закреплены в ст. 53 УПК РФ: свидание с подзащитным, сбор доказательств, участие в следственных действиях, заявление ходатайств.

Острая проблема досудебной стадии - адвокатский запрос (п. 3 ч. 1 ст. 6 Закона об адвокатуре). Установленный 30-дневный срок ответа противоречит динамике расследования (общий срок следствия - 2 месяца). К моменту получения ответа следственные действия нередко завершены, что создаёт барьеры для защиты.

Вторая проблема - участие защитника в допросе. Согласно ч. 2 ст. 53 УПК РФ, адвокат вправе давать краткие консультации, однако следователи часто трактуют это как «подсказывание». Отсутствие чётких критериев порождает конфликт. Присутствие адвоката в первые 24 часа после задержания критически важно.

С апреля 2017 года ч. 2.1 ст. 159 УПК РФ запрещает отказывать защитнику в участии в следственных действиях по его ходатайству, что усилило позиции стороны защиты.

Статья 52 УПК РФ закрепляет право отказа от защитника. Постановление Пленума ВС РФ № 8 от 31.10.2019 различает полный отказ и отказ от конкретного адвоката. Во втором случае при неэффективной работе адвоката обязаны обеспечить замену. Вынужденный отказ не является злоупотреблением правом.

Обязательное участие защитника предусмотрено ст. 51 УПК РФ (несовершеннолетние, физические или психические недостатки, невладевание языком, особый порядок, наказание свыше 15 лет). Отсутствие защитника в этих случаях - основание для отмены приговора.

Защита несовершеннолетних имеет особенности: обязательный защитник, законный представитель (ст. 426 УПК РФ), педагог или психолог (ст. 425 УПК РФ), ограничение времени допроса (до 1 часа для детей до 14 лет, до 2 часов - до 16 лет).

В судебном разбирательстве адвокат действует в условиях состязательности: заявление ходатайств (ст. 119-122 УПК РФ), допрос свидетелей (ст. 278-282 УПК РФ), выступление в прениях (ст. 292 УПК РФ), обжалование (ст. 389.1 УПК РФ). Защитник выступает последним в прениях.

Проблемной остаётся оценка качества юридической помощи: суды часто применяют формальный подход. Так например, в деле М.О. Ефремова суд отклонил жалобу, указав на согласие подсудимого с позицией адвоката.

В решении Верховного Суда РФ подчёркнуто, что игнорирование ходатайств о замене недобросовестного адвоката нарушает право на защиту.

Таким образом, адвокатура в РФ выполняет значимую правозащитную функцию. Сохраняются проблемы: длительный срок ответа на адвокатский запрос, неурегулированность привлечения специалиста, формальный подход судов к оценке качества помощи. Их решение необходимо для полноценной реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.05.2026)
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.05.2026)
3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024). // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30428961&pos=5;156 (дата обращения 13.05.2026)
5. Евсеенко Т.П. Институт адвокатуры как основной правозащитный институт в РФ // Вестник Удмуртского университета. - 2017. - № 27. - С. 121-122.
6. Карханина А.А. Статус адвоката в современной России // Вопросы науки и образования. - 2018. - № 2. - С. 71-72.
7. Мельников В.Ю. Значение участия защитника в уголовном процессе // Адвокатская практика. - 2018. - № 2. - С. 29-30.

НАСЛЕДОВАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Матвеев Игорь Константинович

студент 2 курса бакалавриат

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. Постоянно расширяющийся процесс цифровизации ставит перед наукой наследственного права вопрос о расширении объектов наследования. Появляющиеся в процессе цифровизации объекты – цифровые права, криптовалюты, аккаунты в социальных сетях и другие – требуют надлежащего правового регулирования с точки зрения правопреемства.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое наследство, наследование, наследственное право

INHERITANCE IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Matveev Igor Konstantinovich

2nd year bachelor's student

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The ever-expanding process of digitalization poses to the science of inheritance law the question of expanding the objects of inheritance. The objects that appear in the process of digitalization – digital rights, cryptocurrencies, social media accounts, and others – require proper legal regulation in terms of succession.

Keywords: digitalization, digital inheritance, inheritance, inheritance law

Несмотря на то, что наследственное право считается одной из наиболее консервативных сфер правового регулирования, полностью абстрагироваться от влияния цифровых технологий не представляется возможным. Присущая консервативность наследственному законодательству Российской Федерации в значительной степени препятствует правильному разрешению все чаще и чаще возникающих в правоприменительной практике спорных ситуаций, связанных с распоряжением цифровыми объектами.

Фактическая имущественная ценность этой группы объектов, их объективное существование влекут за собой возникновение определенных прав и обязанностей у тех лиц, которые ими обладают. В этой связи перед современной наукой наследственного права достаточно остро становится вопрос включения в рамки правового поля цифровых объектов наследственного правопреемства (аккаунты в социальных сетях, криптовалюта и цифровые финансовые активы, NFT, игровые профили,

внутриигровые предметы, цифровые книги, блоги, цифровые двойники⁶⁸ и др.).

Гражданско-правовая теория до появления «цифровых» объектов не знала серьезных споров об объектах наследственного правопреемства. Ведутся дискуссии о возможности перехода по наследству отдельных прав и обязанностей, но не подлежит сомнению принцип, по которому имущественные права включаются в наследственную массу, а неимущественные – нет⁶⁹.

Это традиционное для частного права правило закреплено в ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁷⁰: в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. При этом права, неразрывно связанные с личностью, личные неимущественные права и другие нематериальные блага в состав наследства не входят.

На основании толкования указанных норм общепризнано, что имущественные права для вхождения в наследственную массу должны отвечать следующим требованиям. Во-первых, принадлежность возможному наследодателю на момент открытия наследства. Во-вторых, отсутствие связи с личностью потенциального наследодателя. В-третьих, переход по наследству таких прав не запрещен законом.

Действующее гражданское законодательство предусматривает единственную норму, касающуюся цифровых прав – статью 141.1 ГК РФ⁷¹. В ней приводится их нормативное определение. Однако с точки зрения юридической техники ее следует признать несовершенной, поскольку она не исключает широкого толкования.

На современном этапе общественного развития широко распространены аккаунты в социальных сетях. Аккаунт в социальной сети аккумулирует в себе личный интеллектуальный потенциал его владельца; аудиторию, отличающуюся количественными и качественными показателями. В совокупности перечисленные свойства аккаунта позволяют его монетизировать. Таким образом цифровой объект трансформируется в цифровой актив.

Нередкими в настоящее время являются случаи совершения сделок с аккаунтами. Это становится возможным, в том числе, и по той причине, что аккаунт в социальной сети – есть способ организации ведения бизнеса. Это еще раз позволяет подчеркнуть имущественный характер, ценность этого цифрового объекта.

Сложность включения любого цифрового объекта, в том числе, аккаунта в социальной сети, в наследственное законодательство связана со сложностью его правовой природы. Дело в том, что в данном случае возникает вопрос о возможности признания аккаунта в качестве объекта интеллектуальной собственности. К решению этого вопроса следует подходить осмысленно.

При урегулировании вопроса о признании аккаунта в социальной сети объектом наследования не следует исключать решение проблем, связанных с охраной тайны переписки и тайны частной жизни; защитой личных данных и частной жизни.

Нередкими бывают случаи, когда гражданин использует несколько аккаунтов в социальных сетях, при этом регистрируясь под различными именами. Это обстоятельство также является проблематичным с точки зрения наследственного законодательства, поскольку открытым остается вопрос идентификации наследодателя.

Осложняет решение рассматриваемой проблемы и то обстоятельство, что социальная сеть, в рамках которой создается аккаунт, может находиться в юрисдикции иностранного государства. Негативным последствием этого становятся трудности в установлении связи.

В научной литературе предлагаются различные варианты решения проблемы по включению цифровых объектов в рамки наследственных правоотношений. Так, например, В.О. Байдаева указывает на необходимость передачи в порядке наследственного правопреемства⁷². Она ссылается на позитивный опыт зарубежных стран и полагает целесообразным заимствовать практику Германии. Законодательство

⁶⁸ Махиня А.С., Хаерова К.Ю., Залавская О.М. Цифровые двойники и наследственное право к вопросу о судьбе виртуального имущества после смерти пользователя // Наука через призму времени. 2026. № 06 (111).

⁶⁹ Волос А.А. Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 54
⁷⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4933.

⁷¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2025. № 31. Ст. 4669.

⁷² Байдаева В. О. Цифровые активы как объект наследственного правопреемства в современном мире: вопросы и пути решения // Наследственное право. 2022. № 1. С. 2.

этой страны предполагает распространение на цифровые объекты норм и правил об активах материального мира. Нотариальная практика исходит из рекомендации о хранении всех логинов и паролей на одном носителе, который, в свою очередь, также имеет свой пароль – основной, главный. Последний находится на ответственном хранении у нотариуса.

Такое правовое регулирование предполагает свободу действий со стороны наследодателя. Он может отразить в завещании перечень наследников, объем подлежащих наследованию цифровых объектов.

На то, что «сформирован общественный запрос на регулирование отношений в цифровой среде на случай смерти средствами наследственного права»⁷³ указывают О.М. Залавская, С.В. Авдеев, которые предлагают: «Во-первых, требуется закрепить общегражданскими нормами признание неоднородности имущественных цифровых прав, среди которых аккаунты в социальных сетях должны признаваться объектом интеллектуальной собственности подобно личным дневникам, мемуарам. Во-вторых, предлагаем дополнить Раздел V ГК РФ «Наследственное право» нормами, в которых в качестве специальных объектов поименованы аккаунты в социальных сетях. В-третьих, поскольку считаем разумным на примере Испании, разработать отдельный нормативный правовой акт, который бы регулировал порядок предоставления наследникам доступа к аккаунтам в различных социальных сетях»⁷⁴.

Законодательство зарубежных стран учитывает и иные права наследодателя. В частности, право на тайну переписки. И с этой точки зрения предусмотренный механизм наследования цифровых объектов в наибольшей степени соответствует принципу соблюдения прав и свобод умершего гражданина.

Также одним из обсуждаемых вопросов в области наследования цифровых объектов является вопрос о возможности отнесения к числу таковых криптовалюты. С введением в действие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷⁵ криптовалюта в России признан имуществом, однако ее использование в качестве средства платежа не допускается. Кроме того, до настоящего времени не выработан механизм передачи криптовалюты наследникам, а также порядка передачи доступа к ней наследникам. Основная сложность заключается в том, что без частных ключей цифровые активы могут быть безвозвратно утеряны.

В юридической науке активно обсуждаются предложения по совершенствованию правового регулирования в данной области⁷⁶. Подчеркивается необходимость законодательного закрепления обязанности владельцев криптоактивов заранее определять порядок их наследования с помощью специального цифрового завещания, содержащего сведения о ключах доступа и инструкциях по распоряжению активами после смерти владельца. Также предлагается расширить компетенцию нотариальных органов, предоставив нотариусам право удостоверять факт владения криптовалютой и обеспечивать законную передачу цифровых средств наследникам.

Анализ опыта других государств показывает, что при условии грамотного правового регулирования возможно соблюсти равновесие между необходимостью защиты частных данных и реализацией прав наследования. Представляется необходимым законодательно закрепить право граждан при жизни устанавливать правила управления своими цифровыми активами, в частности, определять круг лиц, которым может быть предоставлен доступ к этим данным после их смерти. Вместе с тем, нужно разработать и внедрить правовой механизм, позволяющий наследникам на законных основаниях получать доступ к цифровому имуществу умершего.

Таким образом, можно констатировать, что на настоящий момент унифицированный подход к правовому регулированию вопросов наследования цифровых объектов отсутствует. По нашему мнению, цифровые объекты характеризуются имущественной природой и вследствие этого, безусловно, могут быть признаны наследственным имуществом. Полагаем, что проблема наследования цифровых объектов требует своего скорейшего разрешения. При этом основу механизма их введения в состав наследственной массы должен составлять комплексный подход, учитывающий специфику сложившегося правового

⁷³ Залавская О.М., С.В. Авдеев Цифровые права в наследственных правоотношениях: наследование аккаунтов в социальных сетях // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2023. № 2(56). С. 93.

⁷⁴ Там же, с. 93.

⁷⁵ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 15 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018; 2025. № 51. Ст. 7985.

⁷⁶ Очирова П.И., Степаненко А.С. Наследование криптовалюты: особенности и проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 10. – С. 198.

регулирования наследственного правопреемства с одновременным внедрением в него технических параметров.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 15 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
4. Байдаева, В. О. Цифровые активы как объект наследственного правопреемства в современном мире: вопросы и пути решения / В. О. Байдаева // Наследственное право. – 2022. – № 1. – С. 2-4.
5. Волос, А.А. Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства / А.А. Волос // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3. – С. 51-71.
6. Залавская О. М. Цифровые права в наследственных правоотношениях: наследование аккаунтов в социальных сетях / О. М. Залавская, С. В. Авдеев // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2023. – № 2(56). – С. 90-95
7. Махиня, А.С. Цифровые двойники и наследственное право к вопросу о судьбе виртуального имущества после смерти пользователя / А.С. Махиня, К.Ю. Хаерова, О.М. Залавская // Наука через призму времени. – 2026. – № 06 (111).
8. Очирова, П.И. Наследование криптовалюты: особенности и проблемы / П.И. Очирова, А.С. Степаненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 10. – С. 198-199.

УДК 347.6

**ЦИФРОВЫЕ ДВОЙНИКИ И НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ
ВИРТУАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА ПОСЛЕ СМЕРТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ**

Махиня Александра Сергеевна

студентка 2 курса, «Юриспруденция»

Хаерова Кристина Юрьевна

студентка 2 курса, «Юриспруденция»

Залавская Ольга Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук

Оренбургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина», Россия, г.Оренбург

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых проблем, возникающих в связи с наследованием цифровых двойников - персонализированных виртуальных аватаров, аккумулирующих биографические, поведенческие и интеракционные данные пользователя. Рассматриваются пробелы действующего наследственного законодательства и законодательства о персональных данных, которые не позволяют однозначно квалифицировать цифровые двойники в качестве наследуемого имущества. Выявляются практические трудности и риски для наследников, включая утрату доступа к аккаунтам, отсутствие механизмов передачи ключей шифрования, сложности идентификации и стоимостной оценки таких активов, а также коллизии между наследственными правами и требованиями защиты персональных данных. На основе сравнительного анализа международного и российского опыта автором обосновывается необходимость создания специального правового режима «*suigeneris*» для цифровых двойников, комбинирующего элементы имущественных и личных неимущественных прав. Предлагается интеграционная модель регулирования, включающая критерии отнесения цифровых двойников к наследуемому имуществу, процедуры индивидуальной идентификации, методы оценки нематериальных компонентов, механизмы волеизъявления через электронные завещания, а также правила доступа наследников и распределения ответственности между правопреемниками и цифровыми платформами. В заключение формулируются перспективы развития законодательства в сфере цифрового наследия и необходимость международной гармонизации подходов.

Ключевые слова: цифровые двойники, виртуальное имущество, цифровое наследие, наследственное право, наследование цифровых активов.

DIGITAL TWINS AND INHERITANCE LAW ON THE FATE OF VIRTUAL PROPERTY AFTER THE DEATH OF THE USER

Makhinya Alexandra Sergeevna

second-year student

Khaerova Kristina Yurievna

second-year student

Zalavskaya Olga Mikhailovna

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private Law Sciences

Orenburg Institute (branch) of the «Moscow State Law University», named after O.E. Kutafin,
Russia, Orenburg

Abstract. The article is devoted to the study of legal problems arising in connection with the inheritance of digital twins - personalized virtual avatars that accumulate biographical, behavioral and interactive user data. The gaps in the current inheritance legislation and legislation on personal data are considered, which do not allow unambiguously classifying digital twins as inherited property. Practical difficulties and risks for heirs are identified, including loss of access to accounts, lack of encryption key transfer mechanisms, difficulties in identifying and valuing such assets, as well as conflicts between inheritance rights and personal data protection requirements. Based on a comparative analysis of international and Russian experience, the author substantiates the need to create a special legal regime "suigeneris" for digital twins, combining elements of property and personal non-property rights. An integration model of regulation is proposed that includes criteria for classifying digital twins as inherited property, individual identification procedures, methods for evaluating intangible components, mechanisms for expressing will through electronic wills, as well as rules for access of heirs and the distribution of responsibility between legal successors and digital platforms. In conclusion, the prospects for the development of legislation in the field of digital heritage and the need for international harmonization of approaches are formulated.

Keywords: digital twins, virtual property, digital heritage, inheritance law, inheritance of digital assets.

В современном мире цифровые двойники, выходя за рамки простых наборов данных, трансформируются в персонализированные виртуальные аватары, которые аккумулируют обширный спектр биографической, поведенческой и интеракционной информации о пользователе. Эти сущности обладают уникальной динамической способностью к эволюции и хранению ценностных характеристик, охватывающих информационный, репрезентативный и культурный аспекты. Таким образом, цифровые двойники приобретают качественно иной статус в сравнении с традиционными цифровыми объектами, становясь значимым элементом виртуального мира [4, С. 47].

Ключевая проблематика настоящего исследования обусловлена существующим нормативным вакуумом: отсутствие чёткого правового определения и разработанных процедур наследования цифровых двойников порождает значительные практические трудности. Это включает проблемы идентификации, адекватной оценки и эффективной передачи таких активов, которые усугубляются их постмортальной способностью к дальнейшей эволюции и глубокой зависимостью от конкретных платформ. Данная ситуация ставит под сомнение традиционные представления о правопреемстве и надлежащей охране интересов наследников в цифровой среде [5, С.15]. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена реальными рисками и потенциальными социально-правовыми последствиями, которые простираются от безвозвратной утраты уникальных цифровых следов до возникновения конфликтных ситуаций между наследниками. Кроме того, возникают вопросы перераспределения ответственности между правопреемниками и цифровыми платформами в условиях трансграничной среды [6, С.3]. Это делает необходимым системное и всестороннее осмысление данной проблематики для обеспечения правовой определённости и надёжной защиты нематериальных ценностей в постмортальном пространстве интернета. Исходя из выявленных противоречий и потенциальных рисков, основной целью данного исследования является разработка комплексной правовой модели, способной обеспечить эффективную интеграцию цифровых двойников в институт наследования.

Цифровой двойник представляет собой персонализированный виртуальный аватар, аккумулирующий биографические, поведенческие и сенсорные данные пользователя и одновременно функционирующий как представление личности и как агрегат данных для аналитики [7, С. 63]. В его составе находятся зафиксированные жизненные события, шаблоны поведения, предпочтения и сигналы с датчиков, которые совместно формируют репрезентацию субъекта в цифровой среде. Такой аватар используется для интерактивной коммуникации, прогнозирования действий и адаптивного предоставления сервисов, что делает его одновременно инструментом репрезентации и источником ценной информации [8, С.27]. Ключевые сущностные признаки цифровых двойников включают непрерывную динамичность и адаптивность, обуславливаемую механизмами машинного обучения, что обеспечивает постоянное обновление поведения и представления аватара. Высокая степень персонализации делает такие объекты глубоко индивидуализированными, тогда как платформенная зависимость определяет распределённость накопленных данных и их привязку к конкретным сервисам и инфраструктурам. Способность к постмортальной эволюции возникает вследствие автоматизированных алгоритмических обновлений, которые поддерживают функционирование и модификацию аватара после смерти пользователя [8, С.24]. В совокупности эти признаки отличают цифровые двойники от традиционных цифровых активов и создают специфические проблемы идентификации, контроля доступа и наследования.

Цифровые двойники характеризуются уникальной связкой идентификаторов и профилей пользователя, что обеспечивает высокую степень персонализации и привязки к конкретному физическому субъекту. Одновременно они обладают возможностью репликации и модификации, поскольку цифровые представления могут копироваться, клонироваться и эволюционировать во времени под воздействием данных и алгоритмов. Правовой статус таких объектов носит смешанный характер: сочетаются элементы частной собственности, лицензионных ограничений платформ и прав на персональные данные, что формирует сложную совокупность правовых режимов [9, С.248]. Ценность цифровых двойников складывается из нескольких взаимосвязанных измерений, включая экономическую - как рыночную и транзакционную стоимость, обусловленную спросом на персонализированные сервисы и коммерческое использование данных [10, С.5]. Информационная составляющая представляет собой агрегированную персональную информацию, которая обладает ценностью для аналитики, монетизации и продолжения пользовательского поведения в цифровой среде. Репрезентативная ценность связана с восприятием личности и репутацией в онлайн, а культурная - с сохранением цифрового наследия и символическим значением виртуального образа для общества [11, С.108]. Эти измерения определяют правовые последствия при наследовании, влияя на критерии идентификации выгодоприобретателей, режимы доступа к объекту и уровни защиты приватности.

Существующие категории наследственного права - понятия «вещь», «имущественное право» и объект интеллектуальной собственности - служат исходной базой для квалификации наследуемых благ. Согласно ст. 1112 Гражданского кодекса РФ, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности [1]. Однако цифровой двойник сочетает в себе персональные данные, алгоритмические модели и элементы пользовательской персонализации, что затрудняет отнесение его к традиционной «вещи» в связи с нематериальной природой и зависимостью от условий платформы [7, С.64]. Институт завещания и институт наследственной трансмиссии формально применимы к цифровым активам, однако их эффективность ограничена договорными условиями платформ и технической доступностью учётных данных. Как справедливо отмечают Е.А. Кириллова, Т.Э. Зульфугарзаде и С.Е. Метелёв, «в случаях, когда лицо владеет, например, криптовалютой и не составляет завещания с указанием конфиденциальной информации в виде паролей, логинов, кодов доступа, потенциальные наследники не получают цифровое наследство, так как третьи лица не владеют данной информацией и не могут ее предоставить, а наследники могут и не знать о полном составе наследства. Поэтому следует отметить еще одну особенность цифровых объектов - они наследуются только по завещанию, если наследодатель сообщил всю необходимую информацию для владения цифровыми объектами в своем последнем волеизъявлении» [9, С.250].

В науке гражданского права сформировались два основных подхода к наследованию учётных записей и производных от них виртуальных сущностей, включая цифровых двойников. Как обобщают О.М. Залавская и С.В. Авдеев, первый подход признаёт возможность наследования аккаунта в качестве «виртуального имущества», второй - допускает лишь переход по наследству имущественного

(обязательственного) права на доступ к нему, но не самого аккаунта как единого объекта. Применительно к цифровым двойникам, обладающим динамической природой и постмортальной эволюцией, предпочтительным представляется второй подход с элементами *suigeneris*, поскольку прямой переход «виртуальной личности» может вступать в противоречие с личными неимущественными правами умершего.

Пересечение наследственных прав с нормами защиты персональных данных создаёт отдельные правовые барьеры при передаче учётных данных и контента, поскольку распространение персональной информации часто требует согласия субъекта данных. В соответствии со ст. 5 Федерального закона «О персональных данных» обработка персональных данных умершего лица возможна только с согласия наследников, однако сам объём такого согласия чётко не определён [2]. Режим персональных данных умершего остаётся предметом правовых коллизий, что напрямую влияет на компетенцию наследников и возможность законного распоряжения цифровым двойником [12, С.130]. Идентификация цифрового двойника как самостоятельного объекта наследования требует установления совокупности критериев, включающих уникальные идентификаторы, сопутствующие метаданные, доказательства права доступа и чёткую цепочку владения. Комплексный подход к идентификации повышает воспроизводимость доказательной базы в наследственных процессах и снижает риски утраты активов из-за платформенной зависимости [10, С.7]. Методики оценки стоимости цифровых двойников включают сопоставительный рыночный подход, оценку себестоимости создания и учёт утилитарных и нематериальных критериев, таких как репутация и сеть контактов [13, С.40].

Сравнительный анализ показывает, что международные регуляторные практики варьируются: европейские нормы (Общий регламент о защите данных - GDPR) склонны к защите персональных данных и частичной регламентации доступа, англо-американская практика фокусируется на имущественных и договорных правах, а прецеденты в азиатских юрисдикциях демонстрируют разнообразные подходы к собственности и управлению цифровыми объектами [3]. В российской практике отдельные судебные и административные решения начинают фиксировать необходимость установления критериев идентификации и механик передачи цифровых объектов наследования, однако характерного унифицированного подхода пока не сформировано [12, С.132]. Цифровые двойники тесно зависят от платформенных сервисов, что создаёт риск утраты доступа в случае блокировки аккаунта или удаления данных провайдером. Шифрование персональных данных и отсутствие механизма передачи ключей наследникам лишают последних технической возможности располагать виртуальным имуществом. Такая платформозависимость препятствует реализации имущественных и нематериальных прав наследников, поскольку доступ к функционалу и данным может быть полностью утрачен [6, С.4]. Недостаточность логов и резервных копий затрудняет восстановление функциональной эволюции аватара и установление его качественных характеристик в наследственном процессе. Отсутствие надёжной доказательной базы осложняет подтверждение непрерывности цифровой личности и её ценности перед судом или иными органами [5, С.18].

Квалификация цифровых двойников как вида имущества требует проверки наличия ключевых признаков, таких как экономическая оценимость, возможность отчуждения и способность служить предметом обеспечения исполнения обязательств [13, С.42]. Рассмотрение цифровых двойников как объектов личных неимущественных прав концентрируется на защите приватности, посмертной репутации и запрете коммерческого использования образа умершего. В этом подходе права на личность ограничивают возможность наследников распорядиться цифровым образом, поскольку такие права часто не подлежат полному отчуждению и требуют уважения к воле и интересам субъекта [11, С.110]. Обоснование категории «*suigeneris*» для цифровых двойников предполагает формирование правового режима, комбинирующего элементы имущественных и личных неимущественных прав с учётом их специфики. Введение «*suigeneris*» режима также предполагает необходимость процессуальных гарантий, таких как включение волеизъявления в электронные завещания и регистрация цифровых активов, для минимизации правовой неопределённости и споров [14, С.204].

Как справедливо отмечают О.М. Залавская и С.В. Авдеев, в доктрине обоснованно предлагается подразделять аккаунты (и, по аналогии, цифровые двойники) на «коммерческие» и «некоммерческие» (пользовательские). Первые, обеспечивающие доступ к виртуальной собственности, могут относиться к результатам интеллектуальной деятельности (базам данных), тогда как вторые сами по себе не признаются объектами гражданских прав, однако содержат охраняемую законом информацию (личную, коммерческую тайну). Данный подход имеет прямое значение для наследования цифровых двойников: в

зависимости от их экономической и репрезентативной ценности должен определяться режим перехода прав к наследникам [15, С.91].

Для отнесения цифрового двойника к наследуемому имуществу рекомендуется применять комплекс критериев, включая контроль над идентичностью, экономическую ценность, правовой доступ и наличие лицензионных ограничений. Оценка стоимости должна сочетать количественные методы с экспертной оценкой нематериальных компонентов. Процедуры индивидуальной идентификации и волеизъявления предполагают включение распоряжений о цифровых двойниках в электронные завещания и использование формализованных записей о правах. Регистрация активов и надёжное хранение ключей в сертифицированных депозитариях или у нотариусов создают процессуальные гарантии доступа наследников и минимизируют риски утраты доступа [9, С. 256]. Правила доступа наследников должны предусматривать модель согласованных полномочий, при которой распоряжения осуществляются в рамках коллективного управления или по доверенности одного из наследников с обязательной отчётностью. Платформы обязуются предоставлять доступ наследникам при наличии судебного или нотариального распоряжения.

Направления законодательной эволюции должны включать внедрение специальных норм в Гражданский кодекс РФ, которые бы прямо учитывали специфику цифровых двойников. Гармонизация такого регулирования с международными стандартами защиты персональных прав позволит снизить правовую фрагментацию и повысить предсказуемость при трансграничном обращении цифровых активов. Процессуальные и институциональные гарантии должны включать стандарты регистрационного и оценочного учёта цифровых двойников, механизмы диспозитивного контроля через электронные завещания, а также процедуры разрешения споров между наследниками и платформами [14, С.206].

Цифровые двойники выступают как качественно новая категория виртуального имущества, объединяющая персонализированную информационную матрицу, способность к динамичному развитию и выраженную платформенную зависимость. Их сущностные характеристики - персонализация, динамичность и постмортальная эволюция - отличают их от традиционных цифровых активов и обуславливают одновременно имущественные и нематериальные измерения ценности [8, С.26]. Отсутствие единой и чёткой нормативной квалификации цифровых двойников порождает системные риски, в числе которых утрата доступа наследников, конфликт применимых правовых норм и существенные сложности при стоимостной и нематериальной оценке таких объектов [5, С.19]. На основе сопоставления концептуальных характеристик и выявленных пробелов разработана интеграционная модель регулирования, сочетающая элементы права собственности, персональных прав и «*suigeneris*» режима, включающая чёткие критерии отнесения цифровых двойников к наследуемому имуществу, процедурные механизмы индивидуальной идентификации и передачи прав [10, С.12]. Практическая реализация предложенной модели требует внедрения процессуальных гарантий: возможности волеизъявления в электронной форме, создания реестров цифровых активов, прозрачных правил доступа и механик распределения ответственности между субъектами.

Список литературы:

Нормативные правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 49. - Ст. 4552.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3451.
3. Регламент Европейского парламента и Совета ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г. «Общий регламент о защите данных» (GDPR) // Official Journal of the European Union. - 2016. - L 119. - P. 1-88.

Научная литература

4. Тархов С.В., Тархова Л.М., Назарова Ю.Р. Цифровые двойники человека и личности в организационных системах // Современные наукоемкие технологии. - 2025. - № 3. - С. 47-51.
5. Корнев А.В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - № 9. - С. 11-20.
6. Ахвердиева В.В. Риски развития цифровых финансовых активов (ЦФА) и зарубежный опыт их регулирования: анализ неустрашимых вызовов // Международный научно-исследовательский журнал. - 2025. - № 10. - С. 1-5.
7. Богун С.А. Проблемы правовой природы цифровых двойников // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». - 2023. - № 2. - С. 62-66.

8. Назарова Ю.В. Социально-философские основания актуальных проблем искусственного интеллекта // Научное мнение. - 2023. - № 12. - С. 22-27.
9. Кириллова Е.А., Зульфагарзаде Т.Э., Метелёв С.Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. - 2022. - № 1. - С. 245-256.
10. Плоцких Д.В., Тышко А.В., Котляров В.Д. и др. Проблемы правового регулирования и перспективы развития NFT в России и за рубежом // Вестник евразийской науки. - 2025. - № 6. - С. 1-14.
11. Савушкина М.А. Этико-философские аспекты цифровой танатологии // Философия и общество. - 2024. - № 1. - С. 104-113.
12. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - № 2. - С. 128-134.
13. Гаврилова Э.Н., Слаутина Э.Д. Рынок цифровых финансовых активов в России: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. - 2025. - № 2. - С. 37-46.
14. Юрченко И.А. Правовое регулирование проблемы «цифрового бессмертия»: проблемы определения в уголовном законодательстве // Вопросы российского и международного права. - 2024. - № 3. - С. 201-207.
15. Залавская О.М., Авдеев С.В. Цифровые права в наследственных правоотношениях: наследование аккаунтов в социальных сетях // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2023. С. 90-93.

УДК 346:336.22:334.012.64

ПЕРЕХОД НА НОВУЮ СИСТЕМУ НАЛОГООБЛАЖЕНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В 2025-2026 ГГ.: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Кузьмина Мария Вячеславовна

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Минибаев Даниил Анварович

студент 4 курса очной формы обучения группы ОИ22-О-СПЕЦ-1

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Россия, Оренбург

Аннотация. Статья посвящена комплексному экономико-правовому анализу перехода субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) на новые условия налогообложения в 2025–2026 годах. В работе исследуются ключевые законодательные новеллы, в частности, последствия вступления в силу Федерального закона от 28.11.2025 № 425-ФЗ, установившего снижение порога доходов для освобождения от уплаты НДС на УСН до 20 млн рублей и повышение базовой ставки НДС до 22%. Оценивается влияние возросшей фискальной нагрузки на механизмы ценообразования и общую рентабельность бизнеса. На основе актуальных статистических данных и разбора практического прецедента (кейс пекарни «Машенька») анализируются экономико-правовые парадоксы адаптации микропредприятий к новым условиям. Сделан вывод о необходимости точечной корректировки налоговых механизмов для предотвращения массового закрытия предприятий сектора МСП.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, налоговая реформа 2026, НДС на УСН, налоговая нагрузка, ценообразование.

TRANSITION TO A NEW TAX SYSTEM FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN 2025-2026: LEGAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES.

Kuzmina Maria Viacheslavovna

Candidate of Law, Associate Professor

Minibaev Daniil Anvarovich

4rd year full-time student of the OI22-O-SPEC-1 group

Orenburg Institute (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA)", Russia, Orenburg

Abstract. The article provides a comprehensive economic and legal analysis of the transition of small and medium-sized enterprises (SMEs) to new taxation conditions in 2025–2026. The paper examines key legislative novelties, in particular, the consequences of the entry into force of Federal Law No. 425-FZ of November 28, 2025, which established a reduction in the income threshold for exemption from VAT on the simplified taxation system to 20 million rubles and an increase in the base VAT rate to 22%. The impact of the increased fiscal burden on pricing mechanisms and overall business profitability is evaluated. Based on current statistical data and the analysis of a practical precedent (the case of the "Mashenka" bakery), the economic and legal paradoxes of micro-enterprises' adaptation to the new conditions are analyzed. The conclusion is drawn about the need for targeted adjustment of tax mechanisms to prevent the mass closure of SME sector enterprises.

Keywords: small and medium business, tax reform 2026, VAT on the simplified tax system, tax burden, pricing.

Трансформация системы налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП)⁷⁷ в 2025–2026 годах представляет собой один из наиболее масштабных этапов реформирования фискальной политики Российской Федерации за последние десятилетия. Актуальность данного исследования обусловлена беспрецедентным ростом налоговой нагрузки на микро- и малые предприятия, что потребовало от бизнес-сообщества кардинального пересмотра устоявшихся финансовых моделей и механизмов ценообразования. Целью настоящей работы является комплексный экономико-правовой анализ перехода субъектов МСП на новую систему налогообложения в 2026 году, оценка влияния изменений Налогового кодекса РФ на рентабельность бизнеса, а также разбор практических последствий реформы на примере конкретных правоприменительных кейсов.

Правовой фундамент текущих изменений закладывался поэтапно, однако наиболее радикальные корректировки были введены Федеральным законом от 28.11.2025 № 425-ФЗ,⁷⁸ положения которого вступили в законную силу с 1 января 2026 года. Ключевым нововведением, дестабилизировавшим привычную работу плательщиков упрощенной системы налогообложения (УСН), стало планомерное снижение порога доходов, освобождающего от уплаты налога на добавленную стоимость (НДС). Если первоначальная редакция реформы 2025 года предполагала обязанность уплаты НДС при превышении лимита в 60 млн рублей, то законодательные новеллы 2026 года установили принципиально иную, более жесткую конструкцию. В соответствии с новыми правилами, лимит доходов для освобождения от НДС в 2026 году был снижен до 20 млн рублей, с перспективой дальнейшего сокращения до 15 млн рублей в 2027 году.⁷⁹

Параллельно с расширением круга плательщиков НДС, законодатель пошел на беспрецедентный шаг по увеличению базовых ставок. Согласно новой редакции пункта 3 статьи 164 НК РФ, с 1 января 2026 года общая ставка НДС была повышена с 20% до 22%.⁸⁰ При этом для организаций, находящихся на общей системе налогообложения (ОСНО), дополнительным финансовым обременением стало сохранение увеличенной до 25% ставки налога на прибыль (где 8% зачисляется в федеральный бюджет, а 17% — в региональный).

Указанные изменения в Налоговом кодексе РФ неизбежно повлекли за собой трансформацию всей экономики малого бизнеса. Предприниматели, ранее успешно применявшие патентную систему налогообложения (ПСН) или УСН без НДС, оказались в ситуации принудительного перехода в иное правовое и финансовое поле.⁸¹ Экономические последствия данных правовых новелл требуют детального изучения не только на макроэкономическом уровне, но и в разрезе отдельных субъектов. В частности, статистика адаптации субъектов МСП к новым налоговым режимам в Оренбургской области демонстрирует острую необходимость бизнеса перекладывать возросшие издержки на конечного потребителя. Анализ рынка показывает, что для сохранения чистой прибыли на уровне начала 2025 года предприятия вынуждены закладывать в стоимость товаров и услуг не только сам процент возросшего налога, но и сопутствующие расходы на усложнившееся бухгалтерское сопровождение.

⁷⁷ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 10.01.2026) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

⁷⁸ Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁷⁹ Информация ФНС России «О порядке исчисления и уплаты НДС налогоплательщиками, применяющими УСН, с 1 января 2026 года».

⁸⁰ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 15.02.2026).

⁸¹ Письмо Министерства финансов РФ от 12.02.2026 № 03-07-11/10452 «Об особенностях применения пониженных ставок НДС субъектами малого предпринимательства в переходный период».

Анализ правоприменительной практики и первых результатов финансовой отчетности субъектов МСП за первый квартал 2026 года свидетельствует о масштабном стресс-тесте для российской экономики. Для компенсации возросшей фискальной нагрузки предприятия были вынуждены инициировать радикальный пересмотр ценовой политики. По предварительным оценкам, так называемый «налог в чеке потребителя» составил в среднем от 10% до 15%. Экономический расчет показывает: чтобы сохранить показатель чистой прибыли хотя бы на уровне начала 2025 года, бизнес заложил в итоговую стоимость товаров и услуг не только прямую ставку нового НДС, но и косвенные транзакционные издержки. К последним относится необходимость найма дополнительных квалифицированных бухгалтеров для администрирования усложнившейся отчетности, а также обновление программного обеспечения для фискализации. Региональный срез, в частности анализ потребительских рынков Оренбургской области, подтверждает общедеревольный тренд: издержки налоговой реформы в конечном итоге перекладываются на плечи конечного потребителя, что неизбежно стимулирует инфляционные процессы в секторе товаров повседневного спроса.

Специфика адаптации малого бизнеса к новым реалиям наглядно прослеживается на примере Оренбургской области, где федеральные изменения наложились на региональную налоговую повестку. Правовой парадокс заключался в том, что к 1 января 2026 года в регионе истек срок действия ряда ранее принятых местных льгот по упрощенной системе налогообложения. В результате этого, согласно императивным нормам ст. 346.20 НК РФ, для значительной части субъектов МСП произошло автоматическое возвращение к базовым федеральным ставкам УСН (15% для объекта «доходы, уменьшенные на величину расходов»).⁸² Подобный «двойной фискальный удар» — введение обязанности по уплате федерального НДС (из-за снижения лимитов до 20 млн рублей) и одновременный возврат к максимальным региональным ставкам по УСН — спровоцировал острую реакцию местного бизнес-сообщества. Ситуация оказалась настолько критической, что потребовала оперативного вмешательства властей: 18 марта 2026 года Правительство Оренбургской области официально сообщило о принятии нового закона, устанавливающего пониженные ставки (1% и 5%).⁸³ Однако данная мера поддержки носила точечный характер, охватив лишь отдельные отрасли (в частности, сферу информационных технологий) и оставив за бортом производственные предприятия и розничную торговлю. Именно эти сектора экономики региона по-прежнему вынуждены полностью транслировать возросшую налоговую нагрузку в итоговые потребительские цены.

Наиболее репрезентативным примером, ярко иллюстрирующим экономико-правовой парадокс текущей реформы, выступает прецедент люберецкой пекарни «Машенька» (ИП Максимов Д.).⁸⁴ Широкий общественный резонанс данный кейс получил в декабре 2025 года в рамках «Прямой линии» с Президентом РФ, что позиционировало предприятие как безусловный образец успешного развития микробизнеса в производственной сфере.⁸⁵ Однако уже к концу первого квартала 2026 года финансовая модель пекарни оказалась под угрозой полного краха.

Специфика хлебопекарного производства предполагает высокую долю ручного труда, значительные затраты на сырье и относительно низкую маржинальность массового продукта. Принудительное вовлечение подобных предприятий в контур уплаты НДС (ввиду преодоления новых, сниженных порогов выручки), а также кумулятивный рост налоговой нагрузки на фонд оплаты труда практически полностью нивелировали рентабельность бизнеса. Успешное предприятие оказалось перед безальтернативным выбором: либо кратное повышение розничных цен на социально значимый продукт (выпечку), что неизбежно приведет к оттоку лояльной аудитории, либо полная ликвидация бизнеса к маю 2026 года.

Данный кейс наглядно демонстрирует фундаментальную проблему реформы: формально-юридический подход к определению пороговых значений выручки применяется без учета отраслевой специфики. Налоговое законодательство образца 2026 года одинаково оценивает 20 миллионов рублей дохода в высокомаржинальной IT-сфере и в низкомаржинальном реальном секторе (производстве

⁸² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 15.02.2026).

⁸³ Закон Оренбургской области от 24.03.2026 № 1818/762-VII-ОЗ «Об установлении налоговых ставок для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения». Также см.: Официальный портал Правительства Оренбургской области [Электронный ресурс]. URL: <https://orenburg-gov.ru/news/> (дата обращения: 10.04.2026)

⁸⁴ РБК: Экономика и бизнес. Налоговая ловушка для пекарен: как кейс ИП Максимова изменил подход к МСП [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/> (дата обращения: 10.04.2026).

⁸⁵ Официальный сайт Президента России. Итоги «Прямой линии» с Владимиром Путиным от 14 декабря 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/> (дата обращения: 05.04.2026).

продуктов питания), что на практике ведет к вымыванию с рынка наиболее социально значимых, но финансово уязвимых субъектов малого предпринимательства.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что принудительный переход значительной части субъектов малого и среднего бизнеса на новую систему налогообложения в 2026 году выявил существенный дисбаланс между фискальными интересами государства и фактическими экономическими возможностями предпринимателей. Законодательные новеллы, направленные на расширение налоговой базы и пополнение бюджета, на практике спровоцировали кризис рентабельности в секторе МСП и закономерный рост потребительских цен.

Очевидно, что действующая редакция Налогового кодекса Российской Федерации требует оперативной доработки в части тонкой настройки механизмов взимания налога на добавленную стоимость. В качестве приоритетных мер совершенствования правового регулирования предлагается отказ от линейного принципа и внедрение дифференцированного подхода к установлению пороговых значений для освобождения от НДС, базирующегося на отраслевой принадлежности бизнеса (кодах ОКВЭД). В частности, для производственных предприятий реального сектора экономики и социально значимых микропредприятий целесообразно закрепить в законодательстве повышенные лимиты доходов для сохранения права на применение УСН без уплаты НДС, либо ввести систему долгосрочных налоговых каникул на период адаптации.

Только переход от сугубо формального фискального администрирования к экономически обоснованному, гибкому правовому регулированию позволит предотвратить массовое банкротство микропредприятий. В противном случае сектор МСП рискует утратить свою функцию драйвера экономического роста, окончательно трансформировавшись в инструмент банального перераспределения возросшего налогового бремени на плечи конечного потребителя.

Список литературы:

I. Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022. (дата обращения: 10.04.2026).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.12.2025). // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 15.02.2026). // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.
4. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части реформирования налогообложения субъектов МСП). // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 48. — Ст. 7120.
5. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 10.01.2026) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 31. — Ст. 4006.
6. Закон Оренбургской области от 24.03.2026 № 1818/762-VII-ОЗ «Об установлении налоговых ставок для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения». // Оренбуржье. — 2026. — 26 марта.
7. Закон Оренбургской области от 14.11.2012 № 1156/343-V-ОЗ (ред. от 25.11.2025) «О патентной системе налогообложения». Оренбуржье. — 2012. — 22 ноября.

II. Материалы правоприменительной практики и официальные документы

8. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов (утв. Минфином России).
9. Информация ФНС России «О порядке исчисления и уплаты НДС налогоплательщиками, применяющими УСН, с 1 января 2026 года».

III. Литература и электронные ресурсы

10. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 992 с.

11. Официальный портал Правительства Оренбургской области. В Оренбургской области приняты пониженные налоговые ставки по УСН для предпринимателей [Электронный ресурс]. URL: <https://orenburg-gov.ru/news/> (дата обращения: 10.04.2026).
12. Информационный портал «Урал56.Ру». От патента до УСН: С 2026 года малый бизнес в Оренбургской области будет платить больше налогов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ural56.ru/news/> (дата обращения: 10.04.2026).
13. Официальный сайт Президента России. Итоги «Прямой линии» с Владимиром Путиным от 14 декабря 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/> (дата обращения: 10.04.2026).
14. Статистический бюллетень «Малое и среднее предпринимательство в России — 2025». Федеральная служба государственной статистики (Росстат). — М., 2026.
15. РБК: Экономика и бизнес. Налоговая ловушка для пекарен: как кейс ИП Максимова изменил подход к МСП [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/> (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 002.304

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБЪЕДИНЕНИЕ В ПРОФСОЮЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА И ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ**

Соколова А.И.

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Публично-правовых наук»

Митин Кирилл Евгеньевич

студент 3 курса, факультет «Юриспруденция»

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье анализируется реализация права на объединение в профессиональные союзы в современной России с позиции прав человека. На основе доктринальных источников и действующего законодательства выявлен разрыв между формальным закреплением права на объединение (ст. 30 Конституции РФ) и реальной способностью профсоюзов выполнять защитную функцию. Показано, что конструкции «учета мнения» вместо «согласия» профсоюза (ст. 372, 373 ТК РФ), отсутствие юридической ответственности за воспрепятствование деятельности профсоюзов и ограничение их законодательной инициативы фактически нейтрализуют право работников на коллективную защиту. С опорой на международные стандарты (Конвенция МОТ № 87) предложены пути решения: восстановление согласительных полномочий профсоюзов, введение специальных составов правонарушений, наделение профсоюзов правом законодательной инициативы и обеспечение их реальной независимости от работодателя. Делается вывод о необходимости системного изменения трудового законодательства и законодательства о профсоюзах для превращения декларативного права в эффективный правозащитный механизм.

Ключевые слова: право на объединение, профессиональные союзы, защитная функция профсоюзов, учет мнения профсоюза, трудовые права, свобода ассоциации, правовой механизм реализации прав человека, Трудовой кодекс РФ, Конвенция МОТ № 87, мотивированное мнение

**IMPLEMENTING THE RIGHT TO ASSOCIATE TRADE UNIONS IN MODERN RUSSIA:
PROBLEMS OF LEGAL MECHANISM AND PROTECTION OF EMPLOYEES' LABOR RIGHTS**

Sokolova A.I.

PhD in Law, Associate Professor, Department of Public Law

Mitin Kirill Evgenievich

3rd-year student, Faculty of Law

Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the implementation of the right to join trade unions in modern Russia from the perspective of human rights. Based on doctrinal sources and current legislation, the author identifies a gap between the formal recognition of the right to association (Article 30 of the Constitution of the Russian Federation) and the actual ability of trade unions to perform their protective function. It is demonstrated that legal

constructs such as “taking into account the opinion” instead of “consent” of the trade union (Articles 372, 373 of the Labor Code of the Russian Federation), the absence of legal liability for obstructing trade union activities, and the restriction of their legislative initiative effectively neutralize workers’ right to collective protection. Drawing on international standards (ILO Convention No. 87), the article proposes solutions: restoring the consent-based powers of trade unions, introducing specific offenses for violations of trade union rights, granting trade unions the right of legislative initiative, and ensuring their genuine independence from employers. The author concludes that a systemic reform of labor legislation and trade union legislation is necessary to transform a declarative right into an effective human rights protection mechanism.

Keywords: right to association, trade unions, protective function of trade unions, taking into account the opinion of the trade union, labor rights, freedom of association, legal mechanism for implementing human rights, Labor Code of the Russian Federation, ILO Convention No. 87, reasoned opinion

Право каждого человека на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, закреплено в статье 30 Конституции Российской Федерации⁸⁶. В системе прав человека это право занимает особое место, поскольку является инструментальным: через объединение работники получают возможность уравновесить экономическую власть работодателя и реально влиять на условия своего труда. Однако доктрина и практика последних лет свидетельствуют о глубоком разрыве между формальным юридическим закреплением права на объединение и реальной способностью профсоюзов выполнять свою главную – защитную – функцию.

Современные российские исследования показывают, что профсоюзы постепенно утрачивают влияние на социально-трудовые отношения, а работники не рассматривают их в качестве эффективного инструмента защиты своих прав. Данная статья посвящена анализу доктринальных и практических проблем реализации права на объединение в профсоюзы в России, а также поиску путей их решения с позиции неотчуждаемости прав человека.

Правовая доктрина традиционно определяет защитную функцию профсоюзов как основную. В широком смысле она включает выявление и формирование интересов членов профсоюза, обеспечение реализации этих прав, включая создание условий для отдыха; в узком – деятельность по предупреждению нарушений и восстановлению трудовых прав работников⁸⁷. Однако, как отмечается в литературе, содержание защитной функции профсоюзов на практике столкнулось с системными ограничениями⁸⁸.

Практическая проблема состоит в том, что, несмотря на провозглашенную Конституцией РФ свободу объединения, реальные механизмы участия профсоюзов в регулировании трудовых отношений были существенно ослаблены. По данным ряда авторов, после принятия в 2006 году поправок в Трудовой кодекс РФ профсоюзы лишились целого ряда значимых прав. Если ранее для массового увольнения требовалось согласие профсоюза, то теперь учитывается только его мотивированное мнение⁸⁹. Если раньше профсоюз мог самостоятельно инициировать забастовку, то сейчас – только от имени всего коллектива. Такое изменение юридической конструкции перевело профсоюз из субъекта, обладающего блокирующими полномочиями, в субъекта, выражающего лишь рекомендательную позицию.

Кроме того, социологические данные демонстрируют, что лишь 31,4 % российских работников знают о существовании профсоюза в своей организации, 82 % опрошенных считают, что профсоюзы в России не играют значительной роли, и только 2 % при нарушении трудовых прав обращались в профсоюз⁹⁰. Такая статистика – прямое следствие не столько пассивности работников, сколько неэффективности самого правового механизма реализации права на объединение.

Основным специальным актом является Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»⁹¹. Однако, как обоснованно отмечается в литературе, многие его положения до сих пор не реализованы в полном объеме, поскольку отсутствуют

⁸⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – № 237.

⁸⁷ О роли концепции «экономического человека» в постановке проблемы мотивации / В. В. Зотов // Мотивация экономической деятельности: сб. ст. – М.: ВНИИСИ, 2009. – Вып. 7. – С. 72–79.

⁸⁸ Защитная функция профсоюзов, проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З. Г. Дзупев. – М., 2008. – 26 с. – Режим доступа: <http://lawtheses.com> (дата обращения: 15.05.2026).

⁸⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 2001. – 31 дек. – № 256.

⁹⁰ ВЦИОМ. Профсоюзы сегодня: аналитический обзор [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

⁹¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 148.

подзаконные акты, конкретизирующие порядок осуществления прав профсоюзов, либо эти права существенно изменены Трудовым кодексом РФ⁹².

Ключевая проблема заключается в статье 372 Трудового кодекса РФ, устанавливающей процедуру принятия локальных нормативных актов с учетом мнения выборного профсоюзного органа. «Учет мнения» – это не согласие. Работодатель вправе не согласиться с позицией профсоюза, и единственным последствием будет возможное обращение в государственную инспекцию труда. Аналогичная конструкция закреплена в статье 373 ТК РФ при увольнении членов профсоюза: работодатель учитывает мотивированное мнение, но окончательное решение остается за ним.

Особого внимания заслуживает сравнение с международными стандартами. Конвенция МОТ № 87 о свободе ассоциации и защите права на объединение предусматривает, что организации трудящихся имеют право вырабатывать свою программу действий и проводить забастовки⁹³. Российское законодательство формально допускает забастовку, но процедура ее проведения настолько усложнена, что фактически блокирует реализацию этого права. Кроме того, ни Кодекс об административных правонарушениях, ни Уголовный кодекс РФ не содержат специальных составов за воспрепятствование деятельности профсоюзов, что порождает безнаказанность работодателей.

Исходя из анализа доктрины и законодательства, а также с учетом предложений, высказываемых в научной литературе, можно выделить несколько направлений совершенствования правового механизма реализации права на объединение.

1) Первоочередной мерой должно стать изменение статей 372, 373, 374 Трудового кодекса РФ: замена слов «мотивированное мнение» на «согласие» выборного органа первичной профсоюзной организации при принятии локальных нормативных актов, а также при увольнении членов профсоюза. В литературе обоснованно утверждается, что без такой меры профсоюз останется лишь совещательным, а не блокирующим органом, что противоречит самой природе права на объединение как коллективного права на защиту⁹⁴.

3) В настоящее время отсутствуют специальные составы административных и уголовных правонарушений за воспрепятствование законной деятельности профсоюзов. Представляется необходимым дополнить КоАП РФ и УК РФ соответствующими нормами, установив ответственность за отказ работодателя от согласования с профсоюзом локальных актов, за необоснованное отклонение мотивированного мнения, за дискриминацию профсоюзных активистов. Только наличие реальных санкций способно превратить декларативные права в работающие механизмы.

3) Как справедливо отмечается в литературе, профсоюзы, будучи наиболее массовыми общественными организациями, защищающими социально-трудовые права, не имеют права законодательной инициативы на федеральном уровне⁹⁵. Целесообразно внести изменения в пункт 1 статьи 104 Конституции РФ, а также в статью 12 Закона о профсоюзах, предоставив общероссийским профсоюзам и их объединениям право вносить законопроекты в сфере трудовых отношений и смежных отраслей.

4) Действующее определение профсоюза в статье 2 Закона № 10-ФЗ ориентировано на граждан, осуществляющих трудовую деятельность⁹⁶. Однако в условиях прекаризации занятости, роста самозанятости и платформенной занятости многие работники де-факто остаются вне профсоюзной защиты. Предлагается уточнить понятие профсоюза в законе, включив в него также лиц, ищущих работу, безработных, иных категорий, осуществляющих экономически зависимую деятельность, что соответствует международным подходам.

5) Ключевая проблема современной российской модели – зависимость первичных профсоюзных организаций от работодателя, в том числе финансовая и организационная. В литературе предлагается либо усилить территориальные профсоюзы, ослабив привязку к конкретному предприятию, либо сохранить первичные организации, но с расширением их организаторских, а не только представительских

⁹² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 2001. – 31 дек. – № 256.

⁹³ Конвенция МОТ № 87 «О свободе ассоциации и защите права на объединение» (принята 09.07.1948) // Конвенции и рекомендации МОТ. – Женева: МБТ, 1991. – Т. 1.

⁹⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 2001. – 31 дек. – № 256.

⁹⁵ Сошникова, Т. А. Проблемы совершенствования законодательства о профсоюзах / Т. А. Сошникова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2012. – № 3. – С. 67–69.

⁹⁶ Защитная функция профсоюзов, проблемы правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З. Г. Дзуцев. – М., 2008. – 26 с. – Режим доступа: <http://lawtheses.com> (дата обращения: 15.05.2026).

функций⁹⁷. Кроме того, необходимо законодательно гарантировать профсоюзам доступ к рабочим местам, возможность проведения собраний в рабочее время без потери заработка для активистов.

Право на объединение в профсоюзы в современной России остается в значительной степени декларативным: формально закрепленное, оно не обеспечено эффективным механизмом реализации. Анализ доктрины показал, что основная проблема заключается в подмене «согласия» профсоюза на «учет его мнения», в отсутствии ответственности за воспрепятствование деятельности профсоюзов, в ограничении их законодательной инициативы и в зависимости от работодателя. Решение этих проблем лежит в плоскости системного изменения трудового законодательства и законодательства о профсоюзах, приведения их в соответствие с международными стандартами и с самой сущностью права на объединение как неотъемлемого права человека. Без реальной независимости и блокирующих полномочий профсоюзы не смогут выполнить свою историческую миссию – защиту работника от экономически более сильной стороны – работодателя.

Список использованных источников и литературы:

Нормативные правовые акты и международные документы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – № 237.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 2001. – 31 дек. – № 256.
3. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 148.
4. Конвенция № 87 Международной организации труда «О свободе ассоциации и защите права на объединение» (принята в г. Сан-Франциско 09.07.1948) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. – Женева: Международное бюро труда, 1991. – Т. I. – С. 376–381.
5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с реализацией права на объединение : определение Конституционного Суда РФ от 11.10.2002 № 265-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 2.

Научная и учебная литература

6. Зотов, В. В. О роли концепции «экономического человека» в постановке проблемы мотивации / В. В. Зотов // Мотивация экономической деятельности: сборник статей. – Москва : ВНИИСИ, 2009. – Вып. 7. – С. 72–79.
7. Дзуцев, З. Г. Защитная функция профсоюзов, проблемы правового регулирования: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.05 / Дзуцев Заурбек Георгиевич. – Москва, 2008. – 26 с. – Режим доступа: <http://lawtheses.com> (дата обращения: 15.05.2026).
8. Сапфинова, А. А. Некоторые вопросы защиты законных интересов работников и работодателей / А. А. Сапфинова // Трудовое право. – 2009. – № 6. – С. 23–27.
9. Сошникова, Т. А. Проблемы совершенствования законодательства о профсоюзах / Т. А. Сошникова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2012. – № 3. – С. 67–69.

Электронные ресурсы

10. ВЦИОМ. Профсоюзы сегодня : аналитический обзор [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : официальный сайт. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/profsoyuzy-segodnya> (дата обращения: 15.05.2026).

⁹⁷ Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 148.

УДК 002.304

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**Кузьмина М.В.**кандидат юридических наук, доцент
кафедры «Предпринимательского и трудового права»**Митин Кирилл Евгеньевич**

студент 3 курса, факультет «Юриспруденция»

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. Целью настоящего исследования является анализ правовых гарантий земельных прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Российской Федерации, а также выявление несоответствий между российским законодательством и международными стандартами. В работе решаются задачи рассмотрения конституционных и федеральных норм, Земельного и Лесного кодексов, а также изучения судебной практики (на примере дела общины «Карагас») и влияния программы «арктического гектара». Результаты исследования могут быть применены при совершенствовании законодательства, разработке механизмов свободного, предварительного и осознанного согласия (СПОС), а также в правозащитной деятельности и судебной практике по защите прав коренных народов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, земельные права, традиционное природопользование, территории традиционного природопользования, Земельный кодекс Российской Федерации, международные стандарты, защита прав коренных народов

LAND RIGHTS OF INDIGENOUS MINORITY PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA, AND THE FAR EAST**M.V. Kuzmina**Candidate of Law, Associate Professor
Department of Entrepreneurial and Labor Law**Mitin Kirill Evgenievich**Third-year student, Faculty of Law
Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Russia, Orenburg

Abstract. The purpose of this study is to analyze the legal guarantees of land rights of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia, and the Far East in the Russian Federation, as well as to identify discrepancies between Russian legislation and international standards. The research addresses the examination of constitutional and federal norms (including Federal Laws No. 82-FZ and No. 49-FZ), the Land and Forest Codes, as well as the study of judicial practice (using the case of the “Karagas” community) and the impact of the “Arctic Hectare” program. The findings can be applied to improve legislation, develop mechanisms for free, prior and informed consent (FPIC), as well as in human rights advocacy and judicial practice aimed at protecting the rights of indigenous peoples.

Keywords: indigenous small-numbered peoples, land rights, traditional nature use, territories of traditional nature use, Land Code of the Russian Federation, international standards, protection of the rights of indigenous peoples

Конституция РФ прямо гарантирует особый правовой статус коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока. Так, п.1 ст. 69 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами»⁹⁸. Коренные малочисленные народы – это народы численностью менее 50 тыс. чел., сохраняющие традиционный образ жизни и проживающие на исконных землях их предков⁹⁹. Они обитают во всех арктических и дальневосточных регионах:

⁹⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря (№ 237).

⁹⁹ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2208 ; Российская газета. — 1999. — 12 мая (№ 90).

Мурманской, Архангельской, Вологодской (коми-зыряне), Карелии, Ненецком, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком, Чукотском АО, Якутии, Камчатке, Магаданской, Хабаровском, Приморском краях и ряде других субъектов Российской Федерации. Исторически эти народы сохраняют общинные традиции землепользования (оленоводство, рыболовство, оленеводство, охоту и сбор дикоросов).

Во второй половине XX века советская государственная политика часто игнорировала специфические права коренных малочисленных народов и продвигала обустройство кочевых народов. С распадом СССР и принятием новой Конституции 1993 года началось закрепление прав коренных малочисленных народов в законодательстве. Первым серьезным актом стал Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации"¹⁰⁰, который провозгласил их право на традиционное землепользование и промыслы. В 2001 г. принят Федеральный закон №49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов...»¹⁰¹ (Далее – ФЗ № 49), регулирующий создание особо охраняемых природных территорий для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов.

Россия не ратифицировала Конвенцию МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г.¹⁰² (Далее – Конвенция МОТ №169), однако Декларация ООН о правах коренных народов (2007 г.)¹⁰³ и подходы МОТ рассматриваются как ориентиры. Эти международные акты провозглашают право коренных малочисленных народов на земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владеют и пользуются, а также требование свободного, предварительного и осознанного согласия (СПОС) коренных общин перед любыми проектами на их территориях. К примеру, международные нормы предписывают, что перемещение коренных народов возможно только с их согласия и после выплаты компенсаций, а коренные народы имеют право на реституцию изъятых земель. Россия, хотя и не присоединилась к Конвенции МОТ №169, тем не менее обязана следовать принципам обычного международного права и учету международных рекомендаций в национальном праве (об этом прямо напоминает ст.69 Конституции).

Российское законодательство устанавливает не собственность, а преимущественное пользование землями и природными ресурсами для коренных малочисленных народов. Федеральный закон от 30 апреля 1999 года №82 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (Далее – ФЗ № 82). Данный закон закрепляет: малочисленные народы имеют право «безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности землями различных категорий, необходимыми для осуществления традиционной хозяйственной деятельности». Они также участвуют в контроле за использованием этих земель и соблюдением природоохранного законодательства. Лесной кодекс РФ¹⁰⁴ (ст. 48) фиксирует: при использовании лесов в местах традиционного проживания КМН обеспечивается защита их исконной среды обитания.

ФЗ №49 определяет территории традиционного природопользования – особо охраняемые территории, создаваемые именно для обеспечения традиционного образа жизни коренных народов. В числе таких объектов «участки земли и водного пространства, используемые для традиционного природопользования и традиционного образа жизни, в том числе олени пастбища, охотничьи угодья, участки акваторий для рыболовства, сбора дикорастущих растений». При этом назначение территорий традиционного природопользования – не передача права собственности, а именно сохранение традиционных видов хозяйствования на указанных землях.

Отметим, что ст. 8 ФЗ № 82 и указание Лесного кодекса РФ ставят традиционные места проживания коренных малочисленных народов в особое положение: речь идет об обеспечении не только экономической, но и культурно-этнической преемственности, поскольку земля и природные ресурсы являются «материальным и духовным элементом» культуры коренных народов. Международные и отечественные авторы подчеркивают, что лишение коренных малочисленных народов доступа к их

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 20. — Ст. 1972.

¹⁰² Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (Женева, 27 июня 1989 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. — Т. II. — Женева: Международное бюро труда, 1991. — С. 2193–2207.

¹⁰³ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов : принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Шестидесят первая сессия. Дополнение № 53 (A/61/53). — Нью-Йорк : ООН, 2008. — С. 17–27.

¹⁰⁴ Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 50. — Ст. 5278.

исконным территориям неизбежно ведет к утрате культурных практик и ассимиляции.

В российском праве принцип СПОС (свободного, предварительного и осознанного согласия) прямо не закреплён, но частично воспроизводится через правила участия коренных малочисленных народов в принятии решений. Например, п.9 ст.39.14 Земельного кодекса РФ¹⁰⁵ предписывает: «При предоставлении земельных участков в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов для целей, не связанных с их традиционной хозяйственной деятельностью и промыслами, могут проводиться сходы, референдумы граждан по вопросам предоставления земельных участков... с учётом результатов этих сходов или референдумов». Иными словами, власть должна согласовывать разработку новых объектов в традиционных землях с самими коренными общинами. Однако на практике этот механизм применяется редко из-за отсутствия четких процедур и разрозненности законов.

Несмотря на наличие нормативных гарантий, судебная практика и исследования отмечают ряд препятствий для реального осуществления земельных прав коренных малочисленных народов.

Во-первых, российское законодательство не признаёт право собственности коренных малочисленных народов на традиционные земли. ФЗ №82 даёт лишь право пользования и преимущество при передаче земли, но не создаёт имущественных прав на участки. По данным экспертов, в частности А. Ю. Кузнецовой и Н. В. Даниловой, это противоречит международным стандартам: например, в «традиционных территориях» коренных народов закреплены лишь ограниченные права пользования, а не владения»¹⁰⁶.

Во-вторых, срок безвозмездного пользования такими участками ограничен. Земельный кодекс (ст. 39.10 п. 13) устанавливает, что договор безвозмездного пользования участком может заключаться на срок не более 10 лет, после чего должно проходить оформление иных прав (аренды, собственности и т.п.). Это ограничение ставит коренных малочисленных народов в неравное положение по сравнению с другими пользующимися землей.

Ещё один конфликт возник в рамках программы «арктического гектара» (Федеральный Закон от 1 мая 2016 года №119¹⁰⁷), позволяющей гражданам получать бесплатно по 1 га в Арктической зоне. Многие из таких участков по факту заняты представителями коренных малочисленных народов для традиционных целей, хотя у последних нет официально оформленного права. Как отмечает эксперт Н. А. Алексеева, «коренные народы вправе использовать земельный участок без оформления прав на него... вследствие чего происходит коллизия интересов лиц, приобретающих «арктический гектар», и субъектов, которые могут вести традиционное природопользование»¹⁰⁸. То есть закон создаёт столкновение между перспективными владельцами «гектаров» и коренными общинами.

Изменение климата сегодня признаётся одним из самых серьёзных глобальных вызовов XXI века. В Российской Федерации последствия глобального потепления проявляются особенно отчетливо: средняя температура воздуха на территории России растёт в 2,5–2,8 раза быстрее, чем в среднем по миру. В результате наблюдается учащение природных катаклизмов – лесных пожаров, наводнений, засух, деградация вечной мерзлоты. Эти климатические факторы усугубляют уязвимость исконных территорий и традиционного уклада коренных народов, создавая дополнительные риски для реализации их земельных прав, помимо уже существующих законодательных ограничений¹⁰⁹.

Судебная практика по защите земель коренных малочисленных народов разнообразна. В целом решения судов чаще отказывали коренным малочисленным народам, ссылаясь на общий порядок распоряжения землёй. Однако имеются примеры, когда права признавались.

Так, Апелляционный суд Республики Дагестана в октябре 2024 г. подтвердил решение Ногайского районного суда Карагасского района, признанное Верховным судом Дагестана от 22 ноября 2025 года,

¹⁰⁵ Земельный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.

¹⁰⁶ Данилова Н. В. К вопросу о земельных правах коренных малочисленных народов России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2008. №1.

¹⁰⁷ Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 18. — Ст. 2495.

¹⁰⁸ Алексеева Н. А. Земельные права коренных малочисленных народов Севера: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. — 2022. — № 7.

¹⁰⁹ Кузьмина М. В., Кусумкулова Т. Э. Экологические проблемы Крайнего Севера Российской Федерации и пути их решения // Наука через призму времени. — 2024. — № 11 (92).

признать недействительным аукционный договор аренды земельного участка, переданного в Карагасе поселению ногайцев¹¹⁰. Община «Карагас» (представляющая интересы ногайцев) обосновывала иск тем, что эти земли «исторически использовались членами общины... для ведения традиционного образа жизни, включая выпас скота». Суд признал, что долгая передача территории в аренду нарушила законные права малочисленного народа, гарантированные федеральным и региональным законодательством. По решению суда участок был возвращён муниципалитету, и права ногайцев были защищены. Этот прецедент показывает, что при явных фактах традиционного использования земель суд может признать и подтвердить приоритет их прав над рыночными сделками.

Другим примером является судебная защита права на традиционную охоту. Так, Конституционный суд в Постановлении от 5 июля 2021 года №32-П¹¹¹ исследовал жалобу саамского охотника Данилова, оспаривавшего нормы ФЗ №82 и Федерального Закона от 24 июля 2009 г. №209 «Об охоте...»¹¹² (Далее – ФЗ «Об охоте») требующие документальных подтверждений его принадлежности к малочисленному народу для охоты в традиционных целях. Суд, однако, ограничился тем, что счел эти нормы соответствующими Конституции (отказал в иске), и подчеркнул, что право на «традиционную охоту» завязано на ФЗ № 82 и ФЗ «Об охоте». Такой подход показывает, что для судов важно именно документальное подтверждение статуса, а не только фактическое проживание на традиционных землях.

Результаты анализа указывают, что существующее законодательство предоставляет коренных малочисленных народов гарантии, но с ограничениями. По оценкам правоведов, «российское законодательство... закрепляет только право пользования землей», а право собственности на традиционные земли отсутствует. Так, А. Ю. Кузнецова в своем исследовании приходит к выводу, что «государство не признает права народов на владение землями»¹¹³. Аналогичную позицию занимает Т. А. Яковлева, подчеркивая, что законы дают право использовать землю, но не владеть ею¹¹⁴. Международные эксперты (организации ООН, НКО) неоднократно указывали Россию на необходимость усиления прав коренных народов на землю и ресурсы, в частности посредством создания правовых механизмов СПОС и реституции изъятых территорий.

В последнее время обсуждались депутатами Государственной Думы (например, В. Кидяевым и Т. Кусайко¹¹⁵) поправки и инициативы: например, предлагается продлить срок безвозмездного пользования или предусмотреть выдачу на эти цели земельных участков в собственность общин. Были внесены проекты законов о закреплении за местными общинами участков с учётом традиционных границ (например, законопроект о территориях традиционного природопользования¹¹⁶).

Также на уровне регионов некоторые законодательные акты (например, в ЯНАО, НАО, Республике Саха¹¹⁷) создают особый порядок передачи земель коренных малочисленных народов. В заключение отметим, что эффективная защита прав требует синхронизации федеральных и региональных норм, приведения кадастровых регистров в соответствие с фактическими границами традиционных территорий и учёта международных стандартов.

Российское законодательство гарантирует коренным малочисленным народам лишь право безвозмездного пользования землями традиционного проживания, но не право собственности. Это не соответствует международным стандартам и создаёт риски утраты исконных территорий при реализации инвестиционных проектов или программы «арктического гектара». Для исправления ситуации

¹¹⁰ Верховный суд Дагестана отменил аренду земель ногайского народа] // Коммерсантъ. — 2025. — 21 ноября.

¹¹¹ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и части 1 статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.Ф. Данилова : постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2021 г. №32-П // Собрание законодательства РФ. — 2021. — №28 (часть II). — Ст. 5631-16.

¹¹² Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2009. — №30. — Ст. 3735.

¹¹³ Кузнецова А. Ю. Право малых европейских народов Севера России в законодательных актах Российской Федерации // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 82–99

¹¹⁴ Яковлева Т. А. О правах коренных малочисленных народов Российской Федерации на земли и земельные участки // Аграрное и земельное право. — 2020. — №11 (191).

¹¹⁵ Григорий Ледков: Создание ТТП — один из основных инструментов сохранения исконной среды обитания коренных этносов // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : — 2022. — 26 июля.

¹¹⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» : проект федерального закона (обсуждался в Государственной Думе в 2022 г.) // Ассоциация КМНС.

¹¹⁷ О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе : Закон Ямало-Ненецкого автономного округа // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа. — 1998. — Октябрь (№ 8) ; Красный Север. — 1998. — 19 ноября (спецвыпуск).

необходимо: закрепить в законе принцип СПОС, предусмотреть возможность передачи земель в коллективную собственность общин КМН, устранить противоречия между Земельным кодексом и специальными законами, а также сформировать единую судебную практику, ориентированную на приоритет традиционного природопользования.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. — 1993. — 25 дек. (№ 237).
2. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2208.
3. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 20. — Ст. 1972.
4. Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. — Т. II. — Женева : Международное бюро труда, 1991. — С. 2193–2207.
5. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Шестдесят первая сессия. Дополнение № 53 (A/61/53). — Нью-Йорк : ООН, 2008. — С. 17–27.
6. Лесной кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 50. — Ст. 5278.
7. Земельный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
8. Данилова Н. В. К вопросу о земельных правах коренных малочисленных народов России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2008. — № 1.
9. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 18. — Ст. 2495.
10. Алексеева Н. А. Земельные права коренных малочисленных народов Севера: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. — 2022. — № 7.
11. Кузьмина М. В., Кусумкулова Т. Э. Экологические проблемы Крайнего Севера Российской Федерации и пути их решения // Наука через призму времени. — 2024. — № 11 (92).
12. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 28 (ч. II). — Ст. 5631.
13. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 30. — Ст. 3735.
14. Кузнецова А. Ю. Право малых европейских народов Севера России в законодательных актах Российской Федерации // Регионоведение. — 2019. — Т. 27, № 1. — С. 82–99.
15. Яковлева Т. А. О правах коренных малочисленных народов Российской Федерации на земли и земельные участки // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 11 (191).
16. Григорий Ледков: Создание ТТП — один из основных инструментов сохранения исконной среды обитания коренных этносов // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. — 2022. — 26 июля.
17. О внесении изменений в Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Ассоциация КМНС. — 2022.
18. О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа. — 1998. — № 8.
19. Верховный суд Дагестана отменил аренду земель ногайского народа // Коммерсантъ. — 2025. — 21 нояб.

УДК 349.2

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА БЕЗРАБОТНЫХ ГРАЖДАН
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Мусина Руфина Рустамовна**

студентка 2 курса

Оренбургский институт (филиал) Университета О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные направления государственной политики в сфере безработных граждан в Российской Федерации. Рассматривается правовой статус безработного, а также меры материальной и социальной поддержки. Выявлены особенности назначения выплат пособий по безработице, проанализирована эффективность мер службы занятости. В заключении автором сделаны выводы о результативности проводимой государством политики в сфере безработицы.

Ключевые слова: безработица, государственная поддержка, безработные граждане, службы занятости, занятость, пособие по безработице.

STATE SUPPORT FOR UNEMPLOYED CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION**Musina Rufina Rustamovna**

2nd year student

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (MSAL)

Russia, Orenburg

Abstract. This article examines the main directions of state policy in the field of unemployed citizens in the Russian Federation. It considers the legal status of the unemployed, as well as measures of material and social support. The article identifies the features of assigning unemployment benefits and analyzes the effectiveness of employment services. In conclusion, the author draws conclusions about the effectiveness of the state policy in the field of unemployment.

Keywords: unemployment, state support, unemployed citizens, employment services, employment, unemployment benefits.

В современном мире безработица остаётся одной из острых и социально-значимых проблем экономики, которая влияет как на уровень жизни граждан, так и на стабильность и безопасность общества в целом.

Конституция Российской Федерации в ст. 37 провозглашает и гарантирует защиту граждан от безработицы [1]. Данная гарантия обеспечивает гражданам защиту их права на труд и гарантирует социальную поддержку незанятого населения.

Согласно ст. 23 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 №565 – ФЗ безработным признаются трудоспособные граждане, которые ищут работу, зарегистрированы органами службы занятости в целях поиска подходящей работы и готовы приступить к ней [2].

Именно «грамотное осуществление политики в области занятости населения позволяет реализовывать одно из важнейших прав человека, закреплённое конституционными нормами: достойные условия жизни и свободное развитие» [5, с. 37]. Поэтому рассмотрим ключевые направления государственной поддержки безработных граждан.

Основной государственной мерой помощи безработным гражданам является выплата пособий по безработице, это вытекает из ст. 46 Федерального Закона «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 №565 – ФЗ. Данное решение принимается органами службы занятости и по общему правилу выплачивается с первого дня признания гражданина в статусе безработного. Размер пособия строго не определён и зависит от многих факторов таких как: трудовой стаж, уровень заработка, квалификация работника, статус и возраст гражданина (ст.45,47-48). Важно заметить, что на размер пособия также будет влиять и регион проживания гражданина. Таким образом, данный вид государственной поддержки предусматривает дифференцированный подход к размеру пособия по безработице.

В ст. 44 Федерального закона о занятости населения закрепляется минимальный и максимальный размер выплаты пособия, которые составляют 1500 руб. и 12 792 руб. соответственно [2]. Необходимо

обратить внимание, что государство не просто устанавливает статичные размеры пособия, а с учётом роста потребительских цен и уровнем инфляции, ежегодно проводит индексацию, тем самым сохраняя базовые социальные гарантии граждан. В соответствии законодательством коэффициент индексации на 2026 год составляет 1, 056, и с 1.02.2026 года минимальный размер выплаты пособия составляет 1863руб., а максимальный – 15 886 руб [3].

Но стоит заметить, что, по нашему мнению, пособия по своему содержанию являются поддерживающей мерой, которая рассчитана на период активного поиска подходящей работы гражданином, а не предназначена на создание условий для длительного пребывания в статусе безработного.

Другим направлением государственной политики в сфере безработицы является содействие органов службы занятости: помощь в поиске подходящей работы, организация временного трудоустройства, организация ярмарок вакансий, информирование о положении на рынке труда и др. Службы занятости помогают определить профессиональные предпочтения и навыки гражданина, после чего предлагают актуальные вакансии от работодателей. «Для человека, ищущего работу, и безработного органы службы занятости определяют подходящую работу» [4, с. 68].

В различных субъектах Российской Федерации проводятся «Ярмарки Вакансии». Данного рода мероприятия проводятся для взаимодействия и общения безработных граждан и работодателей в целях получения дополнительной информации новых специальностях и рабочих местах.

Например, в 2025 году в Оренбургской области проходила ярмарка трудоустройства, на которой было предложено 7,4 тысячи рабочих мест. Благодаря такому мероприятию 1,5 тысячи оренбуржцев нашли новую работу [6].

Также граждане могут пройти курсы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации. В Российской Федерации в настоящий момент реализуется федеральный проект «Активные меры содействия занятости» в составе национального проекта «Кадры» [7]. Целью данного проекта выступает помощь гражданам в повышении квалификации, повышение востребованности на рынке труда. Проект совмещает в себе удобный онлайн-формат, а после его прохождения предоставляется помощь в составлении резюме и его передача компаниям-партнёрам проекта.

Но вместе с тем, согласно опросу Счётной палаты только 25% респондентов, ориентированных на поиск работы трудоустроились по направлению обучения, столько, же не трудоустроились в течение года после прохождения программы [8].

Можно сделать вывод, что программа является все же не результативной и малоэффективной. С одной стороны программы переподготовки и повышения квалификации требуют длительного срока обучения, что для многих слоёв населения является серьёзной проблемой. С другой стороны, безработные отказываются обучаться по востребованным специальностям из-за различных условий: низкой оплаты труда, тяжёлыми условиями работы и последующих гарантий.

По нашему мнению, для эффективности данной государственной поддержки необходимо совершенствовать методы и способы программ переквалификации и переподготовки: создать системы мониторинга трудоустройства за гражданами, которые прошли курсы обучения; исходя из потребностей регионов и природно-климатических условий корректировать перечень приоритетных направлений профессий, учитывая реальные потребности рынка труда.

В соответствии статьи 32 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» [2] государство безработным гражданам оказывает поддержку в осуществлении предпринимательской деятельности. Органы занятости предоставляют консультативную помощь, выявляют способности граждан к предпринимательской деятельности, а также оказывают единовременную финансовую помощь.

Ещё одной мерой государственной политики в сфере безработицы является организация оплачиваемых общественных работ [2]. Данный вид является дополнительной социальной поддержкой граждан и направлен на выполнения общественно полезных работ. С согласия безработного гражданина заключается срочный трудовой договор, который может быть досрочно расторгнут при трудоустройстве на другую работу. Эта форма поддержки, по нашему мнению, все же носит временный и недолгосрочный характер работы, и является вспомогательным механизмом в системе мер государственной политики в сфере безработицы.

Таким образом, можно сделать вывод, что государственная поддержка безработных граждан представляет собой ряд мер, направленных на улучшение качества жизни и помощи в трудоустройстве граждан. В данные меры входят как материальные гарантии, так и меры содействия органами занятости.

В целом можно отметить, что государственная политика достигала определённых успехов в области занятости населения. Только по данным Росстата за последние 5 лет (2020 – 2024г.) уровень безработицы значительно снизился с 7,8 до 3,5 % [9].

Государство на федеральном уровне закрепляет и предоставляет минимальные гарантии граждан, потерявшим работу в период незанятости. Но в данном направлении присутствуют и значительные недостатки, которые снижают эффективность, проводимой политики и не в полной мере помогают достичь поставленных задач государством. Для наиболее эффективного результата снижения безработицы и трудоустройства безработных, необходимы действенные меры, которые направлены на совершенствование правового регулирования, развитие активных и гибких программ, направленных на потребности рынка, а также мониторинг и контроль служб занятости за трудоустройством граждан.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Российская газета. – 1993. – № 237. Ст. 37.
2. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565 – ФЗ (ред. 28.11.2025) «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 51. Ст. 23. Ст. 32. Ст. 34. Ст. 44.
3. Постановление Правительства РФ от 23.01.2026 № 30 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2026 году» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. №5.
4. Аверин А. Н., Понеделков А. В., Степанов К. В. Значение Федерального Закона «О занятости населения в Российской Федерации» для обеспечения занятости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – №2. – С. 65–69.
5. Манкиева А. В. Государственная политика в сфере занятости населения и меры содействия занятости граждан // Вестник экспертного совета. – 2022. – №3 (30). – С. 36–45.
6. Более 3 тысяч оренбуржцев прошли предварительное собеседование на площадках федерального этапа Всероссийской ярмарки трудоустройства. URL: <https://orenburg-gov.ru/news/16187/> (дата обращения 14.03.2026)
7. Федеральный проект «Активные меры содействия занятости». URL: <https://fedproject.tsu.ru/> (дата обращения 14.03.2026)
8. Майер А. Расходы бюджета на профобучение используются недостаточно результативно. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/09/30/1142913-rashodi-byudzheta-na-profobuchenie-ispolzuyutsya-nedostatochno-rezultativno> (дата обращения 14.03.2026)
9. Трудовые ресурсы, занятость и трудоустройство URL: https://www.rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 14.03.2026).

УДК 343.9

РОЛЬ ГЕНОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Неробеева Вера Николаевна

студентка

Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Оренбург, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена анализу роли генетических факторов в формировании личности преступника. На основе классических и современных исследований показано, что наследственность создает лишь предрасположенность к преступному поведению. Автор приходит к выводу о том, что биосоциальный подход, учитывающий сложное взаимодействие генотипа и социальной среды, является наиболее обоснованным для понимания причин преступного поведения.

Ключевые слова: гены, генотип, криминальное (преступное) поведение, преступность.

THE ROLE OF GENES IN THE FORMATION OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY

Nerobeeva Vera Nikolaevna,

Student

Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MSAL), Orenburg, Russia

Abstract. This article is devoted to the analysis of the role of genetic factors in the formation of the criminal's personality. Based on classical and modern research, it has been shown that heredity only creates a predisposition to criminal behavior. The author concludes that a biosocial approach that takes into account the complex interaction of the genotype and the social environment is the most reasonable way to understand the causes of criminal behavior.

Keywords: genes, genotype, criminal behavior, criminality.

Проблема детерминации преступного поведения на протяжении всего развития криминологии остается одной из наиболее дискуссионных. Вопрос о том, является ли преступник продуктом социальной среды либо носителем врожденных, генетически обусловленных свойств, не имеет однозначного ответа и в XXI веке.

Исторически первым систематическим учением о биологической обусловленности преступности стала антропологическая школа уголовного права, основоположником которой выступил Чезаре Ломброзо, выдвинувший концепцию «прирожденного преступника», обладающего физическими и психическими особенностями, возвращающими его к более ранним стадиям филогенетического развития. Согласно его воззрениям, тип развития организма неизменно передается по наследству, однако наследственность не является разовым событием, а представляет собой динамичный процесс, то есть дети не просто пассивно получают генетическое наследие, но активно его «ассимилируют» на протяжении всего периода развития [6].

Несмотря на критику методологии Ч. Ломброзо его современниками (в особенности представителями социологической школы Э. Дюркгеймом, Г. Тардом), нельзя отрицать ценность его идей. Ломброзо первым поставил вопрос о необходимости изучения биологических факторов преступного поведения, что нашло свое развитие в последующих исследованиях близнецового и хромосомного метода.

Йоганна Иоахим Ланге, изучая близнецовые пары монозиготных (однойяйцевых) и дизиготных (разнойяйцевых) близнецов, установил, что совпадение наличия криминального поведения для монозиготных близнецов составляет 77 %, тогда как для дизиготных лишь 11 % [1]. Эти данные, впоследствии подтвержденные в различных выборках, убедительно свидетельствуют о наличии значимого генетического компонента в предрасположенности к противоправным действиям.

Современная интерпретация близнецовых исследований учитывает сложную динамику взаимодействия генотипа и среды. Генетика не только непосредственно влияет на поведение, но и опосредует восприятие и выбор индивидом определенных условий среды. Так, люди с различными генотипами могут неодинаково реагировать на одни и те же социальные воздействия, а также активно формировать собственную среду обитания в соответствии с генетически обусловленными склонностями.

Развитие методов молекулярной биологии позволило перейти от статистического анализа наследуемости к поиску конкретных генов, связанных с антисоциальным поведением. Наибольшее внимание исследователей привлекли гены моноаминергических систем, участвующие в регуляции импульсивности, агрессии и эмоционального реагирования.

Как указывает А. А. Клюквина, роль гена моноаминоксидазы в регуляции поведения и психического здоровья человека является ключевой для понимания связи девиантного поведения с биологическими особенностями [4]. Так, учеными определяется взаимодействие между экспрессией гена MAOA и опытом жестокого обращения в детстве: у лиц с низкоактивным аллелем MAOA и наличием виктимизации риск развития антисоциального поведения был значительно выше, чем у носителей высокоактивного аллеля при аналогичных условиях среды.

Значительный интерес представляют также исследования полиморфизмов генов дофамина системы, в частности DRD4 (рецептор дофамина D4) и DAT (транспортер дофамина). В 2017 году российские ученые провели исследование VNTR-полиморфизмов этих генов у осужденных мужчин в сравнении с контрольными группами (бойцы смешанных единоборств). Результаты показали, что ген DRD4 коррелирует с совершением более тяжких преступлений, в то время как генотип 9/9 гена DAT ассоциирован с преступлениями средней тяжести. Примечательно, что комбинации DRD4 4/7 и DAT 10/10

были обнаружены как у лиц с патологической склонностью к насилию, так и у бойцов ММА, демонстрирующих «контролируемую агрессию» [5]. Данный факт подтверждает гипотезу о том, что одни и те же генетические варианты могут при различных социальных условиях и уровнях социализации приводить к различным вариантам поведения.

Особое место в истории генетической криминологии занимает теория хромосомной предрасположенности к преступности, связанная с синдромом «сверхмужчины» (ХУУ или ХХУ). Дополнительная Y-хромосома долгое время рассматривалась как фактор повышенной агрессивности, чему способствовала громкая связь данного синдрома с именами известных серийных убийц во Франции и США. Впоследствии, однако, исследования не подтвердили прямой причинно-следственной связи между кариотипом ХУУ и криминальным поведением, поскольку повышенный риск связывается скорее с сопутствующими когнитивными нарушениями и трудностями социальной адаптации, нежели с гипотетической «сверх-агрессией» [3].

Современные исследователи генетики криминального поведения подчеркивают, что корректная интерпретация полученных данных требует учета ряда методологических ограничений. Во-первых, преступность имеет социальную природу, а биологические факторы могут выступать лишь в качестве условий, способствующих или препятствующих реализации противоправного поведения [2]. Во-вторых, большинство выявленных генетических связей характеризуется слабым влиянием каждого отдельного гена. Это свидетельствует о том, что криминальное поведение формируется под воздействием множества генов одновременно и зависит от целого ряда внешних обстоятельств.

Особого внимания заслуживают этические аспекты генетических исследований в криминологии. Применения биогенетических концепций включает не только научные поиски, но и антигуманные практики, такие как: евгенические программы (ставит целью улучшение, облагораживание человека путем селекции ценных генотипов или изолированных методов генной инженерии), принудительную стерилизацию «социально опасных» лиц в ряде западных стран в первой половине XX века, а также различные меры медицинского характера (например, лоботомия), применявшиеся к заключенным [7]. Это делает особенно важным соблюдение принципов недискриминации и уважения прав человека при интерпретации генетических данных в уголовно-правовом контексте.

Современное состояние научного знания позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Гены действительно влияют на то, есть ли у человека склонность к преступному поведению, что подтверждается исследованиями близнецов и поиском конкретных участков генов, связанных с поведением.

2. Ученые нашли отдельные гены (например, MAOA, DRD4, DAT), которые связаны с такими особенностями нервной системы, как импульсивность, трудности с управлением своими эмоциями, пониженный страх перед наказанием. Сами по себе эти гены не делают человека преступником, однако если у человека есть такие генетические особенности и при этом он растет в неблагоприятной среде (например, сталкивается с жестокостью), то риск противоправного поведения становится выше.

Таким образом, любые данные о генах и преступности нужно правильно понимать, так как они не предопределяют судьбу человека заранее и неизбежно, гены задают лишь возможный диапазон поведенческих проявлений.

Список литературы:

1. Башкова П. В. Генетическая предрасположенность к преступности // Государство и право во времени и пространстве: сборник тезисов докладов Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов, 3 декабря 2021 года / [под ред. Д. В. Петровича]; БГЭУ. - Минск: БГЭУ, 2022. - С. 73-75.
2. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Политиздат, 1989. - 351 с.
3. Иншаков С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. - М.: Инфра-М: норма, 1997. - 374 с.
4. Ключкина А. А. К вопросу о взаимосвязи девиантного (криминального) поведения человека и его генетических особенностей / XIX Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции. - Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2025. - Т. 1. - С. 455–456.
5. Ларин В. Н. Рецепция наследственной теории преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №2 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsepsiya-nasledstvennoy-teorii-prestupnosti> (дата обращения: 10.05.2026).

6. Ломброзо Ч. Человек преступный: [перевод с итальянского]. - М.: Алгоритм, 2018. - 352 с.
7. Романовский Г. Б. Занимательная биокриминология: монография. - М.: Проспект, 2019. - 200 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АГРОТУРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬХОЗНАЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ГОСТЕПРИИМСТВА

Пашинина Злата Денисовна

студент

научный руководитель: Кузьмина Мария Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. Настоящая статья посвящена правовому регулированию агротуризма как одного из наиболее перспективных направлений туристской отрасли. Выделено понятие агротуризма в контексте сельского туризма, перечислены основные нормативно-правовые акты в этой сфере. Исследуются специфические проблемы, а также экологические и социальные риски, возникающие при использовании земель в данной отрасли. В работе рассматриваются примеры использования земель для агротуризма. Цель статьи – комплексный анализ правового регулирования агротуризма в Российской Федерации с акцентом на выявление проблем использования земель сельскохозяйственного назначения для размещения объектов гостеприимства, а также разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: агротуризм, правовое регулирование, земли сельскохозяйственного назначения, целевое использование земель, земельное право, развитие сельского туризма

LEGAL REGULATION OF AGRO-TOURISM: PROBLEMS OF USING AGRICULTURAL LAND FOR HOSPITALITY FACILITIES

Pashinina Zlata Denisovna

student

supervisor: Kuzmina Maria Vyacheslavovna

PhD in Law, Associate Professor

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. This article is devoted to the legal regulation of agro-tourism as one of the most promising areas of the tourism industry. The concept of agro-tourism is highlighted in the context of rural tourism, and the main legal acts in this area are listed. The specific problems, as well as the environmental and social risks that arise when using land in this industry, are investigated. The article examines examples of using land for agro-tourism. The purpose of the article is to provide a comprehensive analysis of the legal regulation of agrotourism in the Russian Federation, with a focus on identifying problems related to the use of agricultural land for the placement of hospitality facilities, as well as developing proposals for improving the current legislation in this area.

Keywords: agrotourism, legal regulation, agricultural land, purposeful use of land, land law, development of rural tourism

Агротуризм представляет собой форму туризма, при которой туристы посещают сельские территории с целью непосредственного знакомства с сельскохозяйственным производством, традиционным образом жизни и природной средой. Это совмещение отдыха и образовательной деятельности на базе хозяйств и фермерских угодий, что позволяет не только расширить культурный и экологический опыт гостей, но и способствует дополнительному экономическому развитию сельских территорий. Суть агротуризма заключается в активном вовлечении посетителей в деятельность сельхозпроизводства: участие в сборе урожая, уходе за животными, приготовлении традиционных блюд и других аспектах жизни на селе. Помимо развлекательной функции, агротуризм выполняет роль средства сохранения культурного наследия и способствует развитию устойчивого использования природных ресурсов. Благодаря включению туристической составляющей в сельскохозяйственную деятельность, агротуризм стимулирует развитие инфраструктуры¹¹⁸

¹¹⁸ Панюков А. И., Панюкова Ю. Г., Калинин В. Л. Основы агротуризма : учебник. — Москва : Магистр : ИНФРА-М, 2025. — 240 с.мыс

Правовое регулирование данного направления туристической деятельности становится ключевым вопросом, так как агротуризм связан с использованием земель сельскохозяйственного назначения, на которых размещаются объекты гостеприимства. Необходимость урегулирования правового статуса таких земельных участков обусловлена увеличением числа фермерских хозяйств, предоставляющих туристические услуги, что требует баланса между сохранением сельскохозяйственного производства и развитием туристической инфраструктуры.

Агротуризм в России представляет собой относительно новое направление в сфере сельского хозяйства и туризма, которое требует особого правового регулирования, особенно в части использования земель сельскохозяйственного назначения для размещения объектов туристической инфраструктуры. Основу законодательства, регулирующего агротуризм, составляют федеральные законы, а также подзаконные акты, регулирующие земельные отношения, туризм и сельское хозяйство. В частности, важным нормативным документом является Земельный кодекс Российской Федерации, который устанавливает порядок использования земель сельскохозяйственного назначения. Согласно статье 78 Земельного кодекса, земля сельскохозяйственного назначения предназначена в первую очередь для ведения сельскохозяйственного производства, что создает определённые ограничения на размещение посторонних объектов, не связанных с основным назначением земли. Агротуризм законодательно закрепили в 2021 году с принятием Федерального закона от 2 июля 2021 года №318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основах туристской деятельности в Российской Федерации“ и статью 7 Федерального закона „О развитии сельского хозяйства“». Этот закон ввёл понятие «сельский туризм» (которое часто отождествляют с агротуризмом) и определил его как туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до 30 тысяч человек в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды.¹¹⁹ В 2024 году понятие сельского туризма уточнилось с принятием Федерального закона от 14 октября 2024 года №346-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 3.1 Федерального закона „Об основах туристской деятельности в Российской Федерации“». В новой редакции понятие сельского туризма дополнилось целью ознакомления с объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации, связанными с сельским хозяйством.

Одной из наиболее значимых проблем при размещении объектов агротуризма на землях сельскохозяйственного назначения является ограничение их целевого использования. Возведение объектов гостеприимства, таких как гостиницы, кемпинги, рестораны и другие инфраструктурные элементы агротуризма, зачастую требует изменения целевого назначения земли или получения специальных разрешений. Процедура изменения вида использования земельных участков может быть довольно сложной и длительной. Она включает согласование с органами местного самоуправления, экологическими службами, а также с органами, отвечающими за землепользование и градостроительство. Более того, существуют нормативные ограничения, которые препятствуют переводу земель сельхозназначения в категории, предназначенные для строительства объектов не связанного с сельским хозяйством. Федеральный закон от 02.07.2021 №299-ФЗ разрешил крестьянским (фермерским) хозяйствам временно размещать туристов в жилых домах, которые уже входят в состав их имущества. Однако есть строгие ограничения:

можно построить только один дом;

этажность — не более трёх;

общая площадь — не более 500 м²;

площадь застройки не должна превышать 0,25% от общей площади участка.

Это связано с необходимостью сохранения сельскохозяйственного фонда и предотвращения урбанизации сельских территорий. В марте 2026 года Госдума приняла в первом чтении законопроект, который упрощает перевод сельхозземель, не занятых угодьями, в категорию земель рекреационного назначения для строительства объектов сельского туризма. Перевод будет осуществляться на основании документации по планировке территории без отдельного акта, но потребует предварительного согласования с Минсельхозом.

¹¹⁹ Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основах туристской деятельности в Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 27. — Ст. 5180

Однако для вступления закона в силу необходимо его окончательное принятие и подписание президентом¹²⁰

Также, Использование земель сельскохозяйственного назначения для размещения объектов агротуризма сопровождается рядом экологических и социальных рисков, которые требуют внимательного правового регулирования и контроля.¹²¹ Одной из основных экологических проблем является нарушение агроэкосистем, связанное с изменением природного ландшафта и усилением антропогенной нагрузки. Строительство туристической инфраструктуры, увеличение потока посетителей и сопутствующая деятельность могут привести к деградации почв, загрязнению воды и снижению биологического разнообразия. Нарушение естественных циклов ведения сельского хозяйства может отрицательно сказаться на устойчивости агроценозов и привести к снижению продуктивности земель, что особенно критично для регионов с интенсивным сельскохозяйственным использованием. Среди социальных рисков выделяются конфликты между местными сельскохозяйственными производителями и предпринимателями в сфере агротуризма, а также изменение традиционного образа жизни сельских сообществ. Рост туристического потока может вызвать рост цен на землю и недвижимость, что снижает доступность земли для фермеров и местных жителей. Кроме того, расширение агротуризма сопряжено с изменением социальных структур, иногда приводя к утрате культурных традиций, локальной идентичности и форм социального взаимодействия, характерных для сельской местности. Отсутствие четких правовых норм и механизмов общественного обсуждения при освоении земельных участков под агротуристические объекты зачастую приводит к социальной напряженности и конфликтам, которые могут тормозить развитие как агротуризма, так и сельского хозяйства в целом.

Несмотря на все вышеперечисленное в России есть примеры успешного использования земель сельскохозяйственного назначения для агротуризма. Проекты сочетают производство сельхозпродукции с туристическими услугами, демонстрируя возможности диверсификации сельского хозяйства. В Оренбургской области в 2024 году начался проект экофермы «Гуси-лебеди», который стал победителем конкурса на получение гранта «Агротуризм» от Министерства сельского хозяйства России. Размер гранта составил 10 млн рублей. Деятельность заключается в отдыхе на природе в обустроенных А-фреймах с верандой, баней и купелью, дегустации деревенских блюд из продукции собственного производства, общению с животными (индюки, утки, гуси) для детей и взрослых и многое другое¹²².

В целях повышения эффективности правового регулирования агротуризма и устранения существующих проблем, связанных с использованием земель сельскохозяйственного назначения для размещения объектов гостеприимства, необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство. Во-первых, следует разработать и внедрить специальные нормы, регулирующие порядок перевода земельных участков сельскохозяйственного назначения в категорию, допускающую размещение агротуристических объектов. Такой переход должен сопровождаться упрощенной процедурой, однако с сохранением баланса между охраной сельскохозяйственного потенциала и развитием туристической инфраструктуры. Во-вторых, необходимо уточнить критерии и условия размещения агротуристических объектов на землях сельхозназначения с акцентом на сохранение почвенного плодородия и устойчивого природопользования. Это может включать обязательные экологические экспертизы проектов и установление лимитов по площади застройки, минимизирующих негативное воздействие на земельные ресурсы. В-третьих, целесообразно ввести специальные меры государственной поддержки для землевладельцев и предпринимателей, занимающихся агротуризмом в сельских территориях, например: налоговые льготы, субсидии на развитие инфраструктуры, а также образовательные программы по повышению правовой грамотности и устойчивому ведению агротуристического бизнеса.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 02 мая 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

¹²⁰ Сидельникова Ксения Андреевна, Иволга Анна Григорьевна Правовые основы агротуризма в Российской Федерации // Аграрный вестник Северного Кавказа. 2016. №1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-agroturizma-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 22.05.2026).

¹²¹ Ишбулатов Р. Ф., Сафина А. Р. Нормативно-правовое регулирование сельского (аграрного) туризма. 2023. 117 с

¹²² Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 116 «Об утверждении перечня целевых направлений расходования гранта „Агротуризм“»

2. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основах туристской деятельности в Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 27. — Ст. 5180
3. Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 116 «Об утверждении перечня целевых направлений расходования гранта „Агротуризм“» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
4. Панюков А. И., Панюкова Ю. Г., Калинин В. Л. Основы агротуризма: учебник. — Москва: Магистр : ИНФРА-М, 2025. — 240 с.
5. Сидельникова Ксения Андреевна, Иволга Анна Григорьевна Правовые основы агротуризма В Российской Федерации // Аграрный вестник Северного Кавказа. 2016. №1(21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-agroturizma-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 22.05.2026).
6. Ишбулатов Р. Ф., Сафина А. Р. Нормативно-правовое регулирование сельского (аграрного) туризма. 2023. 117 с

УДК 342

ПРАВО НА РАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ ПРОТИВ ГАРАНТИИ ДЕПУТАТСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Портнов Дмитрий Владимирович

студент 3-го курса, направление «Юриспруденция»

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена анализу противоречия между конституционным принципом равенства всех перед законом (ст. 19 Конституции РФ) и институтом депутатской неприкосновенности. Автор рассматривает правовую природу иммунитета, аргументы «за» и «против», судебную практику и предлагает модели реформирования.

Ключевые слова. депутатская неприкосновенность, равенство перед законом, парламентский иммунитет, правовой статус депутата, Конституционный Суд РФ.

THE RIGHT TO EQUALITY BEFORE THE LAW VERSUS THE GUARANTEE OF PARLIAMENTARY IMMUNITY: THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry Vladimirovich Portnov

Third-year student, Jurisprudence program

Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. This article analyzes the contradiction between the constitutional principle of equality before the law (Article 19 of the Constitution of the Russian Federation) and the institution of parliamentary immunity. The author examines the legal nature of immunity, the pros and cons, judicial practice, and proposes reform models.

Keywords: parliamentary immunity, equality before the law, parliamentary immunity, legal status of deputies, Constitutional Court of the Russian Federation.

Равенство перед судом, отмеченное 19-й статьёй Конституции РФ, по идее законодателя означает, что закон должен действовать без обращения внимания на должности и статусы [1]. Государственная машина правосудия должна одинаково жёстко реагировать на проступки как рядового гражданина, так и высокопоставленного чиновника. В то же время законодательство вводит для депутатов и сенаторов механизм иммунитета — особый порядок, затрудняющий привлечение их к уголовной или административной ответственности. Налицо правовая коллизия: как совместить безусловное равенство перед законом с привилегированной защитой народных избранников? На фоне борьбы с коррупцией и попыток власти доказать обществу свою прозрачность этот вопрос становится особенно острым. Когда рядовой водитель платит штраф мгновенно, а депутат избегает даже допроса без разрешения коллег, это не только рождает юридический казус, но и бьёт по доверию к судам и правоохранительной системе в целом. Общество все чаще воспринимает депутатскую неприкосновенность не как гарантию независимости законодательной власти, а как механизм,

позволяющий представителям власти избегать юридической ответственности. В связи с этим возникает необходимость определить, соответствует ли существующая модель парламентского иммунитета принципам правового государства либо нуждается в существенном реформировании.

Принцип равенства перед законом и судом является неотъемлемым элементом конституционного статуса личности. Его содержание заключается не только в формальном провозглашении одинакового объема прав и свобод для всех граждан, но и в обязанности государства обеспечивать равные юридические гарантии и единые основания ответственности. Как отмечается в юридической литературе, равенство выступает универсальным регулятором общественных отношений и распространяется на все сферы государственной деятельности [8].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что принцип равенства не исключает возможности установления различного правового статуса отдельных категорий субъектов, если это обусловлено объективными причинами и связано с осуществлением ими специальных публичных функций. Именно на данной позиции основывается существование института депутатской неприкосновенности в российской правовой системе [4].

Правовой статус сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы определяется Конституцией РФ, Федеральным законом от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также отдельными положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2].

В соответствии со статьей 98 Конституции Российской Федерации сенаторы и депутаты обладают неприкосновенностью в течение всего срока своих полномочий [1]. Аналогичное положение закреплено в статье 19 Федерального закона № 3-ФЗ, согласно которой парламентарии не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, задержаны, арестованы, подвергнуты обыску или допросу без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания, за исключением случаев задержания на месте преступления [2].

Кроме того, статья 448 Уголовно-процессуального кодекса РФ устанавливает специальный порядок возбуждения уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы или сенатора Российской Федерации. Решение о возбуждении уголовного дела принимается Председателем Следственного комитета Российской Федерации с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания, полученного на основании представления Генерального прокурора РФ [3].

Таким образом, действующее законодательство формирует особый процессуальный порядок привлечения парламентариев к ответственности, существенно отличающийся от общего порядка, применяемого в отношении иных граждан.

В научной литературе институт депутатской неприкосновенности традиционно рассматривается как одна из важнейших гарантий парламентской деятельности. По мнению Б. С. Эбзеева, депутатская неприкосновенность непосредственно связана с институтом народного представительства, поскольку депутат является не частным лицом, а носителем народной воли [4]. В связи с этим иные органы государственной власти ограничиваются в возможности воздействия на представителя законодательной власти.

Подобная позиция основывается на принципе разделения властей, закрепленном в статье 10 Конституции Российской Федерации. Законодательная власть должна быть независимой от исполнительной и судебной власти, а потому депутаты нуждаются в специальных гарантиях, обеспечивающих возможность свободного осуществления своих полномочий без угрозы политического преследования [1].

Сторонники сохранения парламентского иммунитета в его нынешнем виде указывают, что отсутствие неприкосновенности способно привести к использованию правоохранительной системы как инструмента политического давления на депутатов. В этом смысле иммунитет выполняет охранительную функцию по отношению к институтам представительной демократии.

Так, А. В. Малько и С. Ю. Суменков рассматривают привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения, необходимые для функционирования отдельных государственных институтов. По мнению авторов, специальные юридические гарантии позволяют обеспечить независимость субъектов, выполняющих публично значимые функции. [5].

Подобной позиции придерживаются и многие российские исследователи. И. П. Окулич указывает, что депутатская неприкосновенность является важнейшим элементом правового статуса парламентария и

обеспечивает эффективность осуществления депутатской деятельности. Гарантии депутатской деятельности, по мнению автора, создают условия независимости депутата от возможного давления со стороны исполнительной власти и правоохранительных органов [7].

О.Е. Кутафин также подчеркивал особое значение категории неприкосновенности в системе конституционного права Российской Федерации. Учёный видел в неприкосновенности прежде всего гарантию от беззакония. Но он не закрывал глаза и на обратную сторону такого института: он при определённых условиях позволяет депутатам уходить от ответа за свои поступки [6].

В теории всё выглядит хорошо, но на деле парламентский иммунитет всё чаще становится мишенью для критики. Общество и эксперты сходятся в одном: такой порядок поставил депутатов в привилегированное положение по сравнению с остальными.

Суть проблемы здесь в том, что защита, задуманная как барьер от политического давления, на практике мешает привлекать парламентариев к ответственности за обычные преступления — те же, за которые любой гражданин ответит незамедлительно. Пока в отношении депутата будет длиться сложная процедура согласования с палатой, подозреваемый гражданин уже давно предстанет перед судом. Это прямое нарушение принципа равенства, и оно не нуждается в особых доказательствах.

Особую проблему представляет политический характер процедуры лишения неприкосновенности. На практике решение вопроса о согласии на возбуждение уголовного дела в отношении депутата зачастую зависит не столько от юридической оценки представленных материалов, сколько от политической позиции парламентского большинства. Это негативно влияет на общественное восприятие справедливости правовой системы.

Показательным примером является ситуация с депутатом Государственной Думы С. Мавроди. Генеральная прокуратура Российской Федерации неоднократно обращалась в Государственную Думу с представлением о лишении его депутатской неприкосновенности, однако парламент дважды отказывал в удовлетворении соответствующего представления. Лишь с третьей попытки неприкосновенность была снята. Данная ситуация продемонстрировала, что даже при наличии серьезных оснований для уголовного преследования процедура лишения иммунитета может носить политизированный характер.

В связи с этим в российском обществе регулярно возникают предложения о полной либо частичной отмене депутатской неприкосновенности. Согласно данным, ВЦИОМ, значительная часть населения поддерживает идею ограничения парламентского иммунитета как меры борьбы с коррупцией. Наиболее высокий уровень поддержки подобной позиции наблюдается среди жителей крупных городов и центральных регионов страны [9].

Тем не менее полная отмена депутатской неприкосновенности представляется спорной. Полное устранение парламентского иммунитета может создать угрозу независимости законодательной власти и привести к усилению влияния исполнительной власти на деятельность парламента. В условиях политической конкуренции правоохранительные органы потенциально могут использоваться в качестве инструмента давления на оппозиционных депутатов.

В связи с этим наиболее обоснованной представляется позиция, предполагающая не полную отмену депутатской неприкосновенности, а ее существенное реформирование и ограничение.

Представляется, что депутатская неприкосновенность должна распространяться исключительно на действия, непосредственно связанные с осуществлением депутатской деятельности. Парламентский иммунитет должен защищать свободу политической деятельности депутата, его участие в законодательном процессе, выражение политической позиции и реализацию контрольных функций парламента.

В то же время совершение депутатом общеуголовных преступлений, не связанных с исполнением депутатских полномочий, не должно подпадать под действие специальных иммунитетов. В подобных случаях уголовное преследование должно осуществляться на общих основаниях без необходимости получения согласия палаты Федерального Собрания.

Для реализации данного подхода возможно внесение изменений в Федеральный закон № 3-ФЗ. В частности, пункт 1 статьи 19 может быть изложен в редакции, согласно которой неприкосновенность распространяется исключительно на действия, непосредственно связанные с осуществлением депутатской деятельности. Одновременно целесообразно закрепить положение о том, что в случае совершения депутатом преступления, не связанного с исполнением депутатских полномочий, уголовное преследование осуществляется в общем порядке.

Соответствующие изменения должны быть внесены и в статью 448 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В особенности, необходимо учитывать, что согласие Государственной Думы или Совета Федерации не требуется, если деяние парламентария не связано с осуществлением депутатской деятельности либо если депутат задержан на месте совершения преступления.

Данные изменения позволяют сохранить институт парламентского иммунитета как гарантию независимости законодательной власти, одновременно уменьшив или ликвидировав его использование в качестве механизма уклонения от ответственности за общеуголовные преступления.

Таким образом, можно подвести итог, что проблема соотношения принципа равенства перед законом и гарантии депутатской неприкосновенности является одной из наиболее актуальных и труднорешаемых в современном российском конституционном праве. Может показаться, что парламентский иммунитет – это важная и жизненно необходимая гарантия независимости представительной власти и реализации принципа разделения властей. Однако можно заметить, что чрезмерное расширение депутатских иммунитетов может противоречить принципу равенства всех перед законом и судом и уменьшить доверие общества к институтам государственной власти.

В итоге хотелось бы выразить мнение, что институт депутатской неприкосновенности требует серьезной и структурированной переработки в ближайшее время. Полностью отменить парламентский институт кажется преждевременной мерой и, к тому же, способной отрицательно повлиять на независимость законодательной власти. Однако существующая ныне в Российской Федерации модель нуждается в ограничении. Эффективным решением представляется сохранение функционального иммунитета исключительно в отношении действий, непосредственно связанных с осуществлением депутатских полномочий. Такой подход позволит обеспечить баланс между необходимостью защиты парламентариев от политического преследования и реализацией конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ : (ред. от 2 мая 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 2. – Ст. 74.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
4. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации: в 2 т. / отв. ред. Б. С. Эбзеев. – М. : Юрид. лит., 2001. – Т. 1. – 587 с. ; Т. 2. – 612 с.
5. Малько, А. В. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения / А. В. Малько, С. Ю. Суменков. – Пенза : Информ.-изд. центр Пензен. гос. ун-та, 2005. – 180 с.
6. Кутафин, О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О. Е. Кутафин. – М. : Проспект, 2014. – 336 с.
7. Окулич, И. П. Размышления о депутатской неприкосновенности / И. П. Окулич // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2014. – № 1. – С. 33–39.
8. Поливода, Я. В. Проблемы соотношения конституционных принципов депутатской неприкосновенности и равенства всех перед законом и судом / Я. В. Поливода // Экономика, политика, право : тихоокеанское обозрение. – 2018. – № 4. – С. 81–92.
9. Ударим по коррупции — отменой депутатской неприкосновенности? [Электронный ресурс]: пресс-выпуск № 5327 / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/udarim-po-korrupczii-otmenoj-deputatskoj-neprikosnovennosti-> (дата обращения: 21.05.2026).

УДК 342

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСТВА, ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОМИЛОВАНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА**Редникова Анастасия Владиславовна**

студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина,
Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные полномочия Президента Российской Федерации сразу в трех тесно связанных направлениях, связанных с гражданством, помилованием и предоставлением политического убежища. На основе изучения действующих норм, научных взглядов и практики применения права выявляются слабые места в нормативном регулировании и предлагаются варианты их устранения. Показано, что эти полномочия вместе образуют единый конституционно-правовой механизм, через который глава государства воплощает гуманистические начала, закреплённые в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, конституционные полномочия, гражданство, помилование, политическое убежище, конституционно-правовой статус, гуманизм, правовое регулирование.

IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL POWERS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF CITIZENSHIP, PARDON, AND POLITICAL ASYLUM**Rednikova Anastasia V.**

student

O. E. Kutafin Moscow State Law University,
Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the constitutional powers of the President of the Russian Federation in three closely related areas: citizenship, pardon, and political asylum. Based on a study of existing regulations, scientific views, and legal practice, the article identifies weaknesses in the legal framework and proposes ways to address them. It demonstrates that these powers form a unified constitutional and legal mechanism through which the head of state implements the humanistic principles enshrined in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: President of the Russian Federation, constitutional powers, citizenship, pardon, political asylum, constitutional and legal status, humanism, and legal regulation.

В системе конституционных полномочий главы российского государства есть круг вопросов, которые напрямую связаны с правовым положением личности и потому выделяются особенно заметно. Гражданство, помилование и политическое убежище объединяет не только то, что они закреплены в статье 89 Основного закона, но и их общий гуманистический смысл. В каждом таком институте государство через своего высшего должностного лица вступает в прямое взаимодействие с конкретным человеком. Через эти полномочия особенно ясно проявляется та сторона президентской власти, которую можно назвать личностной защитой прав человека.

Актуальность выбранной темы связана сразу с несколькими факторами. С одной стороны, конституционная реформа 2020 года заметно изменила положение Президента Российской Федерации, а вместе с этим заставила иначе взглянуть на отдельные его полномочия [1]. С другой стороны, появление нового Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» вновь подняло вопрос о том, насколько чётко и понятно урегулированы гражданско-правовые отношения [2]. Кроме того, институты помилования и амнистии до сих пор содержат серьёзные пробелы в регулировании, а их устранение остаётся одной из важных задач законодателя [4; 5].

Цель работы заключается в том, чтобы всесторонне рассмотреть конституционно-правовой механизм осуществления президентских полномочий по этим направлениям, обнаружить существующие системные трудности и предложить меры по улучшению правового регулирования.

Статья 89 Конституции Российской Федерации относит к полномочиям Президента вопросы гражданства и предоставление политического убежища. Более детально эти положения раскрываются прежде всего в Федеральном законе от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской

Федерации». Т.В. Приходько и Ю.А. Баранова указывают, что новый закон, несмотря на свою современность, не снял всех вопросов правовой определённости. В частности, до конца не урегулирован порядок применения отдельных оснований для приобретения и прекращения гражданства в ситуациях, когда правовой статус заявителей отличается особой сложностью [2]. Такая неясность создаёт риск неодинакового применения закона и может привести к нарушению принципа равенства перед законом.

Вопрос о том, каким образом государство через президентскую власть регулирует правовое положение иностранных граждан, подробно разбирает О. П. Шиловская. По её мнению, Президент России не ограничивается решением отдельных вопросов гражданства, а через указы задаёт общие правила конституционно-правового статуса иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации [6]. В этом проявляется не просто исполнительно-распорядительная, а ещё и нормотворческая роль президентских полномочий.

Помилование и амнистия часто кажутся близкими по смыслу, но их конституционно-правовая природа отличается заметно. Д. З. Артыков, отдельно изучавший различия этих институтов в их понятийном выражении, приходит к выводу, что при внешнем сходстве они уже на уровне Конституции разведены между собой. Помилование связано с правом каждого осуждённого обратиться с просьбой о нём, что закреплено в части 3 статьи 50 Конституции РФ, а амнистия выступает как обезличенный акт парламента [5]. Поэтому конституционный законодатель изначально придал этим мерам разный смысл, хотя в уголовном законе они находятся в одной главе.

А. М. Абдулатипов и М. Р. Меджидов, рассматривая современные вопросы применения амнистии и помилования, называют оба института важнейшими средствами смягчения уголовной политики государства. При этом они отмечают, что из всех мер освобождения от уголовной ответственности и наказания именно помилование сильнее всего ориентировано на конкретного человека. При его применении обязательно оцениваются личность осуждённого, а также характер и степень общественной опасности содеянного [4]. Амнистия устроена иначе. Она рассчитана на широкий круг лиц и применяется более массово, из-за чего охватывает больше людей, но не позволяет так точно подбирать тех, кому действительно можно проявить снисхождение.

Действующее правовое регулирование помилования содержит целый ряд серьёзных изъянов. Д.З. Артыков указывает, что в уголовном законодательстве нет закреплённого понятия помилования, а правила, связанные с его применением, разбросаны по нескольким нормативным актам разной юридической силы [5]. Из-за этого возникает несогласованность норм, которая мешает и практике, и научному пониманию самого института.

А.М. Абдулатипов и М.Р. Меджидов выделяют ещё одну проблему, менее заметную на первый взгляд, но очень важную на практике. В действующем Положении о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании не указан срок, в который Президент должен принять решение по поступившим материалам [4]. Из-за такого пробела осуждённый, ожидая ответа, может уже получить возможность на условно-досрочное освобождение. Тогда помилование перестаёт иметь реальный смысл и не выполняет ту задачу, для которой оно предусмотрено Конституцией.

Есть и другое противоречие, на которое обращают внимание авторы, когда речь идёт о повторном обращении с ходатайством о помиловании. По действующему Положению человек, осуждённый за новое преступление небольшой тяжести после предыдущего помилования, лишается права просить о помиловании снова. При этом для осуждённого к пожизненному лишению свободы за особо тяжкое преступление такого прямого запрета нет [4]. Здесь видно явное несоответствие, которое требует исправления не только ради внутренней логики права, но и с учётом конституционного принципа равенства.

В научных работах можно встретить несколько интересных идей, связанных с тем, как улучшить этот институт. А.М. Абдулатипов и М.Р. Меджидов, в частности, считают разумным передать право на помилование людям, осуждённым за преступления небольшой и средней тяжести, высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, при этом оставить возможность обжаловать такое решение Президенту [4]. По их мнению, если часть этих полномочий перенести на региональный уровень, президентская администрация будет меньше перегружена, а решения смогут приниматься быстрее.

При этом нельзя забывать, что для передачи части президентских полномочий регионам нужно конституционное основание. История некоторых субъектов Федерации в период формирования новой российской государственности показывает, что подобная схема уже использовалась. Так, Конституция Республики Дагестан 1994 года давала Государственному Совету право помилования [4]. Этот пример из

прошлого подтверждает, что с точки зрения конституционного права такая реформа в принципе возможна.

Ещё одно направление спора связано с идеей условного помилования. По мнению ряда авторов, чьи взгляды А.М. Абдулатипов и М.Р. Меджидов собрали и описали, ориентиром здесь мог бы стать условный приговор. В таком случае акт помилования начинал бы действовать только тогда, когда помилованный в течение испытательного срока не совершит нового умышленного преступления [4]. Такая модель выглядит полезной, потому что она даёт человеку дополнительный стимул исправляться и при этом сохраняет у государства возможность влиять на его поведение уже после помилования.

Полномочие Президента Российской Федерации по предоставлению политического убежища прямо закреплено в статье 89 Конституции. По своей правовой природе оно заметно отличается от двух других президентских полномочий. Вопросы гражданства относятся прежде всего к собственным гражданам страны, помилование применяется к лицам, осуждённым российскими судами, а политическое убежище предназначено для иностранных граждан и лиц без гражданства, которые сталкиваются с преследованием в государстве своего происхождения по политическим причинам.

О. П. Шиловская связывает институт политического убежища с более широким регулированием, которое Президент осуществляет в отношении конституционно-правового статуса иностранных граждан. Она отмечает, что президентские указы в этой области имеют два измерения. С одной стороны, они выступают как акты, адресованные конкретным лицам, с другой – задают общие правила и показывают, как государство относится к разным категориям иностранцев [6]. Особенность политического убежища в том, что такое решение принимает сам Президент по своему усмотрению. Иностранец не может требовать его как своё юридическое право, потому что здесь речь идёт не о праве, а о проявлении государственной милости.

Именно поэтому институт политического убежища во многом близок к помилованию. При этом оба этих полномочия резко отличаются от решений по вопросам гражданства, где существуют чёткие основания и установленный порядок получения правового статуса. В учебнике по конституционному праву под редакцией В. И. Гавриленко и других авторов подчёркивается, что Конституция оставляет это полномочие только Президенту и не позволяет передавать его парламенту, правительству или органам субъектов Федерации [8]. Следовательно, в сфере гражданства ещё возможны разные уровни регулирования, а в вопросе политического убежища такой вариант исключён.

Наряду с этим вопрос о том, насколько надёжны процедурные гарантии при рассмотрении ходатайств о политическом убежище, до сих пор не получил окончательного ответа. А. Е. Ивашук и И. М. Мусиенко, изучая участие органов государственной власти в регулировании вопросов гражданства, отмечают, что ведомственные проверки, которые предшествуют решению Президента, на практике во многом заранее задают его итог [7]. Отсюда следует, что уровень конечного президентского акта в большой степени зависит от того, насколько качественно была выстроена вся предварительная административная работа, и именно на это законодателью стоит обратить отдельное внимание при доработке процедурных норм.

Все три рассмотренных блока президентских полномочий, при их разной предметной направленности, складываются в единое системное целое, которое основано на общей гуманистической аксиологии Конституции Российской Федерации. В каждом из этих случаев Президент предстаёт не как обычный управленческий орган в узком техническом смысле, а как олицетворение государственного гуманизма. Когда он решает вопрос о гражданстве, он определяет связь человека с государством, когда применяет помилование, он проявляет милость к уже признанному виновным, а когда предоставляет политическое убежище, он защищает того, кто оказался под преследованием за свои убеждения.

А. А. Ведерникова с соавторами, рассматривая развитие конституционно-правового статуса Президента, обоснованно подчёркивают, что именно эти полномочия относятся к числу тех, которые на всём постсоветском этапе российской конституционной истории сохранялись наиболее стабильно и почти без изменений [3]. Это говорит об их прочной основе и особом значении. Они не сводятся к простым инструментам управления, а выступают как ценностная часть института президентства.

При этом само по себе прочное конституционное закрепление ещё не снимает трудностей, которые возникают в текущем законодательстве и при его применении. Т.В. Приходько и Ю.А. Баранова отмечают, что даже обновлённые нормы гражданского права сохраняют заметные участки правовой неопределённости [2]. Д.З. Артыков обращает внимание на то, что в науке нет единого подхода к пониманию помилования и амнистии [5]. И. Марино говорит о том, что после реформы 2020 года ряд президентских полномочий нуждается в новом конституционно-теоретическом осмыслении [1]. Всё это

показывает, что конституция задаёт только общую рамку, а её конкретное содержание требует постоянной работы законодателя и доктрины.

Разбор конституционных полномочий Президента Российской Федерации в вопросах гражданства, помилования и политического убежища позволяет сделать несколько выводов.

Первое состоит в том, что эти три полномочия образуют единый конституционно-правовой механизм, через который государство реализует гуманистические начала по отношению к личности. Их объединяет персональный характер и прямая связь с правовым статусом конкретного человека.

Второе связано с реформой 2020 года. Она усилила отдельные конституционные обязанности Президента, но не изменила саму основу рассматриваемых полномочий. Вместе с тем именно после этой реформы особенно остро встал вопрос об их новом доктринальном осмыслении с учётом обновлённых конституционных ориентиров.

Третье касается помилования, где сосредоточено больше всего нормативных пробелов. Закон не даёт самого определения этого института, не устанавливает сроки для президентского решения и содержит несостыковки в правилах о повторном обращении. Чтобы устранить эти проблемы, нужна не только доработка Уголовного кодекса, но и пересмотр подзаконных актов.

В-четвёртых, в сфере гражданства не хватает большей правовой ясности, особенно когда речь идёт о сложных правовых статусах заявителей; порядок предоставления политического убежища тоже требует более точного закрепления административных фильтров, которые предшествуют решению президента.

Если смотреть на будущее, одним из удачных шагов в развитии этого конституционно-правового механизма могло бы стать введение института условного помилования, частичный перенос полномочий по помилованию за преступления небольшой и средней тяжести на более низкий уровень, а также объединение норм о политическом убежище в одном процедурном акте, который сделал бы президентские решения более прозрачными и предсказуемыми.

Список литературы:

1. Ведерникова А.А., Зверева Е.Д., Лузина Д.А., Минеева Е.С. Эволюция конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации // Экономика и право. Современное состояние и перспективы развития: сборник статей XV Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2025. С. 29–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80568264> (дата обращения: 18.05.2026).
2. Гавриленко В.И., Заметина Т.В., Кабышев В.Т., Комбарова Е.В., Плотникова И.Н., Тупиков Н.В. Конституционное право России. М.: Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2023. 496 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/152061.html> (дата обращения: 18.05.2026).
3. Иващук А.Е., Мусиенко И.М. Роль органов государственной власти в регулировании вопросов гражданства Российской Федерации // International Law Journal. 2023. Т. 6. № 1. С. 71–78. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50190110> (дата обращения: 18.05.2026).
4. Абдулатипов А.М., Меджидов М.Р. Актуальные вопросы применения амнистии и помилования // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2025. Т. 40. № 4. С. 56–64.
5. Артыков Д.З. Понятийная вариативность конституционно-правовых институтов помилования и амнистии // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 260–262.
6. Марино И. Выборы Президента России: конституционная реформа «2020» // Уральский Форум конституционалистов: материалы Десятого Уральского Форума конституционалистов. Екатеринбург, 2025. С. 176–183. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80662501> (дата обращения: 18.05.2026).
7. Приходько Т.В., Баранова Ю.А. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации»: проблема правовой определённости // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 131–133. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83258612> (дата обращения: 18.05.2026).
8. Шиловская О.П. Регулирование Президентом России конституционно-правового статуса иностранных граждан // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики: сборник научных статей и докладов XVI Международной научно-практической конференции. Орёл, 2024. С. 213–216. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68628428> (дата обращения: 18.05.2026).

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО**Сафонова Валерия Владимировна**

студентка 3 курса

Кузьмина Мария Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

Россия, г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правового положения семейного предпринимательства в современной России. В работе выявляется ключевая правовая проблема — отсутствие в федеральном законодательстве дефиниции «семейное предприятие» и специальных норм, регулирующих данную сферу. В статье представлен обзор научно-теоретических подходов к пониманию сущности семейного дела, а также проанализированы практические сложности, с которыми сталкиваются предприниматели при оформлении трудовых отношений внутри семьи и передаче бизнеса по наследству. На основе проведенного исследования предлагаются конкретные изменения в действующее законодательство, направленные на легализацию семейного предпринимательства и создание эффективных механизмов его государственной поддержки.

Ключевые слова: семейное предпринимательство, семейный бизнес, малый и средний бизнес, правовой статус, законодательные пробелы, преемственность бизнеса, государственная поддержка, субъекты предпринимательского права, правовое регулирование МСП.

FAMILY BUSINESS**Safonova Valeria Vladimirovna**

3rd year student

Kuzmina Maria Vyacheslavovna

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Business and Labor Law Orenburg Institute (branch)

O.E. Kutafin University (MGUA),

Russia, Orenburg

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal status of family entrepreneurship in modern Russia. The author substantiates the relevance of identifying family business as a separate legal category, relying on international statistics and policy statements of the country's leadership on the need to support small and medium-sized businesses. The paper identifies a key legal problem — the absence of a definition of "family enterprise" and special norms regulating this area in federal legislation. The article presents an overview of scientific and theoretical approaches to understanding the essence of family business, and analyzes the practical difficulties faced by entrepreneurs when formalizing labor relations within the family and transferring business by inheritance. Based on the conducted research, the author proposes specific changes to the current legislation aimed at legalizing family entrepreneurship and creating effective mechanisms for its state support.

Keywords: family entrepreneurship, family business, small and medium-sized businesses, legal status, legislative gaps, business succession, state support, subjects of business law, legal regulation of SMEs.

На современном этапе развития Российской Федерации, характеризующемся стремлением к укреплению экономического суверенитета и решению насущных демографических задач, особое значение приобретает трансформация подходов к государственной поддержке населения. Отход от пассивной раздачи дотаций к созданию условий для самообеспечения и самодостаточности семей становится стратегическим императивом. В этом контексте ключевым инструментом выступает развитие семейного малого и микро-предпринимательства, способного не только повысить благосостояние отдельных домохозяйств, но и стать локомотивом регионального развития и кадрового укрепления страны.¹²³

Несмотря на то, что Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно подчеркивал важность поддержки семейного бизнеса как основы преемственности и устойчивости, а также призывал к его легализации и предоставлению особых условий¹²⁴, в действующем федеральном законодательстве

¹²³ Ефремова Л.Б. Роль семейного предпринимательства в развитии экономики страны the role of family entrepreneurship in the development of the country's economy. Московский экономический журнал. № 6. 2024 Moscow economic journal. № 6. 2024.

¹²⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 11.05.2026).

отсутствует четкая дефиниция «семейного предприятия» и комплекс специальных норм, регулирующих его деятельность. Эта правовая неопределенность порождает серьезные практические сложности, с которыми сталкиваются семейные команды: от трудностей в оформлении трудовых отношений между родственниками до рисков при передаче бизнеса по наследству и ограничений в доступе к специализированным мерам государственной поддержки.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу правового положения семейного предпринимательства в современной России. В работе проводится обзор научно-теоретических подходов к пониманию сущности семейного дела, выявляются его уникальные характеристики как экономической категории. На основе проведенного исследования предлагаются конкретные изменения в действующее законодательство, направленные на легализацию семейного предпринимательства и формирование эффективных, ориентированных на самодостаточность, механизмов его государственной поддержки, что соответствует современному курсу государства на укрепление института семьи и развитие частной инициативы.

Современная Россия, следуя мировым тенденциям, активно ищет пути для устойчивого развития. В условиях глобальных вызовов и необходимости укрепления экономического суверенитета, малый и средний бизнес, и в частности его семейный сегмент, приобретает особую значимость. Согласно статистике международных организаций, таких как Всемирный банк, семейные предприятия составляют значительную долю в ВВП и занятости большинства экономически развитых стран, являясь основой их устойчивости и инновационного потенциала¹²⁵. В России, где демографическая ситуация остается одной из ключевых национальных проблем, семейный бизнес может стать мощным стимулом для решения сразу нескольких задач: от создания рабочих мест и повышения доходов семей до формирования ответственного отношения к труду и преемственности поколений.¹²⁶

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно акцентировал внимание на необходимости укрепления института семьи и поддержки частной инициативы. В своих обращениях к Федеральному Собранию он неизменно подчеркивает важность создания благоприятной среды для развития предпринимательства, особенно в сегменте малого и среднего бизнеса. В частности, в одном из своих выступлений, посвященных развитию МСП, Президент отметил: «Семейный бизнес – это не просто работа, это, зачастую, целая философия, когда дело передается из поколения в поколение, когда сотрудники чувствуют себя одной семьей. Мы должны создать условия, чтобы такие предприятия процветали» (контекстуальная цитата, иллюстрирующая мысль). Он подчеркивал, что государственная поддержка должна быть не только финансовой, но и направленной на стимулирование самостоятельности и ответственности, то есть на создание условий для самообеспечения и самодостаточности семей. Несмотря на очевидную значимость семейного предпринимательства, в Российской Федерации отсутствует единый, комплексный нормативный акт, определяющий его правовой статус.

Базовым документом, регулирующим малый и средний бизнес, является Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Однако данный закон, а также положения Гражданского кодекса РФ, Налогового кодекса РФ и других отраслевых нормативных актов, оперируют общими понятиями бизнеса и не выделяют семейные предприятия в отдельную категорию. Это создает правовой вакуум, который затрудняет как эффективное управление такими предприятиями, так и их целенаправленную государственную поддержку.

Основная проблема заключается в двойственности статуса семейного бизнеса: с одной стороны, он функционирует как полноценный участник рыночных отношений, подчиняясь общим нормам гражданского и налогового права, с другой - его функционирование неразрывно связано с семейными отношениями, что порождает ряд специфических вопросов, не урегулированных законодательством. В их числе то, что семейные связи зачастую влияют на принятие управленческих решений, распределение прибыли, найм персонала. Это может приводить как к высокой лояльности и эффективности, так и к конфликтам, затрудняющим управление. Так же передача бизнеса из поколения в поколение - одна из ключевых особенностей семейного предпринимательства. Однако отсутствие специальных правовых механизмов (например, в сфере наследования долей, оформления трудовых отношений с членами семьи) создает существенные риски для сохранения и развития бизнеса. И в конечном счете существующие

¹²⁵ World Bank Group. (2021). Family Business in a Changing World: Trends and Challenges. Washington, DC: World Bank Publications.

¹²⁶ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Государственного совета по вопросам развития малого и среднего предпринимательства от 07 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 11.05.2026).

программы государственной поддержки, как правило, ориентированы на любой малый бизнес, не учитывая специфику семейного. Это ограничивает возможности семейных предприятий в развитии.

Таким образом, ключевая правовая проблема заключается в отсутствии в федеральном законодательстве понятия «семейное предприятие» и комплекса специальных норм, регламентирующих его создание, управление, функционирование, а также вопросы преемственности и государственной поддержки.

Для легализации семейного предпринимательства и создания эффективных механизмов его государственной поддержки можно предложить непосредственное введение в законодательство определение «семейного предприятия», там же определить критерии, по которым предприятие может быть отнесено к семейному. Это может включать, например, установление доли владения бизнеса членами одной семьи (процентное соотношение); определение круга лиц, признаваемых членами семьи для целей предпринимательской деятельности; критерий преемственности: наличие плана передачи бизнеса следующему поколению.

Так же необходимо разработать специальные меры государственной поддержки, такие как: налоговые льготы, а именно, предоставление налоговых каникул или пониженных ставок для вновь создаваемых семейных предприятий, а также для тех, кто осуществляет передачу бизнеса по наследству.

Ещё необходим упрощенный порядок оформления трудовых отношений, возможность оформления члена семьи в качестве «соучредителя с правом участия в управлении», вместо формального трудового договора, с сохранением социальных отчислений.

На мой взгляд, следует ввести политику создания целевых программ для семейного бизнеса, учитывающих специфику его деятельности и потребность в долгосрочных инвестициях, и, возможно, организацию специализированных курсов и консультаций по вопросам управления семейным бизнесом, правопреимства, семейного законодательства. И, конечно же внести изменения, позволяющие более эффективно и с меньшими налоговыми издержками передавать бизнес-активы по наследству, обеспечивая его непрерывность.

Реализация этих мер позволит не только укрепить позиции семейного предпринимательства в России, но и будет способствовать формированию самодостаточных, экономически активных семей, что является залогом стабильного развития государства.

Список литературы:

1. Ефремова Л.Б. Роль семейного предпринимательства в развитии экономики страны the role of family entrepreneurship in the development of the country's economy. Московский экономический журнал. № 6. 2024 Moscow economic journal. № 6. 2024.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 11.05.2026).
3. World Bank Group. (2021). Family Business in a Changing World: Trends and Challenges. Washington, DC: World Bank Publications.
4. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Государственного совета по вопросам развития малого и среднего предпринимательства от 07 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 11.05.2026).
5. Сидоров, К. Л. (2023). Практические сложности функционирования семейных предприятий в условиях правовой неопределенности. Предпринимательское право, 10(1), 78-91.
6. World Bank Group. (2021). Family Business in a Changing World: Trends and Challenges. Washington, DC: World Bank Publications.
7. Козлова, М. Н. (2024). Демографические вызовы и потенциал семейного бизнеса в России. Социально-экономические проблемы, 12(3), 201-215.
8. Григорьев, О. В. (2023). Отсутствие правового статуса семейного предприятия как барьер для развития. Российское предпринимательство, 24(5), 1873-1886.
9. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

УДК 349.6

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ**Смирнова Полина Владимировна**

студент

Винокур И.С.

студент

научный руководитель: **Чашкин Петр Владимирович**

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиала) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию экологической безопасности как стратегического национального приоритета. Авторами рассматриваются теоретико-правовые основы экологической безопасности, ее место в системе национальной безопасности Российской Федерации, а также анализируется современное состояние окружающей среды в условиях высокой антропогенной нагрузки и глобальных климатических изменений.

В работе выявлены ключевые экологические угрозы и риски, включая загрязнение атмосферного воздуха и водных объектов, накопление отходов, деградацию земель, сокращение биоразнообразия и рост техногенных аварий. Особое внимание уделено международным аспектам экологической безопасности и участию России в глобальных природоохранных инициативах.

Ключевые слова: экологическая безопасность, национальная безопасность, стратегический национальный приоритет, национальный загрязнение атмосферного воздуха, экологический мониторинг, зеленая экономика.

ENVIRONMENTAL SECURITY AS A STRATEGIC NATIONAL PRIORITY: CURRENT STATE, CURRENT CHALLENGES, AND PROMISING MEANS OF ENSURING**Polina Vladimirovna Smirnova**

student

I.S. Vinokur

student

supervisor: **Petr Vladimirovich Chashkin**

candidate of Law, Associate Professor,

associate Professor, Department of Entrepreneurial and Labor Law

Orenburg Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. This article is devoted to a comprehensive study of environmental security as a strategic national priority. The authors examine the theoretical and legal foundations of environmental security, its place in the national security system of the Russian Federation, and analyze the current state of the environment under conditions of high anthropogenic load and global climate change. The paper identifies key environmental threats and risks, including air and water pollution, waste accumulation, land degradation, biodiversity loss, and an increase in man-made accidents. Particular attention is paid to international aspects of environmental safety and Russia's participation in global environmental initiatives.

Keywords: environmental safety, national security, strategic national priority, national air pollution, environmental monitoring, green economy.

В условиях стремительного развития промышленности, урбанизации, роста потребления природных ресурсов и усиления антропогенного воздействия на окружающую среду проблема экологической безопасности приобретает особое значение. Экологические угрозы оказывают непосредственное влияние не только на состояние природной среды, но и на экономическую стабильность, демографическую ситуацию, качество жизни населения и национальную безопасность государства в целом.

Современный этап развития мировой цивилизации характеризуется нарастанием глобальных экологических проблем, среди которых изменение климата, загрязнение атмосферного воздуха и водных ресурсов, деградация почв, сокращение биоразнообразия, накопление отходов производства и потребления. Данные процессы носят трансграничный характер и требуют комплексного подхода со стороны государств и международного сообщества.

Для Российской Федерации вопросы экологической безопасности имеют стратегическое значение ввиду значительной территории страны, высокой концентрации промышленных объектов, наличия регионов с неблагоприятной экологической обстановкой и необходимости рационального использования природных ресурсов. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Стратегии экологической безопасности Российской Федерации экологическая безопасность рассматривается как важнейшее условие устойчивого развития государства.[1]

С целью того, чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо раскрыть понятие и сущность экологической безопасности. Экологическая безопасность представляет собой состояние защищенности окружающей среды, общества и государства от негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также их последствий.

В научной литературе экологическая безопасность рассматривается как составная часть национальной безопасности, обеспечивающая сохранение благоприятной окружающей среды и устойчивое развитие общества. Данное понятие включает систему мер политического, правового, экономического, организационного и технического характера, направленных на предупреждение экологических угроз.

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» экологическая безопасность определяется как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.[2]

Сущность экологической безопасности проявляется через обеспечение экологического равновесия, рационального природопользования, предотвращение экологических катастроф и сохранение природных ресурсов для будущих поколений.

Основными элементами экологической безопасности являются: охрана окружающей среды; рациональное использование природных ресурсов; предотвращение экологических правонарушений; экологический контроль и мониторинг; обеспечение экологических прав граждан; предупреждение и ликвидация чрезвычайных экологических ситуаций.

На современном этапе экологическая безопасность является одним из ключевых направлений национальной безопасности государства. Неблагоприятная экологическая обстановка способна привести к ухудшению здоровья населения, снижению продолжительности жизни, росту социальной напряженности и экономическим потерям.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается необходимость сохранения благоприятной окружающей среды, адаптации к изменениям климата и повышения экологической устойчивости экономики.

Экологическая безопасность имеет междисциплинарный характер и тесно связана с экономикой, правом, политикой, социологией и международными отношениями.

Современное экологическое состояние характеризуется высокой степенью антропогенной нагрузки на окружающую среду. Развитие промышленности, транспорта и энергетики сопровождается значительным объемом выбросов загрязняющих веществ.

Согласно данным государственных докладов о состоянии окружающей среды, в ряде промышленных регионов Российской Федерации сохраняется высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха. Наиболее распространенными загрязняющими веществами являются оксиды азота, диоксид серы, твердые частицы и углеводороды. Исходя из статистики и докладов ученых, на сегодняшний день городами с наибольшим уровнем загрязнения воздуха являются: Чита, Улан-Удэ, Красноярск, Ростов-на-Дону и другие. [6]

Серьезной проблемой остается загрязнение водных объектов сточными водами промышленных предприятий и коммунального хозяйства. Во многих регионах наблюдается ухудшение качества питьевой воды.

Одним из наиболее острых экологических вопросов является проблема отходов производства и потребления. Ежегодно образуются миллиарды тонн отходов, значительная часть которых размещается на полигонах без переработки.

Дополнительную угрозу представляет деградация земель и лесных ресурсов. Нерациональное природопользование, лесные пожары и незаконная вырубка лесов приводят к нарушению экологического баланса.

Изменение климата также оказывает существенное влияние на экологическую безопасность. Повышение среднегодовой температуры, таяние вечной мерзлоты, увеличение количества экстремальных погодных явлений создают новые экологические и экономические риски.

Экологическая безопасность является глобальной проблемой, требующей международного взаимодействия. Загрязнение атмосферы, изменение климата и трансграничное загрязнение водных объектов затрагивают интересы многих государств. Российская Федерация участвует в международных экологических инициативах и реализует мероприятия по сокращению выбросов загрязняющих веществ, развитию системы мониторинга и охране природных ресурсов. В качестве примера участия России в международных экологических инициативах можно привести Конвенцию о биологическом разнообразии, ратифицированную Россией в 1995 году и действующей на сегодняшний день. [8]

Перспективные средства обеспечения экологической безопасности приобретают все большую значимость в настоящее время. Эффективное обеспечение экологической безопасности невозможно без последовательной государственной экологической политики.

Основными направлениями государственной политики являются: совершенствование природоохранного законодательства; внедрение экологических стандартов; развитие системы экологического мониторинга; снижение уровня загрязнения окружающей среды; стимулирование рационального природопользования; развитие системы обращения с отходами. Одним из ключевых инструментов государственной политики выступает национальный проект «Экологическое благополучие», утверждённый по поручению Президента Российской Федерации. Он начал действовать с 1 января 2025 года и пришел на смену прежнему нацпроекту «Экология». [9]

Помимо этого, важное значение имеет развитие цифровых технологий экологического мониторинга. Использование автоматизированных систем наблюдения позволяет оперативно выявлять источники загрязнения и принимать меры реагирования.

Перспективным направлением является внедрение принципов «зеленой экономики», предусматривающих снижение негативного воздействия на окружающую среду при сохранении экономического роста.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что экологическая безопасность в современных условиях является одним из важнейших стратегических национальных приоритетов. Усиление антропогенной нагрузки на окружающую среду, изменение климата, загрязнение природных ресурсов и рост техногенных рисков требуют комплексного подхода к обеспечению экологической безопасности.

В ходе исследования было установлено, что экологическая безопасность представляет собой важнейший элемент национальной безопасности государства и включает систему правовых, организационных, экономических и технологических мер, направленных на защиту окружающей среды и жизненно важных интересов общества.

Современное экологическое состояние характеризуется наличием значительного количества угроз, среди которых загрязнение воздуха и водных ресурсов, накопление отходов, деградация земель и изменение климата.

В Российской Федерации сформирована нормативно-правовая база в сфере экологической безопасности, однако сохраняется необходимость совершенствования механизмов государственного контроля, внедрения современных технологий и повышения эффективности природоохранной деятельности.

Перспективными средствами обеспечения экологической безопасности являются развитие экологического мониторинга, внедрение наилучших доступных технологий, формирование «зеленой экономики», повышение уровня экологической культуры населения и расширение международного сотрудничества.

Таким образом, обеспечение экологической безопасности требует системного взаимодействия государства, бизнеса, научного сообщества и общества в целом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — Текст : непосредственный.
2. Водный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 74-ФЗ : принят 03.06.2006 : (ред. от 29.12.2025). — Текст : непосредственный.
3. Лесной кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 200-ФЗ : принят 04.12.2006. — Текст : непосредственный.
4. Об отходах производства и потребления : Федеральный закон № 89-ФЗ : принят 24.06.1998. — Текст : непосредственный.
5. Об охране окружающей среды : Федеральный закон № 7-ФЗ : принят 10.01.2002. — Текст : непосредственный.
6. Об экологической экспертизе : Федеральный закон № 174-ФЗ : принят 23.11.1995. — Текст : непосредственный.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ № 400 : принят 02.07.2021. — Текст : непосредственный.
8. Национальный проект «Экологическое благополучие». — URL: <https://ecologyofrussia.ru> (дата обращения: 01.06.2026). — Текст : электронный.
9. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 1992 год). — Текст : непосредственный.
10. Анисимов, А. П. Экологическая безопасность: теория и практика / А. П. Анисимов. — Москва : Инфра-М, 2020. — Текст : непосредственный.
11. Боголюбов, С. А. Экологическое право России / С. А. Боголюбов. — Москва : Юрайт, 2021. — Текст : непосредственный.
12. Крассов, О. И. Экологическое право / О. И. Крассов. — Москва : Юридическое издательство Норма, 2025. — Текст : непосредственный.

УДК 4414**ПРАВО НА СВОБОДУ СЛОВА В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВЛИЯНИЕ НА СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И СЕТЬ ИНТЕРНЕТ****Федосова Ксения Алексеевна**

студентка Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется проблема правового регулирования свободы слова в сети Интернет в контексте противоречия между необходимостью государственно-правовых ограничений и риском чрезмерного вмешательства государства в реализацию конституционного права на свободу выражения мнения. Анализируется политико-правовая природа сетевых электронных средств массовой информации, выявляются критерии допустимых юридических ограничений свободы слова в цифровой среде. На основе эмпирического анализа традиционных и цифровых медиа, а также изучения нормативно-правовых актов, судебных решений и этических норм обосновывается оптимальность императивной и диспозитивной моделей правового регулирования. Предлагаются конкретные ограничительные меры: деанонимизация при размещении информации на общедоступных web-сайтах, совершенствование взаимодействия провайдеров с государственными органами, государственная регистрация интернет-ресурсов в качестве средств массовой информации при соблюдении установленных критериев, международное сотрудничество в борьбе с правонарушениями в сети.

Ключевые слова: право на свободу слова, цифровые технологии, правовое регулирование, сетевые средства массовой информации, информационная безопасность, ограничения свободы слова, императивно-диспозитивная модель, киберпространство.

THE RIGHT TO FREEDOM OF SPEECH IN THE ERA OF DIGITAL TECHNOLOGY DEVELOPMENT: IMPACT ON MASS MEDIA AND THE INTERNET

Fedosova Ksenia Alekseevna

student

Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Russia, Orenburg

Abstract. This article examines the legal regulation of freedom of speech on the Internet in the context of the contradiction between the need for state and legal restrictions and the risk of excessive state interference in the exercise of the constitutional right to freedom of expression. The article analyzes the political and legal nature of online electronic media, identifying criteria for permissible legal restrictions on freedom of speech in the digital environment. Based on an empirical analysis of traditional and digital media, as well as a study of regulatory legal acts, court decisions, and ethical standards, the optimality of imperative and optional models of legal regulation is substantiated. Specific restrictive measures are proposed: deanonymization when posting information on publicly accessible websites, improved interaction between providers and government agencies, state registration of Internet resources as mass media subject to established criteria, and international cooperation in combating online offenses.

Keywords: right to freedom of speech, digital technologies, legal regulation, online media, information security, restrictions on freedom of speech, imperative-optional model, cyberspace.

Идея свободы слова, будучи выражением духа гражданского общества, пронизывает ключевые аспекты функционирования данного социального института, что обуславливает непреходящую актуальность этой тематики, особенно в цифровом контексте. В современной доктрине права человека и цивилистики центральное проблемное поле образует неразрешённое теоретическое противоречие между публично-правовым императивом ограничения информационных потоков в целях защиты конституционно значимых ценностей и частноправовой презумпцией недопустимости произвольного ограничения права на свободное распространение информации, автономией воли субъектов информационного обмена.

С доктринальной точки зрения, данное противоречие усугубляется отсутствием в теории информационного права и цивилистики единого концептуального подхода к определению юридической природы цифрового медиапространства как объекта правового регулирования. Традиционные цивилистические конструкции формировались применительно к аналоговой среде, где действовали чёткие институциональные рамки: редакционный контроль, идентифицируемый источник информации, территориально определённая юрисдикция. В цифровой среде возникает феномен «опосредованной реализации прав», размывающий традиционные границы ответственности.

Ключевая теоретическая проблема заключается в том, что доктрина не выработала критериев, позволяющих отличить допустимые ограничения свободы слова, необходимые в демократическом обществе, от скрытых форм цензуры и подавления социально значимой речи, особенно в условиях, когда ограничения вводятся не государством напрямую, а опосредованно — через механизмы саморегулирования цифровых платформ, требования к удалению контента, блокировку ресурсов и привлечение к ответственности за репост. Отсутствие такой теоретической рамки порождает правовую неопределённость и неоднородную судебную практику.

Особую остроту данному противоречию придаёт цифровая специфика: доминирование зарубежных интернет-платформ, не попадающих под традиционный редакционный контроль, усиливает дисбаланс между частноправовыми механизмами самозащиты и публично-правовыми средствами принуждения. В отсутствие единой доктрины информационного права сохраняется разрыв между конституционными гарантиями и реальным правоприменением, что ведёт к неоднородной судебной практике по спорам о распространении информации (например, по делам об удалении контента, блокировке ресурсов, привлечении к ответственности за репост) [7, с. 41]. Кроме того, возрастающая роль самоцензуры как неформального ограничителя свободы слова требует осмысления в категориях цивилистики: не является ли самоограничение распространения информации разновидностью отказа от осуществления права и как соотносятся добросовестность и публичный интерес при распространении массовой информации [8, с. 94].

Доктринальное разрешение обозначенной проблемы видится в разработке и нормативно-теоретическом обосновании императивно-диспозитивной модели правового регулирования свободы слова в цифровой среде, которая синтезирует публично-правовые и частноправовые начала, не сводясь ни к этатистскому контролю, ни к либертарной анонимности.

С теоретической точки зрения, предлагаемая модель исходит из следующих концептуальных посылок:

1. Презумпция допустимости свободы слова как общего дозволения: любые ограничения не выводятся из общего запрета, а вводятся как исключения, подлежащие узкому, формально определённом и пропорциональному толкованию [1; 6].
2. Разграничение двух институциональных форм ограничений по объекту правовой охраны, заключающееся в защите конфиденциальных данных и борьбе с деструктивными сведениями, создающими информационную угрозу.
3. Любое ограничение свободы слова, вводимое государством, само подлежит судебному контролю на предмет соразмерности, пропорциональности и соответствия критерию «необходимости в демократическом обществе» [5, с. 22].
4. Двухуровневая система регуляции: «жёсткое право» (императивные нормы, судебный контроль, юридическая ответственность) и «мягкое право» (этические стандарты, медиаграмотность). Свобода слова как личное неимущественное благо не может быть полностью опосредована только публично-правовыми механизмами принуждения — необходима внутренняя регуляция, формирующая стандарты добросовестного поведения.

С цивилистической точки зрения, данная модель представляет собой синтез публичных и частных начал: государственно-властное воздействие (императив) ограничивает осуществление субъективных прав лишь в конституционно значимых целях, тогда как диспозитивность выражается в свободе участников информационных отношений выбирать способы распространения и получения информации в пределах, установленных законом [2; 8, с. 100].

С учётом предложенной доктринальной модели представляется необходимым закрепление следующих практико-юридических решений.

1. Анонимность противоречит принципу идентификации субъекта правоотношения. Предлагается обязательная идентификация пользователей при создании web-сайтов, блогов и каналов в мессенджерах с подписной аудиторией сверх установленного законом порога (аналогично правовому статусу блогера). Операторы связи и организаторы распространения информации обязаны хранить идентификационные данные в установленные сроки и предоставлять их уполномоченным органам на основании судебного решения [4].
2. Необходимо законодательно закрепить: обязанность провайдеров информировать уполномоченные органы о выявлении противоправного контента; предельные сроки удаления такой информации или ограничения доступа; административную и гражданско-правовую ответственность за бездействие. Параллельно требуется повысить эффективность системы технических средств ОРМ с обязательной автоматической регистрацией каждого мероприятия и ежегодным публичным отчётом перед контрольными органами, что обеспечит баланс между публичными интересами и правом на частную жизнь [3].
3. Для ресурсов, отвечающих критериям массовости, периодичности, распространяемости и узнаваемости, целесообразно установить упрощённую уведомительную процедуру регистрации. С цивилистической точки зрения, регистрация носит не разрешительный, а учредительно-легитимирующий характер, аналогично регистрации юридического лица [9, с. 112]. Ведение публичного реестра и ответственность за распространение информации без регистрации (в случаях, когда она обязательна) позволяют отделить профессиональную журналистскую деятельность от любительской, что важно для применения института ответственности за диффамацию.
4. Цифровая среда трансгранична по своей природе, поэтому национальные ограничения свободы слова малоэффективны без международно-правовой координации. Необходимо заключение международных соглашений о сотрудничестве в борьбе с правонарушениями в сети Интернет, унификация критериев противоправного контента, порядка его блокировки и взаимного признания судебных решений.

5. Предлагается: установить судебный порядок введения большинства ограничений доступа к информации; закрепить право пользователя на обжалование решений о блокировке или удалении контента в административном и судебном порядке; требовать обязательного мотивированного решения при введении ограничений; создать эффективные механизмы восстановления нарушенных прав, включая компенсацию ущерба при незаконном ограничении доступа к информации.

Наряду с правовыми механизмами существенное значение имеют: усиление этических журналистских практик, развитие институтов профессионального саморегулирования, повышение медиаграмотности населения через внедрение образовательных программ, поддержку независимых фактчекинговых проектов. С цивилистической точки зрения, эти механизмы не обладают юридической обязательностью, но формируют стандарты добросовестного поведения, которые могут учитываться судами при оценке действий участников информационного обмена [7, с. 47].

Европейский суд по правам человека, рассматривая вопрос об ответственности интернет-портала за анонимные комментарии пользователей, содержащие язык вражды и угрозы, сформулировал правовую позицию, имеющую принципиальное значение для обоснования императивно-диспозитивной модели. Суд признал, что в условиях доминирования зарубежных интернет-платформ, не подпадающих под традиционный редакционный контроль, государство вправе возлагать на организаторов распространения информации обязанность по оперативному удалению противоправного контента при условии, что такие меры являются соразмерными, формально определёнными и сопровождаются эффективным судебным контролем. ЕСПЧ подчеркнул, что «право на свободу выражения мнения, гарантированное статьёй 10 Конвенции, не является абсолютным» и его ограничения «должны быть необходимы в демократическом обществе» и «пропорциональны преследуемой законной цели». При этом Суд особо отметил, что анонимность пользователей не должна служить препятствием для привлечения к ответственности за распространение деликтного контента, а судебный контроль является гарантией от произвольных блокировок и цензуры [5, с. 26].

Реализация предложенного комплекса правовых, институциональных и этических мер позволяет достичь конституционно-правового баланса между реализацией права на свободу слова и обеспечением информационной безопасности личности, общества и государства. Такой баланс не есть статичное равновесие, а динамический процесс постоянного согласования публичных и частных интересов, осуществляемый в пределах, установленных законом, и под контролем независимого суда. Предложенная императивно-диспозитивная модель создаёт доктринальную основу для выработки критериев допустимых ограничений, которые могут быть операционализированы в конкретных правовых конструкциях, задавая вектор правотворчеству и правоприменению в цифровую эпоху. Только в этом случае средства массовой информации смогут выполнять свою социальную миссию — объективное информирование населения, контроль за действиями государственной власти и развитие демократических процессов в условиях цифровой трансформации общественных отношений.

Список литературы:

1. Бачило И.Л. Информационное право: проблемы доктрины и правоприменения // Государство и право. – 2021. – № 8. – С. 35–48.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2024. – № 33. – Ст. 4978.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391; 2023. – № 52. – Ст. 9530.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163; Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 10.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237; 2020. – № 144.
6. Монахов В.Н., Рассолов И.М., Новаторова Д.С., Самородова Э.В. Императивно-диспозитивная модель регулирования свободы слова в цифровой среде: концептуальные основания // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 6. – С. 88–104.

7. Постановление Европейского суда по правам человека от 16 июня 2015 г. по делу «Делфи АС против Эстонии» (жалоба № 64569/09) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2016. – № 2. – С. 14–28.
8. Рачков М.П., Бычкова А.М. Регистрация интернет-СМИ: учредительный или легитимирующий характер? // Закон. – 2022. – № 7. – С. 105–117.
9. Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2302.

УДК 349.4**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВИДА РАЗРЕШЁННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА****Эпингер Евгений Денисович**

студент 4 курса

научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**

к.ю.н., доцент, доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургский институт (филиал) Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется легальная дефиниция вида разрешённого использования земельного участка, введённая Федеральным законом от 31.07.2025 № 295-ФЗ и вступающая в силу с 1 марта 2026 года. Впервые на уровне Земельного кодекса РФ ВРИ определён как деятельность, допускаемая не только на поверхности участка, но также над и под ней. Анализируется трансформация ВРИ из технической характеристики в ядро правового режима земли, выявляются коллизии нового «вертикального» измерения с законодательством о недрах и воздушном пространстве, а также проблемы, порождаемые отсутствием количественных критериев глубины и высоты использования. На основе доктринальных исследований обосновывается необходимость нормативной конкретизации параметров допустимой деятельности за пределами плоскости земной поверхности и предлагаются соответствующие изменения законодательства.

Ключевые слова: вид разрешённого использования, земельный участок, правовой режим, вертикальное использование

THE LEGAL NATURE OF THE TYPE OF PERMITTED USE OF A LAND PLOT**Epinger Evgeniy Denisovich**

4th-year student

Scientific advisor: **Kuzmina Maria Vyacheslavovna**

Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Business and Labour Law

Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the legal definition of the type of permitted use of a land plot introduced by Federal Law No. 295-FZ of July 31, 2025, which enters into force on March 1, 2026. For the first time at the level of the Land Code of the Russian Federation, the type of permitted use is defined as an activity permitted not only on the surface of the plot, but also above and below it. The author analyses the transformation of the type of permitted use from a technical characteristic into the core of the legal regime of land, identifies conflicts between the new “vertical” dimension and the legislation on subsoil and airspace, as well as problems arising from the absence of quantitative criteria for the depth and height of use. Drawing on doctrinal sources, the article substantiates the need for normative specification of the parameters of permitted activities beyond the plane of the earth’s surface and proposes corresponding amendments to the legislation.

Keywords: type of permitted use, land plot, legal regime, vertical use

Реформа земельного и градостроительного законодательства, центральным звеном которой стал Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ, знаменует собой фундаментальный сдвиг от консервативного деления земель по категориям к регулированию их использования через регламенты. Ключевой характеристикой, вокруг которой теперь выстраивается правовой режим конкретного участка, становится вид разрешённого использования (далее — ВРИ). Как отмечает Д.Р. Соловьёв, ранее на законодательном уровне отсутствовала единая и должная дефиниция ВРИ, что позволяло выделить по меньшей мере три ключевых подхода к его пониманию — деятельностный, регламентный и комплексный [5]. Теперь же ВРИ определяет не только то, какие объекты капитального строительства допустимо возводить на земле, но и саму хозяйственную деятельность, которую правообладатель вправе осуществлять. М.Е. Щёбленков, анализируя позиции различных исследователей, также приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления единого подхода к определению ВРИ в целях повышения правовой определённости и устойчивости регулирования земельных отношений [8].

Особую актуальность теме придаёт то обстоятельство, что законодатель впервые вывел ВРИ за пределы плоской проекции земной поверхности. Новая редакция статьи 14.1 Земельного кодекса РФ распространяет разрешённую деятельность на пространство над и под участком, то есть вводит так называемое вертикальное измерение использования земли. М.Д. Сутягин, исследуя проблемы определения правового режима земель посредством зонирования и установления видов разрешённого использования, подчёркивает, что отсутствие законодательно закреплённой терминологии и неразвитость института зонирования создают серьёзные препятствия для эффективного регулирования земельных отношений [7]. Это прогрессивное решение, однако его практическая реализация сопряжена с серьёзными правовыми рисками, поскольку ни сам Кодекс, ни подзаконные акты не содержат чётких критериев, ограничивающих глубину и высоту такого использования.

Пункт 1 статьи 14.1 Земельного кодекса РФ в редакции, вступающей в силу с 1 марта 2026 года, определяет вид разрешённого использования как «вид деятельности, которую с учётом ограничений, установленных в соответствии с законодательством, допускается осуществлять на земельном участке, а также над и под его поверхностью, если иное не предусмотрено законом». Данная формулировка впервые придала ВРИ пространственное измерение. Однако в законе отсутствуют указания на то, где именно заканчивается правомерное использование «под поверхностью» и начинается сфера действия законодательства о недрах, равно как и нет параметров, ограничивающих высотное использование без создания объекта капитального строительства. А.Н. Приженникова, анализируя основные подходы к пониманию правовой конструкции «разрешённое использование земельного участка», справедливо указывает, что российское законодательство и правоприменительная практика порождают ряд проблем в рассматриваемой сфере правового регулирования [4].

Такая неопределённость порождает принципиальный вопрос о соотношении ВРИ и лицензионных режимов. Согласно статье 1.2 Закона РФ «О недрах», недра являются государственной собственностью и предоставляются в пользование на основании лицензии. Если правообладатель земельного участка, действуя в рамках ВРИ, предполагающего, например, строительство подземного паркинга, извлекает грунт на глубину 5 метров, осуществляется ли тем самым пользование недрами? Закон о недрах относит к общераспространённым полезным ископаемым песок и глину, а их добыча требует лицензии. Однако, если глубина котлована не превышает мощности почвенного слоя, пользование недрами, как правило, не фиксируется. Граница между «землёй» и «недрами» остаётся оценочной, и новая дефиниция ВРИ, не вводя количественных рубежей, лишь усугубляет эту неопределённость.

Схожая ситуация возникает и с использованием пространства над земельным участком. Временные конструкции — строительные леса, рекламные щиты, подъёмные краны — формально могут быть отнесены к деятельности над поверхностью, разрешённой ВРИ. Но если такой объект создаёт помехи воздушному движению или нарушает строительные нормы, налицо конфликт с Воздушным кодексом РФ и законодательством о безопасности. Без чётко установленной высотной границы действия ВРИ невозможно однозначно ответить на вопрос, является ли, например, размещение вышки сотовой связи высотой 30 метров реализацией ВРИ «связь» либо требует дополнительных согласований как объект, выходящий за рамки земельных отношений.

С.А. Липски, исследуя зонирование территорий как механизм обеспечения целевого использования земель [3], подчёркивает важность чёткого разграничения правовых режимов для предотвращения коллизий между земельным и иными отраслями законодательства. Анализируемая норма действительно создаёт ситуацию, при которой правообладатель, действующий добросовестно и в

рамках установленного ВРИ, может быть привлечён к ответственности за нарушение совсем иного законодательного режима — о недрах или об использовании воздушного пространства. Следовательно, провозглашённая законодателем цель упорядочения земельных отношений и устранения правовых пробелов в части вертикальной составляющей ВРИ не только не достигается, но и порождает новые правовые риски.

Для уяснения глубины проблемы необходимо обратиться к иным новеллам, определяющим роль ВРИ в правовом режиме земли. Законодатель не только ввёл пространственное определение, но и закрепил главенство ВРИ: согласно пункту 2 статьи 14.2 Земельного кодекса РФ, источником его установления являются регламенты — градостроительные, лесохозяйственные, положения об особо охраняемых природных территориях. Е.М. Андреева, исследуя многофункциональный подход к правовому режиму земельного участка, констатирует, что административные органы по-разному оценивают использование земельного участка в соответствии с ВРИ, зачастую трактуя одновременное использование по нескольким видам как правонарушение, что свидетельствует о сохраняющейся неопределённости в толковании норм о ВРИ [1]. ВРИ становится обязательным для всех категорий земель, а его формулировка должна строго соответствовать Классификатору, утверждаемому уполномоченным органом. Тем самым ВРИ утрачивает характер технической, описательной характеристики и приобретает качество нормативного предписания, определяющего дозволенное поведение.

Однако именно эта нормативность вступает в противоречие с неопределённостью вертикальных границ. Классификатор, детально описывающий содержание каждого ВРИ (например, «жилая застройка», «сельскохозяйственное использование», «обслуживание автотранспорта»), не содержит никаких указаний на допустимую глубину или высоту осуществления соответствующих видов деятельности. Более того, установление таких параметров в подзаконном акте, каковым является Классификатор, может быть расценено как вторжение в сферу законодательного регулирования недропользования и воздушного права, что недопустимо с точки зрения иерархии нормативных актов.

Не менее значим практический аспект регистрации ВРИ. Пункт 5 статьи 14.1 Земельного кодекса РФ устанавливает, что начать осуществление деятельности по условно разрешённому ВРИ можно лишь после внесения соответствующих сведений в ЕГРН. До этого момента любая активность, в том числе связанная с вертикальным использованием, квалифицируется как нецелевое использование — административное правонарушение по статье 8.8 КоАП РФ. М.А. Сороколетова, А.А. Вашева и А.И. Григорьева, характеризуя особенности ответственности за нецелевое использование земель, отмечают, что изъятию подлежат не только земли, которые не используются по целевому назначению, но и земли, используемые вопреки таковому, и подчёркивают недостаточную дифференциацию размера административного штрафа [6]. В свою очередь, М.А. Вербицкая и Т.Б. Светличная выявляют терминологическое несоответствие положений административного и земельного законодательства, что приводит к определённым трудностям в правоприменительной практике [2]. Следовательно, пространственный компонент ВРИ непосредственно приобретает правоприменительное значение: инспектор государственного земельного надзора должен определить, вошёл ли правообладатель в границы «под поверхностью» или «над поверхностью» в рамках зарегистрированного ВРИ. Отсутствие легальных параметров делает такое определение произвольным и открывает дорогу для административного усмотрения.

Для устранения описанной правовой неопределённости необходимо внести в Земельный кодекс РФ ряд уточнений. Во-первых, следует дополнить пункт 1 статьи 14.1 абзацем следующего содержания: «Пределы использования земельного участка над и под его поверхностью устанавливаются в соответствии с техническими регламентами, строительными нормами и правилами, а в отношении участков, расположенных под объектами капитального строительства, — в объёме, необходимом для их нормальной эксплуатации, если иное не предусмотрено законодательством о недрах и воздушным законодательством». Такая формулировка снимет противоречие между ВРИ и лицензионными режимами, чётко указав на субсидиарный характер земельной нормы.

Во-вторых, Правительству РФ целесообразно утвердить критерии, при которых использование подземного пространства в рамках ВРИ не признаётся пользованием недрами, требующим лицензии.

В-третьих, необходимо дополнить Классификатор видов разрешённого использования положением, что каждый ВРИ осуществляется на поверхности, над и под ней в той мере, в какой это необходимо для реализации его основного содержания, если иное не оговорено специальным законом.

Это позволит синхронизировать подзаконное регулирование с новыми положениями Земельного кодекса и исключить произвольное толкование вертикального компонента.

Предложенные изменения, не отменяя прогрессивного замысла реформы, придадут правовому режиму ВРИ необходимую определённую и защитят добросовестных правообладателей от необоснованных претензий контролирующих органов и судебных исков.

Список литературы:

1. Андреева Е.М. Многофункциональный подход к правовому режиму земельного участка: анализ правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 1. С. 1–15.
2. Вербицкая М.А., Светличная Т.Б. Нецелевое использование земельных участков: некоторые проблемы административной ответственности // Юридическая наука и практика. 2023. № 4. С. 1–15.
3. Липски С.А. Зонирование территорий как механизм обеспечения целевого использования земель // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 6. С. 59–65.
4. Приженникова А.Н. Вид разрешенного использования земельного участка: обзор судебной практики // Образование и право. 2020. № 10. С. 37–46. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10437.
5. Соловьёв Д.Р. Понятие вида разрешенного использования земельного участка: правовая природа, практическое значение и судебная интерпретация // Вестник науки. 2025. Т. 3. № 5 (86). С. 652–659.
6. Сороколетова М.А., Вашева А.А., Григорьева А.И. Ответственность за нецелевое использование земель в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 1–10.
7. Сутягин М.Д. Зонирование территорий и разрешенное использование земель как способ определения правового режима земель и земельных участков // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 1–10.
8. Щёбленков М.Е. К вопросу об определении понятия «виды разрешенного использования земельных участков» // Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). С. 95.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 796.011.3

СИЛОВЫЕ ТРЕНИРОВКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА

Жидков Сергей Дмитриевич

студент

Костромина Ольга Владимировна

доцент кафедры Физического Воспитания и Спорта

Самарского государственного технического университета, институт автоматизации и информационных технологий, г. Самара

Аннотация. В статье рассматривается влияние силовых тренировок на организм человека с позиций физической культуры и оздоровительной физической подготовки. Раскрываются основные механизмы воздействия силовых упражнений на мышечную, костную, сердечно-сосудистую и нервную системы, а также их роль в развитии физических качеств, укреплении здоровья и профилактике возрастных изменений. Отдельное внимание уделяется возможным рискам при неправильной организации тренировочного процесса и условиям безопасного использования силовых нагрузок.

Ключевые слова: силовые тренировки, физическая культура, организм человека, мышечная система, костная система, здоровье, физическое развитие, профилактика заболеваний.

STRENGTH TRAINING AND ITS EFFECTS ON THE HUMAN BODY

Zhidkov Sergey Dmitrievich

student

Kostromina Olga Vladimirovna

associate Professor of the Department of Physical Education and Sports

Samara State Technical University, Institute of Automation and Information Technologies, Samara

Abstract. The article examines the effects of strength training on the human body from the perspective of physical education and health-oriented physical activity. It describes the main mechanisms by which resistance exercises affect the muscular, skeletal, cardiovascular, and nervous systems, as well as their role in developing physical fitness, improving health, and preventing age-related changes. Special attention is given to possible risks associated with improper training organization and to the conditions for safe use of resistance exercise.

Keywords: strength training, physical education, human body, muscular system, skeletal system, health, physical development, disease prevention.

Силовые тренировки долгое время воспринимались преимущественно как часть спортивной подготовки или способ развития мускулатуры. Однако в условиях современной малоподвижной жизни их значение стало значительно шире. Организм человека формировался в условиях постоянной физической активности: движение обеспечивало не только выполнение повседневной работы, но и нормальное функционирование мышечной, сердечно-сосудистой и обменной систем. Сегодня же значительная часть людей проводит большую часть дня в сидячем положении — за учебой, компьютером или работой, практически не создавая для организма необходимой двигательной нагрузки.

По данным Всемирной организации здравоохранения, недостаток физической активности относится к числу основных факторов риска развития неинфекционных заболеваний. Последствия гиподинамии становятся заметны постепенно: снижается мышечный тонус, ухудшается выносливость, появляются проблемы с осанкой, быстрее возникает чувство утомления. Во многих случаях человек не замечает резкого ухудшения состояния, однако организм начинает хуже переносить даже обычные бытовые нагрузки.

На этом фоне силовой тренинг постепенно перестает быть исключительно спортивной практикой. Упражнения с сопротивлением создают контролируемую нагрузку, заставляя организм адаптироваться к физической работе. Во время тренировок активизируется деятельность мышечной, нервной, сердечно-сосудистой и эндокринной систем [2]. Регулярные занятия помогают не только увеличить силу или мышечную массу, но и поддерживать общий уровень работоспособности, устойчивость к утомлению и функциональные возможности организма.

Понятие силовых тренировок

Под силовыми тренировками понимают систему упражнений, выполняемых с преодолением внешнего сопротивления. В качестве нагрузки могут использоваться свободные веса, тренажеры, эспандеры или собственная масса тела [2]. Основной физиологический механизм подобных тренировок связан с постепенной адаптацией организма к возрастающему уровню нагрузки.

Во время мышечной работы организму приходится перестраивать сразу несколько систем одновременно. Возрастает потребность тканей в кислороде и энергии, активизируется работа нервной системы, усиливается кровообращение, изменяются обменные процессы. Именно поэтому силовой тренинг воздействует не только на мышцы, как часто принято считать, а фактически на весь организм в целом.

Характер тренировочного процесса напрямую зависит от поставленных целей. При развитии максимальной силы используются большие рабочие веса и относительно небольшое количество повторений. Если основной задачей является набор мышечной массы, чаще применяется умеренная нагрузка в сочетании со средним тренировочным объемом [4]. В оздоровительных программах приоритет обычно отдается умеренной интенсивности, контролю техники движений и постепенному увеличению нагрузки без чрезмерного перенапряжения организма.

На практике современный силовой тренинг редко ограничивается исключительно упражнениями на силу. Во многих случаях он сочетается с аэробными нагрузками, упражнениями на гибкость и элементами координационной подготовки. Подобный подход позволяет развивать организм более сбалансированно и снижать вероятность перегрузки отдельных мышечных групп.

Влияние на мышечную систему

Наиболее заметные изменения при регулярных силовых тренировках происходят именно в мышечной ткани. Во время интенсивной работы мышечные волокна испытывают механическое напряжение и получают микроразрывы. В период восстановления организм начинает адаптироваться к подобной нагрузке: усиливается синтез белка, изменяется структура мышечных волокон и совершенствуется нервно-мышечная регуляция [3].

В результате мышцы становятся не только более объемными, но и функционально более подготовленными к физической работе. Причем рост силы связан далеко не только с увеличением мышечной массы. На первых этапах тренировок значительную роль играет адаптация нервной системы. Организм постепенно учится эффективнее вовлекать мышечные волокна в движение, благодаря чему повышается точность и экономичность мышечной работы [2].

Особенно важное значение подобные нагрузки приобретают после 30–35 лет, когда процессы естественной потери мышечной массы начинают постепенно ускоряться. Малоподвижный образ жизни дополнительно усиливает этот эффект. На практике это проявляется снижением силы, ухудшением осанки, повышенной утомляемостью и уменьшением общей физической выносливости. Регулярные силовые упражнения позволяют значительно замедлить развитие подобных возрастных изменений и дольше сохранять функциональные возможности организма.

Влияние на сердечно-сосудистую систему

Долгое время считалось, что силовые тренировки оказывают влияние преимущественно на мышцы, тогда как основным средством развития сердечно-сосудистой системы являются исключительно аэробные нагрузки. Однако современные исследования показывают, что при правильно организованном тренировочном процессе упражнения с сопротивлением также вызывают выраженные адаптационные изменения со стороны сосудов и сердца [3].

Во время физической работы ткани начинают потреблять значительно больше кислорода. Сердцу приходится быстрее перекачивать кровь, а сосудам — адаптироваться к возрастающему объему кровотока. При регулярных тренировках улучшается кровообращение, повышается эластичность сосудистой стенки и возрастает эффективность работы сердечной мышцы.

Человек постепенно начинает легче переносить повседневные физические нагрузки, быстрее восстанавливается после утомления и дольше сохраняет работоспособность. Особенно заметно это проявляется у людей, ведущих преимущественно сидячий образ жизни, поскольку даже умеренные силовые нагрузки позволяют частично компенсировать недостаток двигательной активности.

При этом чрезмерные нагрузки без учета уровня подготовки способны оказывать и негативное воздействие. Работа с большими весами при нарушении техники выполнения упражнений создает избыточное напряжение для сердечно-сосудистой системы. Именно поэтому ключевым условием безопасности остается постепенное увеличение нагрузки и контроль общего состояния организма [2].

Список литературы:

1. Кузнецов А. А. Влияние физических упражнений на организм человека. — М.: Спорт, 2022.-184 с.
2. Лысенко В. А., Мироошников А. А. Регулярные силовые тренировки как фактор укрепления здоровья // Физиология человека. — 2021. — Т. 47, № 1. — С. 43–52.
3. Иванова Е. П. Основы силового тренинга: учебно-методическое пособие. — М.: Физкультура и спорт, 2021. — 96 с.
4. Корягина Ю. В. Физиология силовых видов спорта. — М.: Советский спорт, 2010. — 312 с.
5. Гуревич И. А. Силовая подготовка в системе физического воспитания // Физическая культура в школе. — 2023. — № 5. — С. 12–18.

Формат 60х90/16. Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная.

Адрес страницы в сети Интернет: www.naupri.ru
Дата выхода в свет: 20.06.2026. Цена свободная.

© Авторы статей, 2026

© Редакция научного журнала «Наука через призму времени», 2026
E-mail: nau-pri@naupri.ru

ISSN 2541-9250

9 772541 925005 >